

5643 149
200.439
МАРКА ТУЛЛІА ЦИЦЕРОНА

КНЬНГА

О ДУЖНОСТИМА.

Р19Ср II 1069. 1

Р II 872

РП 872
Рисрп 1069.1

5643

МАРКА ТУЛЛІА ЦИЦЕРОНА

КНЬИГА

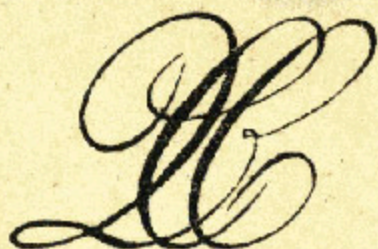
О ДУЖНОСТИМА.

Съ латинскогъ на србски

п р е в о

ГРИГОРІЕ ЛАЗИЊЪ,

негдашній Професоръ у гимназій Карловачкой.

(Издано Друштво Србске Словесности).

У БЕОГРАДУ.

У Правителственой Типографіи

1854.

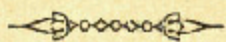
ПЕВ. бр. 195828

ПРВА КНЬИГА.

У В О Д Ъ.

Опредѣленіе дужности. Раздѣленіе свію моралны испытанія. Прво, о моралномъ добру, или о добродѣтели. Доводъ ове изъ природе човеческе. Четири главне добродѣтели. 1. Познаніе истине, или мудрость. 2. Дружевна добродѣтель, коя правду и благодѣтелство у себи содржава. 3. Великодушіе, съ коимъ в храбрость союжена. 4. Умереность, изъ кое се наблюденіе пристойности раѣа. Сравненіе цене различиты овы добродѣтельй.

1.

Ако ты, сыне Марко, кои веѣъ годину дана славногъ Кратиппа, и то у славной Атини слушаешъ, и вси пунъ и правила и основоположенія философски; ерь ти онай науку, а ова примѣре дати може: опеть мыслимъ, као што самъ самъ на мою ползу са грчкимъ езикомъ латинскій свагда саюжвао, и то самъ не само у философіи, него и у словима чинію, да то исто треба и ты да радишъ, ако си радъ, да у обоемъ роду говора еднаку готовость добіешъ. У овомъ самъ, чинимисе, моимъ земля-

цима доста помогао, тако, да не само они, кои не знаю грчки, него и учени држе, да се у моимъ сочиненіама, и што се израженія, и што се рассуђе- нія тиче, не мала помоћъ за нѣи налази. Зато ты примај науку одъ тогъ за наше време највећегъ философа, докле ти е воля; а волю имај дотле, докле годъ осећашъ, да напредуешъ. Читанѣ пакъ мои сочиненія, коя се слабо одъ перипатетически разликую; еръ се и мы академици зовемо ученици Сократови и Платонови, као и они, быће ти заиста полезно: оћешъ ли се изъ нѣи каквой истини научити, то теби самомъ остављамъ, да разсудишъ: израженіе ћешъ у латинскомъ езику сигурно совршеніемъ учинити. Ово некъ не мысли нико, да е изъ гордости речено. Еръ као годъ што я у философіи многима првенство уступаамъ: тако исто мыслимъ, да оно, што е витіи свойствено, сходно, точно и украшено израженіе, мени као собствено добро приписати могу. Свойски те дакле, сыне, молимъ, да не само слова моя, него и философиска сочиненія, кои готово онолико има, колико и оны, прилѣжно читаешъ. У оныма е истина силніе израженіе; али и овай мирный и умереный родъ говора заслужуе вниманіе и упражненіе. Нема мыслимъ, тогъ Грка, кой се и съ еднимъ, и съ другимъ родомъ говора бавіо, и кой се како у ономъ краснорѣчію, коимъ се явна дѣла одправляю, тако и у ономъ, коимъ се общте истине предлажу, упражнявао: осимъ, ако не бы Димитріа Фалереа у ту классу ставили; кой е истина оштроуманъ философъ быо, но нинайманѣ ватренъ витія ніе быо; опетъ е пакъ толику имао пріятность, да се лако могао познати, да е Теофрастовъ ученикъ. До когъ самъ я совершенства и у едномъ, и у другомъ роду говора дошао, о томъ други некъ суде; доста, да самъ се у обоемъ упражнявао. Стоимъ добаръ, да бы и Платонъ силно и

пуно, и Демостень точно и украшено могао быо говорити, само да се онай быо на витійство дао, а овай да є оно, што є одъ Платона научію, запамтію быо, и изговорити тео. Тако исто мыслимъ о Аристотелу, и о Исократу; кои су се само о своіой науци бавили, а за другу нису марили.

2.

Будући да самъ наумію садъ за тебе штогодъ писати, а после и выше: одъ оногъ, мыслимъ, предмета треба да почнемъ, кои є и твоимъ годинама, и момъ имену найсходніи. А то є, као што ми се чини, наука о дужностима: стваръ заиста између многи важны и полезны предмета, о kojima су философи основателно и краснорѣчиво писали, по момъ миѣнію, и найобширнія, и найполезнія, него и коя друга. Ёрбо нема тогъ станя у животу човеческомъ, нити у явнымъ, нити у приватнымъ, нити у државнымъ, нити у домаћимъ пословима, и радіо човекъ што за себе самогъ, или съ другимъ у какву обвезу ступію нема, велимъ, тогъ станя, коє небы свое дужности имало; и ове само ако човекъ чини, честанъ є, ако ли нечини, онъ є постиданъ. И съ овымъ се испытаніємъ сви философи баве. Ёръ ко є тай, кои бы се смео философомъ називати, а да ніє никаквы правила о дужности издао? Има неки система, коє, предлагаюћи науку о последньої цѣли човеческой, сваку дужность закопаваю. Ёръ кои вели, да найвыше добро ни у какомъ союзу съ добродѣтелію не стои, и то по своіой асни, а не по внутренней доброті мери; тай, ако се свои основоположенія уздржи, и кадкадъ се природнымъ чувствомъ не побѣди, нити може пріятельства, нити правде, нити штедроте дужности чинити. Тако исто храбаръ не може быти, ако боль за найвеће зло држи; нити умерень,

ако найвеће добро у чувственомъ увеселенію по-
лаже. О свему овомъ, ако и єсть тако очевидно,
да никаквы доказателства не треба, на другомъ
самъ месту обширніе говорію. Ове дакле системе,
ако оћеду, да се са собомъ самымъ слажу, не тре-
ба ништа о дужности да говоре. Само они фило-
софи могу основателна, постоянна, и природи сход-
на правила о дужностима дати, кои морално добро
за само, или за найвеће добро држе. Ово є испы-
таніе стоицима, академицима, и перипатетицима
свойствено: єрь мнѣніе Аристоново, Пиррхоново, и
Хериллово одавно є већъ одбачено; премда бы и
ови имали право, о дужностима говорити, да су са-
мо изборъ какавъ међу виѣшнымъ стварма остави-
ли, изъ когъ бы се дужности извести могле. За-
садъ ѣу се дакле и у овой ствари, по стоицима
владати, не као толкователь; него ѣу, као што
имамаъ обичай, изъ нѣювы извора, по момъ раз-
суђенію и по моіой вољи. колико ми узтреба,
заитати.

Будући дакле да ѣу у целомъ овомъ сочине-
нію о дужностима говорити: то треба найпре да о-
предѣлимъ, шта є дужность; кое, чудимъ се, да є
Панетій изоставію. Єрь свако испытаніе, кое се као
што валя, предузима, треба да се одъ опредѣленія
свогъ предмета започне; да се зна, о чемъ є упра-
во разговоръ.

3.

Сва се наука о дужностима дели на две главне
части. Прва садржава опредѣленіе найвышегъ до-
бра; друга дѣйствує о правилама, по којима у сва-
комъ одношенію животъ нашъ управляти имамо.
Къ првой части принадлеже ови вопросы: єсу ли
све дужности савршене, то єсть, єсу ли сва дуж-
ностима сообразна дѣла, савршено добра дѣла? Є ли

една дужность веѣа одъ друге? и кое су еднаке? Кои се пакъ дужностей правила излажу, те, ако се найвышегъ добра и тичу, опетъ се не толико на ово, колико на изображеніе човека къ дружевномъ животу односе: о тима ѣу у овымъ кнѣигама говорити. Има іоштъ едно раздѣленіе дужности; еръ и средня се нека дужность зове, и савршена. Грци савршену дужность зову *κατ' ὅριον*, мы кажемо савршено право; а обшту дужность зову *καθ' ἑκόν*, то єсть пристойно. Обе овако опредѣлюю: савршена се дужность састои у дѣлима, коя су сасвимъ добра, а средня у такима, коя се паметнымъ узроцима могу оправдати. Испытанія дакле, коя свакомъ дужности сходномъ дѣлу предходить мораю, єсу, по Панетію, трояка. Или се пыта, є ли оно о чемъ размышлявамо, похвале или хуле достойно, то єсть, є ли добро или зло, — при комъ испытываню доста пута незна човекъ, кое ѣе се стране држати; или се пыта, приносили оно, о чемъ размышлявамо, штогодъ ко угодности и пріятности живота, къ чести, къ богатству, къ власти, и къ средствама, коима и себе и свое помоѣи можемо, или не, то єсть, є ли оно полезно, или неполезно; треѣе испытыванѣ онда быва, кадъ намъ се чини, да се добро и полезно меѣу собомъ не слажу. Кадъ насъ сирѣчь користъ съ єдне стране къ себи вуче, а съ друге стране опетъ поштенѣ одвраѣа; борба се и немиръ у души нашої роди, кога неѣе пре нестати, докъ и єдне и друге узроке добро неизмеримо. При овомъ є раздѣленію двое изоставлѣно, а изоставлянѣ є у деленю велика погрешка. Еръ не пытаєе само, є ли што добро или зло, него и то, шта є измеѣу два добра болъ, и коя є измеѣу две полезне ствари полезніа. И тако петъ частей испытанія има, одъ кои є Панетій само три предложію. Прво морамъ говорити о моралномъ добру, и то у двоякомъ призрѣ-

нію; затимъ тако исто о полезномъ; найпосле о сравненію и єдногъ и другогъ између себе.

4.

Съ почетка є таки свакой животинѣ то одъ нарави дано, да себе, животъ, и тѣло чува, да се одъ окогъ клони, што му се шкодливо чини, а да тражи и прибавля себи све оно, што му є за животъ нужно, као што є рана, обиталиште, и друго подобно. Обшта є притомъ свію животиня желя за соединеніємъ, збогъ рађаня, и нека брига о оныма, коя су се родила. Алъ те човекъ одъ други животиня найвыше тимъ разликує, што ове само оно желе и раде, на што їй чувства воде, и што є предъ нѣма, а врло мало оно осећаю, што є прошло, или што ће бити: човекъ пакъ, будући да разумъ има, коимъ узроке и слѣдства стварій познає, зна какве су садъ, какве ли су пре были, подобне ствари сравнює, и тако оно, што є садъ, сажожава съ онымъ, што ће бити: лако целогъ живота теченіє прегледа, и нуждне за овай ствари преправля. Ова иста наравъ силомъ разума човека съ човекомъ тако веже, да и єданъ другомъ свое мысли говоромъ саобштава, и єданъ съ другимъ у друштву живи: улива у нѣи особиту неку любовь къ оныма, кои су се изродили: тера їй не само да желе, да скупштине и друштва међу людма бываю, него да и они тога участници буду: и збогъ тога да се потруде, да све оно, што є за одело и рану нужно, прибаве, и то не само за себе, него за жену, за децу, и за друге, кои су имъ мили, и подъ нѣювомъ одбраномъ стое. Ова брига буди духъ човеческій, и за веће послове приуготовлява. Човекъ се притомъ одъ други животиня и тимъ разликує, што онъ жели оно, што є истинито, научити, и може таково што истражити. А то се отудъ види,

што мы сви, како се нуждны послова и бриге курталишемо, желимо штогодъ видити, чути, и научити: држимо притомъ, да и сакривене и выше ствари треба, да знамо, ако мыслимо срећно живити. Отудъ се види, да е оно, што е истинито, искрено и чисто, природи человеческой найсходниѣ. Као годъ што е човекъ радъ, да што истинито види и научи, тако исто жели, да е старіи одъ другогъ, да се никомъ неповинуѣ, ако му е душа одъ нарави добро изображена, развѣ ономъ, кои му правила за какву непознату стваръ предписуѣ, или га учи, или му на нѣгову аснѣ по правди и по законима заповеда: изъ овогъ се рађа великодушіѣ, и человечески стваріи презреніѣ. Найпосле ніѣ ни то мала сила нарави и разума, што између други животиня самъ човекъ зна, шта е редъ, шта е пристойно, и кои е начинъ у дѣлима, и у говору нѣговомъ. И у самымъ онымъ стварима, кое се глѣде, никаква друга животиня не осѣћа лепоту, пріятность и согласіѣ частіи. Ово подобіѣ пренаша наравъ и разумъ одъ очію на душу, и мысли, да у мыслима и у владанію нашемъ треба, да много выше красоту, согласіѣ и редъ наблюдавамо; да бы се сваке непристойности и слабости чували, и свію безобразны мнѣнія и дѣла гнушали. Изъ овы е частіи сложено оно, што мы моралнымъ добромъ називамо; кое остаѣ у себи добро, ма га нико не одобравао, и кое е по нарави похвално, ма га нико нехваліо.

5.

Ово е обликъ, или, тако да рекнемъ лице добродѣтели; кое кадъ бы се очима видити могло, ватрену бы заиста любовь къ себи (као што вели Платонъ) у нама поджегло. Дакле све, што е морално добро, изъ едногъ се одъ ова четири извора рађа. Или се состои у набавлянію правы знаня, и

у упражненію разума; или се односи на друштво, и показуєсе у чуваню овогъ, у чуваню собственогъ имѣнія, и у совѣстномъ извршиваню учинѣне обвѣзе; или се состои у величини, и крѣпости високогъ и непобѣдимогъ духа; или наипосле у реду, и начину свега, што се ради и говори; за кое є умѣреніє желя, и владанѣ надъ страстма нужно. Ово четворо премда є єдно за друго тако повезано, да єдно безъ другогъ неможемо имати: опетъ се по себи єдно одъ другогъ разликує, тако, да се изъ свакогъ извѣстне неке дужности раѣаю. Тако, на примеръ, изъ прве части моралногъ добра, коя се у истраживаню истине состои, проистичу дужности мудрости. Оногъ сирѣчь паметнымъ или мудрымъ називамо, кои оно, што є у ствари найистинитіє, найбистріє и найбрже може и видити, и другима истолковати. Истина є дакле предметъ, съ коимъ се мудрость бави. А други є трію добродѣтельй предметъ дѣятелный животъ; оне се съ онимъ дѣлима баве, коима се потребе живота прибавляю и чуваю. Правде є та цѣль, да се нѣомъ дружевна свеза меѣу людма добро сачува. Превосходство се и величина душе показує у умножаваню и набавляню богатства и добитка за насъ и за наше, а іошть выше у презренію и єдногъ и другогъ. А и редъ, благонравіє, и умереность выше се состоє у дѣланю и у нашемъ внѣшнѣмъ владаню, него ли у самомъ мышлѣню. Єрь онай се само честитымъ и зрелымъ човекомъ назива, кои у внѣшнѣмъ животу, у обхожденію, и у пословима начинъ некій и редъ наблюдава.

6.

Одъ оне четири части, на кое смо добро морално разделили, прва є, коя познаніє истине у себи садржава, природи человеческой найвѣѣма свой-

ствена. Брѣ сви єдва чекамо, да штогодѣ научимо, и да знамо: сви држимо, да є лепо друге у томѣ превозиѣ: погрешавати пакѣ, незнати, и варатисе, мыслимо, да є и зло, и ружно. У овомѣ и природномѣ, и благородномѣ теженю за наукомѣ, две погрешке треба да избегавамо: прва є, да ствари непознате не држимо за познате, и да тако слепо ове одобравамо. Кою погрешку кои усхте избеѣи (сви пакѣ мораю хтети), тай ће сваку стварь и лагано, и прилѣжно испытивати. Друга є погрешка та, што се гди коима ствари мрачне, тежке, а притомѣ не-полезне допадаю тако здраво, да превеликѣй трудѣ на нѣи полагаю. Ако се ове две погрешке избегну; свакиѣ трудѣ, кои се на честне и знаня достойне предмете буде употребію, по правди ће се хвалити и одобравати. Тако се у старо време дао на звездочтеніє К. Сулпицій, а у наше време С. Помпей на землѣмѣріє; многи на умословіє, а іоштѣ выше нѣи на право гражданско. Ове се све науке са истраживанѣмѣ истине баве. Изъ ревности къ овой, послове званичне пренебрегнути, єсть противѣ дужности; єрѣ сва се цена добродѣтели у дѣланю состои; но будуѣи да се ово доста пути прекида, то има доста времена, кадѣ се на оне науке, коє веѣма него друге, волемо, вратити можемо. И онда насѣ дѣятельность душе наше, коя никадѣ не стои на миру, башѣ и безѣ нашегѣ намѣренія, на то наводи, да о стварма мыслимо и разсуждавамо. Свакогѣ пакѣ мышлѣня, и свакогѣ заниманія ума, предметѣ є, или советованѣ о томѣ, шта треба, да радимо, шта ли не треба, да бы дужности своє извршили, и добарѣ и среѣанѣ животѣ имали; или истраживанѣ общи истина, и приобрѣніє праве науке. Ово є све о првомѣ извору дужности.

7.

Одѣ оны трію други частіѣ наибширніѣ є она;

коя о дружественнымъ дужностма дѣйствує, то єсть о оныхма, на коима є друштво човеческо, и као живота заєдність или обштежитіє основано. Ове се дужности на две части деле. Єдна є правда, прва одъ свію добродѣтельй: по ньой се честни люди називаю. Друга є благодѣтелство, кое є на човоколюбію основано, а штедроту подъ собомъ содржава. Правда ово двоє изискує: прво, да никомъ не шкодимо, кои насъ найпре ніє увредіо; друго, да обште добро као обште, а приватно као наше собствено употребляемо. Одъ нарави ништа ніє собствено: него све, што кои има, постало є нѣгово или првымъ притяжаніємъ, као кадъ су народи у пусте предѣле дошли; или освоєніємъ у рату, или правилномъ деобомъ, или купованѣмъ, или уговоромъ, или среѣномъ. И тако се догодило, да се садъ єдна земля zove Арпинска, а друга Тушкуланска, она є Арпинатима, а ова Тушкуланима припала. Тимъ су истымъ начиномъ приватна притяжанія постала. Будући дакле да су ствари, кое су одъ нарави обште были, на выше частій поделѣне, одъ кои свака єдномъ єдитомъ принадлежи: то некъ свакій съ онымъ, што му є припало, буде задоволянь: кои више устражи, тай ѣе право друштва човеческогъ увредити. Но будући да се мы, по изредномъ Платоновомъ изреченію, нисмо за насъ саме родили, него часть нашегъ роѣня отечество себи присвоява, а неку часть пріятельи; и будући да су као што Стоици веле, сви производи земни на ползу човеческу, люди пакъ єданъ збогъ другогъ создани, да бы єданъ другомъ помагали: то у овомъ треба, да се по природи владамо, да, чинєћи другима, и примаюћи одъ други заслуге, обште благостояніє, одъ когъ мы нашу часть уживамо, и сами подпомажемо; тако треба, да употребленіємъ наши тѣлесны сила, наши вєщтина, и нашегъ имѣ-

нія, союзъ међу людма све већма стежемо. Темель є пакъ правде поштенѣ, то єсть истинитость у ономъ, што сведочимо, и верность у ономъ, што обећавамо. По овомъ понятію, произведеніє оно Стоическо неможемо сасвимъ одбацити, кое се многима може бити чини, да є силомъ учинѣно, по коме *fides* верность, одъ *fieri* бити, долази, єрь є онай веранъ, кои оно заиста и учини, што рекне.

Али два има рода неправде: єданъ є, кадъ врећамо; а другій, кадъ увреде, кое другима бываю, не одбіамо, а могли бы. Кога лютина или друга каква страсть на то наведе, да другомъ неправеднымъ начиномъ штету учини, тай є толико учинію, као да є непријатељски на друга свогъ напао. Кои пакъ не брани, нити противостає неправди, а могао бы, тай є толико кривъ, као кадъ бы своє родитељ, своє отечество, и своє другове, у опасности оставіо. Оне увреде, кое съ намѣреніємъ бываю, да се другима шкоди, доста се пута одъ стра раћаю; будући да онай, кои мысли другомъ шкодити, боисе, да небы, ако онъ то не уради, самъ одъ другогъ какву увреду претрпіо. Найвыше пакъ увреду чине збогъ користолюбія, то єсть, да оно добію, што желе. А то све по већой части бива изъ сребролюбія.

8.

Богатство траже люди, или да имаю изъ чега живити, или да се могу свакоякимъ начиномъ веселити. Люди већегъ духа траже новце вообщте зато, да себи многе обвезати могу, и да себи тако путь къ власти и чести отворе. Тако ономадь рече М. Крассъ, да ни єданъ, кои бы тео, да є нешто велико у држави, ніє богатъ, ако своимъ доодцима не бы могао войску ранити. Друга є полза богатства та, да намъ се сія кућа, и све покућанство,

и да се у свему, што є око насъ, лепота и изоби-
ліє види. Ово све чини, да тако безмерно за нов-
цемъ гинемо. Умножаванъ имѣнія, коє нікомъ не
шкоди, не треба хулити: али се неправде треба
свагда клонити. Найвыше пакъ они за правду за-
бораве, кои гину за владанѣмъ, за достоинствомъ,
за славомъ. Ёрь, што Енній вели:

„Никадъ ніє было союзъ тврдъ, никадъ ніє была
заклетва света, коя є на поделѣномъ престолу два
краля союжавала.“ *) — Ово се разумева о свакомъ
честолюбію. Ёрь, што є годъ тако отлично, да га
немогу многи, но само єданъ, получить; у томъ по-
найвыше бива тако отиманъ, да неможе бити, да
се дружевна права не увреде. То є, за нашегъ ве-
ка, посведочило безуміє К. Кесара, кои є сва пра-
ва, и божія, и човеческа погазіо, само да до само-
властія, у комъ є найвећу срећу погрѣшно пола-
гао, доћи може. То є пакъ жалость, што найвећи
духови, и найблагородніє душе понайвыше за че-
стію, за владанѣмъ, за власћу, и за славомъ гину.
Тимъ дакле већма треба, да се чувамо, да у ту
страсть не паднемо. У свакой пакъ неправди, мно-
го се на то гледи, бива ли она изъ какве страсти,
коя є понайвыше кратка, и за време, или бива съ
намѣреніємъ и навалице. Маня є свагда она не-
правда, коя у ватри какве страсти бива, него она,
на кою се дуго преправляло. Ово є доста о не-
правди.

9.

Чине пакъ многи неправду тимъ, што друге
не бране, изъ различиты узрока. Или се бое неспрі-
ятельства, коє бы на себе навукли, или беже одъ

*) Ово се тиче Етеокла и Полини, Едиповы сынова, кои су
се за Тебанско царство свађали, и у двовборству погинули.

труда, и одъ трошка, кои бы морали на себе примити; или што су небрежљиви, ленъи, и слаби; или су се наипосле у свое собствене послове и забаве тако задали, да нити могу, нити имаю кадъ оныма помоћи, коима бы морали помоћи. И тако може бити, да оно нїе сасвимъ истина, што Платонъ за философе вели: они мораю бити праведни; еръ се само са испытываѣмъ истине баве; а она добра, коя само рать и кавгу међу людма заводе, нити уважаваю, нити траже. Они истина съ єдне стране совршую дужности правде тимъ, што никомъ нечине неправде, но съ друге стране греше, што друге не бране. Еръ увеселеніе, кое у наукама налазе, лако ій може тако обузети, да за оне и забораве, кое бы бранити морали. Тако исто и оно нїе истина, што се отудъ изводи: „прави философи не бы требало, да другчіе публична званія примаю, него кадъ се натераю.“ Башъ они, мыслимъ, требало бы, да найрадїе у публична званія ступаю. Еръ свако по себи добро дѣло онда текъ добродѣтель буде, кадъ своевольно быва. Има и таки людї, кои, или што су се са своіомъ економїомъ врло забавили, или што мрзе на друге люде, говоре, да само свой посао гледе, да се небы рекло, да другомъ неправду чине. Ови су одъ єдне неправде чисти, а у другу падаю. Ови бываю одпадници друштва човеческогъ, еръ общте благостояніе нећеду ни чимъ, ни трудомъ, ни памећу, нити имѣніемъ своимъ, да подпомогу. Изъ овогъ, што самъ о обоимъ родовима неправде, и о нѣнымъ узроцима, као годъ и найпре о природи неправде говорїю, свакїй може лако разумети, шта у поєдинымъ случаєвима треба, да чини, само ако му себичне желѣ на путь не стану. Тежко є пакъ о тућемъ добру бригу носити. Хремесъ Теренцієвъ каже истина: „све, што се човека тиче, то се и мене тиче;“ но опетъ кадъ се до

озбиљности дође, сасвимъ другачіе бива. Будући да по природи нашої добро и зло, кое намъ се догађа, осећамо, а што другима бива, само разумомъ познаемо, и оно као предъ нашимъ очима, а ово издалека гледимо: сасвимъ другчіе о њима, него о нама, судимо. Зато е најболѣ оно нечинити, о чемъ се сумњамо, е ли право, или ніе. Ђрѣ што е право, то се и само по себи познае: а како е гди сумња, то е већѣ знакѣ, да ніе право.

10.

Има пакѣ случаева, у којима се дѣла, која су иначе поштенѣмъ и, као што говоримо, честитѣмъ човеку највећѣма свойствена, као н. пр. воверену стварѣ вратити, дану речѣ одржати, у којима се, велимѣ, дѣла меняю, тако да после човекѣ ніе дужанѣ, нити чинити, нити казати оно, што бы иначе по истини и верности чинити мораѣ. Оваке случаеве треба на она два главна, у почетку предложена, основоположенія о правди возвести: прво е, да никѣмѣ не шкодимо, а друго, да обште благо подпомажемо. Кадѣ се дакле оно, што е шкодљиво, и полезно, чрезѣ обстоятелства меня, то се и дужности меняю. Може н. п. когодѣ другѣме таково што обећати, или о такомѣ чемѣ съ другимѣ уговорѣ учинити, кое ни едномѣ, ни другомѣ, небы на аснѣ было. Да ніе Нептунѣ, као што у басни стои, оно, што е Тесеѣу обећаѣ, учиниѣ; небы се оваѣ сына свогѣ Хипполита лишіѣ. Између три желѣ, као што се приповеда, та е была трећа, у лютини безѣ сумнѣ изречена, да смртѣ сына свогѣ дочека, сынѣ умре, а онѣ у највећѣ тугѣ падне. Дакле нити треба она обећаня држати, која ономѣ, комѣ си учиниѣ, нису на аснѣ; нити она, која выше теби шкоде, него што ономѣ, комѣ си обећаѣ, ползую. Ђрѣ свагда противѣ дужности чинимо, кадѣ

већу штету маньой предпоставлямо. Кадъ бы се н. п. когодъ другомъ обећао, да ће као нѣговъ сведокъ, или бранитель суду предстати, а међу тимъ му се сынъ страшно разболе; то небы противъ дужности учинію, што бы речъ свою натрагъ узео; него бы онай другій противъ дужности учинію, ако бы се тужію, да га е пріятель нѣговъ оставію. А да оно, што смо одъ стра, или преварени, обећали, нисмо дужни извршити, свакій добро зна. Већа се часть оваки обећаня изреченіємъ Преторскимъ, а нека законима уничтожаваю. Неправде се често рађаю и оговаранѣмъ некимъ, и врло лукавымъ и злымъ толкованѣмъ права. О овомъ е она пословица, коя вели: найвећа е правда, найвећа неправда. Овакимъ се начиномъ често и у државама погрешава. За примѣръ може намъ служити онай вождъ, кои миръ съ непріятелѣмъ на тридесетъ дана учини, а ноћу непріятельску землю опустоши, говорећи, да се миръ учинѣный дана тиче, а не ноћій. Подобно поступанѣ некогъ одъ наши людій нетреба одобрити, ако е истина, што о некомъ Фабію Лабеоу приповедаю, или о некомъ другомъ (єрѣ ништа выше неznamъ, него што самъ чуо). Овай буде у некой распри збогъ границе између Нолана и Неаполитанаца одъ сената за судію опредѣленъ; кадъ на место дође, говораше и съ єдномъ и съ другомъ страномъ поособъ, да се небы себични и грабљиви показали; и да бы волели умаћи свакій свою границу, него измаћи. Ово кадъ обе стране учине, прилично парче землѣ у среди остае. Фабій дакле границе нѣюве, као што су сами рекли, опредѣли, и одсуди, да оно парче, што е у среди остало, Римскомъ народу припадне. Тако не чини судія, него разбойникъ; овакогъ се лукавства у свачемъ поштень човекъ треба да гнуша.

11.

И прама оны имамо неке дужности, кои су насъ увредили. Ёрѣ и враѣанѣ, и казненѣ за неправду мора свою границу имати. Я мыслимъ, доста є, да оногъ, кои насъ є увредіо, дотле доведемо, да се свогъ дѣла кає, тако, да насъ у напредакъ ни онѣ, нити другій ко сме увредити. Особито пакъ треба, да народи између себе права воєнна свето хране. Ёрѣ будући да два начина има, коима се кавге смирую; єданѣ бива испытиванѣмъ права, а другій насиліємъ; и будући да є онай човеку, а овай животиняма свойственѣ: то само онда треба, да къ овомъ последнѣмъ прибегнемо, кадъ намъ се првый не да употребити. Често є дакле ратѣ нужданѣ, да у сигурномъ миру живити можемо: али како се побѣда добыла, треба се за оне старати, кои у рату нису были свирѣпи, нити безчовечни. Тако су наши предци, Тушкулане, Екве, Волске, Сабине, и Хернике и у само число свои сограђана примили: а Картагену и Нуманцію до основанія разорили, само да у Коринтѣ нису дирали: но то су, мыслимъ, збогъ тога учинили, што су се бояли, да небы и сама згода места непріятеля на воденѣ рата возбудила. По момъ мнѣнію, болій є мирѣ, у комъ є человекъ одъ своіо сѣтій сигуранѣ, него ма каква асна рата. У чемъ да су мене слушали; имали бы, ако не найболіо, а оно какву таку државу; а садѣ ніє никаква. Како годѣ што побѣђене треба обдржавати, тако и оне, докле битка трає, треба одъ непріятеля примати, кои се, положивши оружіе, милости вожда предаю. Ово є дужность, кою су наши стари тако свето хранили, да су они, коима су се побѣђени народи у рату предали, у миру после нѣіови бранителѣи и заштителѣи были. Сва су пакъ правила оне правде, кою у рату треба наблюдавати, у нашемъ праву

феціалномъ точно опредѣлена. По овомъ никакавъ другій рать нїе праведанъ, само онай, кои се, после исканогъ удовлетворенія, и торжественогъ обявленія починѣ. Помпилій є у провинціи са войскомъ заповедао, у коіой є Катоновъ сынъ рекрутъ быо. Помпилій наѣе за добро, да єданъ легіонъ, кодъ кога є младый Катонъ служіо, дакле и нѣга распусти. Но будући да овай изъ любви къ бореню при войсци остане, пише Катонъ генералу, да бы га на ново заклео, ако бы му допустіо, да у военной служби остане: єрѣ одѣ прве заклетве ослобоѣенъ, съ непріятелѣмъ се борити не сме. Тако се точно наблюдавало право у починяню рата. И данасъ се налази писмо старца Катона на нѣговогъ сына, у комъ пише, да є чуо, да є онъ одѣ конзула, подѣ коимъ є у Македоніи противъ Персея воевао, одпуштень. Советує га дакле, да се на пошто съ непріятелѣмъ не туче; єрѣ кои нїе солдаты, тай се съ непріятелѣмъ тући не сме.

12.

И то примѣчавамъ, да сѣ наши стари, хотећи свирѣпость ствари блажіомъ речію умекшати, место *perduellis*, кое є было право име непріятеля, употреблявали речѣ *hostis*, коя є найпре то значила, што кодъ насъ значи туѣинъ. Ово доказую различа места оны дванайсть таблица, у коима н. п. стои: *status dies cum hoste*, одреѣенъ терминъ у парницама са туѣиномъ; а на другомъ месту: *adversus hostem aeterna auctoritas esto*, туѣинъ не може никакво добро дугимъ употребленіемъ присвоити. Има ли веѣегъ доказательства за човечество, него то, што оногъ, съ коимъ рать водимо, туѣиномъ називамо? Премда се ово име, *hostis*, дугимъ временомъ свирѣпїе учинило, будући да є одѣ туѣина одступило, и само на оногъ, кои противу

насъ съ оружіємъ иде, остало. И оны ратова, кои се за славу, или за врховну власть воде, они исти узроци треба да су, о којима самъ мало пре казао, да су буди каквогъ рата праведни узроци; таки се притомъ ратови треба са маньомъ свирѣпосѣу да воде. Ёрь како годъ што се мы са сограђаниномъ другачіе инатимо, ако се онъ о шта съ нама заедно отима, а другачіе, кадъ намъ е непріятель; са онымъ се свађамо за честь и достоинство, а са другимъ се боримо за животъ и добро име: тако е исто рать са Целтиберима и Цимбрима вођенъ, да се види, не, кои ће владати, него кои ће живъ остати; а са Сабинима, съ Латинима, са Самнитима, съ Картагенянима, и са Пиррхомъ, за верховну се власть воевало. Картагеняни су союзъ погазили, Ханиибаль е быо свирѣпъ, а други сви праведни. Изреданъ Пиррховъ одговоръ о враћаню робля изразіо е Енній овимъ речма:

Нити тражимъ одъ васъ злата, нити други каквы
новаца;

Не као тргуюћи съ ратомъ, него, као што треба,
воююћи,

Мачемъ, а не златомъ да се за животъ боримо.

Оће ли сређа, коя са свима влада, да вы, ил' да
я владамъ,

Нека храбрость оцени. Чуйте и ово:

Коій е животъ сређа оружія поштедила,

Тій самъ я слободу поштедити науміо:

Даємъ и покланямъ вамъ ій, водите ій, кадъ су
такo велики богови хотели."

Благородна заиста, и Еацидскогъ колена достoйна беседа.

13.

И ако што и поедини солдати, обстоятелствама натерани, непріятелю обеђаю, треба да совестно

изврше. Великій намъ є примѣръ о томъ дао Регуль. Кадъ овай, као робъ Картагинянскій, буде у Римъ збогъ промене робля посланъ, са заклетвомъ, да ће се вратити: найпре є у сенату говоріо, да не треба роблѣ меняти; после, кадъ га стадоше сродници и пріятельи задржавати, волео се на известну и грозну смртъ вратити, него речъ, неприятелю дану, не одржати. У другомъ Пуническомъ рату пошлѣ Ханнибалъ десетъ робова у Римъ, са заклетвомъ, да ћеду се вратити, ако о враћаню робля ништа не израде. Ове, будући да су противу заклетве свое у Риму остали, преместе цензори, за целый нѣовъ животъ, у последню классу грађана; и съ онимъ се ніє болѣ догодило, кои се лажіомъ тео изъ заклетве да исплете. Овай сирѣчь, како изъ стана по допуштеню Ханнибаловомъ изиђе, таки се врати, говорећи, да є, незнамъ, шта заборавіо. Кадъ другій путь изъ стана изиђе, мысліо є, да є одъ заклетве ослобођенъ; а речма є и было, но не стварію. Али у даной речи свагда треба гледати на оно, шта си мысліо, а не, шта си говоріо. Найвећи су намъ примѣръ правде прама неприятеля показали стари наши, кадъ су бегунца некогъ изъ Пиррхове войске, кои се обећао, да ће краля отровати, Пиррху предали. И тако и самогъ неприятеля, кои є и силанъ было, и самъ рать подигао, падежъ са злочинствомъ нису одобрили. — И то треба, да не заборавимо, да и прама найнижи людій треба, да правду наблюдавамо. Найнижи су пакъ слуге наше. Они намъ najbolj правило даю, кои веле, да съ нѣима треба, као съ надничарима поступати; искати одъ нѣи, да оно, што су дужни раде, а зато имъ, што є право давати. — Будући пакъ да неправда двоякимъ начиномъ, насиліємъ, сирѣчь и преваромъ быва; превара є лисици, а насиліє лаву свойствено: ни єдно, ни друго ніє за човека, но

опетъ є превара гора. Нема горе неправде, него, кадъ ко вара, а овамо се чини, да є поштенъ човекъ.

14.

Друга є дружевна дужность благодѣтельство и штедрота; одъ ове добродѣтели нема сходніє за природу човеческу; али многе има предосторожности. Прво треба да пазимо, да наше благодѣтельство никомъ не шкоди, а особито ономъ, комъ се указує, но ни другомъ коме; друго, да намъ благодѣянїя наша не буду већа одъ имѣнїя нашегъ; треће, да се по заслуги даю. Ёръ ово є основанїє правде, на кою све треба возносити. Оне дакле люде, кои желю други, на нѣову штету, испуњаваю, нетреба за добродѣтелне и за штедре, него за убиточне ласкателѣ држати. А кои єдномъ шкоде, да бы другомъ добро учинили, тїи таку неправду чине, као кадъ бы туђе добро на свою ползу употребљавали. Има притомъ многи, а то су понайвыше славолюбиви, кои одъ єдны отимаю, а другима даю. Мысле сирѣчь, да ћеду славу штедроте придобити, ако прїятелѣ свое ма коимъ начиномъ обогате. Ово є тако далеко одъ добродѣтели, да ништа одъ овогъ нїє дужности противнїє. Прво дакле правило за нашу штедроту то треба да буде, да прїятельима ползуємо, али да никомъ не шкодимо. Сулла и Кесарь нису были штедри, што су новце одъ правы господара одузели, а неправыма дали. Ёръ то име штедроте не заслужує, гди правде нема. — Друга є предосторожность, кою самъ препоручїю ова, да благодѣтельство наше не буде веће, него што намъ є имѣнїє. Кои су ради выше благодѣянїя чинити, него што имъ обстојательства допуштаю, греше прво противъ права свои сродника. Ёръ оно добро, коє бы правїє было овима

дати, и оставити, пренашаю на друге. Притомъ разсипаюћа овака штедрота союжена е са грабљивошћу и неправеднымъ отиманѣмъ, само да има доста за раздаванѣ. Има доста и таки, кои нису одъ природе штедри, него изъ намѣренія честолубія, много чине, да се штедри покажу, на кое їй никаква внутрєня наклоность не вуче, него само жєля, да се предъ другима покажу. Овако пакъ претварањ сродниє є са суетомъ, него са штедротомъ, и съ правомъ добродѣтелию. Треѣе є, на што треба да пазимо, изборъ лица, коима ћемо добро чинити. При овомъ избору треба и на морално нѣово владанѣ, и на нѣово срце прама насъ, на одношеніє и союзъ, у комъ съ нѣима стоимо, а наипосле и на услуге, кое су намъ кадъ чинили, да гледимо. Ако све ово у єдномъ лицу наћемо. то онда нема одъ нѣга достойнієгъ, комъ ћемо благодѣяніє учинити. Ако ли нїє тако; то ће доста бити, да оныма првенство дамо, у коима выше и важніи узрока наћемо.

15.

Но будући да мы не живимо међу совршєнымъ людма и мудрацима, него међу такима, кои су изредни люди, ако су имъ дѣла подобна добродѣтели: то се само по себи разумева, да никогъ не треба презрѣти, у комъ се неки знаци добродѣтелє душе виде. Вообште пакъ, што є кои выше блажїимъ овимъ добродѣтельма, пристойношћу, умереносћу, и, о комъ самъ толико већъ говорїо, поштенѣмъ украшенъ; то выше наше подпомагањ заслужує. Ёрь храбаръ и великій духъ у несовршеномъ и не мудрому човєку по већой є части жесточїи и распустнїи; оне напротивъ добродѣтели єсу свойства доброгъ човєка. Ово є што се владаня тиче. — Што се срца и наклоности други прама насъ тиче, прва є дужность, да оныма найвыше

чинимо, кои насъ найвеѣма воу. У суденю пакъ о той наклоности не треба, по обычаю млады людѣй, на некѣй жаръ любви, него на постоянство, да гледимо. Люде кодъ насъ заслужне, коима смо дакле услуге не, чинити, но враѣати дужни, треба свима другимъ предпоставити. Ёрь одъ благодарности нема нужднѣе дужности. Кадъ смо, по Хезіодовымъ речма, займъ у веѣой мери враѣати дужни, само ако можемо: то шта треба да оныма чинимо, кои су насъ благодѣянѣемъ обвезали? Безъ сумнѣ то, што родне нѣиве чине, коє много выше даю, него што су примиле. Ёрь кадъ оныма, одъ кой се надамо, да ћеду намъ добро какво учинити, радо услуге чинимо; какви треба да будемо прама оны, кои су намъ веѣъ добро учинили? Вообште два има рода штедроте; еданъ чини благодѣянѣя, другѣй враѣа. Оѣемо ли учинити благодѣянѣе, или не, у нашой власти стои, али не вратити, поштенъ човекъ не сме, само ако то безъ увреде другоѣ може учинити. За сва пакъ благодѣянѣя нисмо дужни единако благодарити. Ономе смо безъ сумнѣ найвыше дужни, кои намъ є найвыше добра учинію. Но опетъ треба гледати, съ каквымъ є кой срцемъ, и съ каквымъ намѣренѣемъ то учинію. Ёрь многи чине благодѣянѣя само случайно, безъ свакоѣ разсужденѣя, и безъ свакоѣ избора. или изъ слабости прама оны, ко коима напрасна нека наклоность, као ветаръ, тера. Ова благодѣянѣя нису онако велика, као она, коя се съ разсужденѣемъ, са изборомъ, и са постояннымъ заключенѣемъ чине. Али и у чинѣню благодѣянѣя, и у благодареню, ако є друго све единако, дужность є наша, да оному найпре помогнемо, кои наше помоѣи найвыше треба; а то многи не чине. Ёрь одъ кога се найвыше надаю, томе, ако и не треба, найвыше и чине.

16.

Найболѣ ћемо пакъ нашимъ дружевнымъ отношеніямъ удовлетворити, ако, што кои у тешићмъ союзу съ нама стои, томъ выше благодаренія узчимо. Коликогуби су пакъ союзи међу людма, и одкуда се рађаю, то треба мало точнѣ да испитамъ. Прво є отношеніє оно, кое се у друштву целогъ рода човеческогъ состои. Овогъ є свеза разумъ и єзикъ. Како люди, єданъ съ другимъ говорити, своє мысли сообщавати, пытати, одговарати, учити, опровергавати и бранити, єдномъ речію, заєдно мыслити могу; то се таки природно друштво међу њима рађа. Нити се и коимъ другимъ свойствомъ толико одъ животия други разликуємо, као дружевносћу. Многима између њи приписуємо ячину, као н. п. коньма, лавовима, ал' правду и доброту никомъ одъ њи не приписуємо; єрь разума и говора немаю. Обштій овай союзъ, кои люде међу собомъ, а све са свима соединява, обвезує насъ на то, да све оне ствари, кое є природа на обште употребленіє произвела, као обште сматрамо. И премда є по грађанскимъ правама приватно имѣніє уведено, кое се у' целости чувати мора; опетъ доста онаки стварій остає, кое се и данданашній међу людма онако сматрати могу, као што бы, по грчкой пословици, између пріятеля све требало да буде, обште. Енній именує неколико стварій, кое къ овой класси принадлеже, изъ кой се лако може видети, кое су іошть такє:

„Човекъ, кои блудећемъ радо путь покаже,
Подобанъ є ономъ, кои другомъ свећу са своїомъ
прежеже;
Њму опетъ светли, ако є ономъ и прежегао.“

Овай єданъ примѣръ довольно изяснява, шта є обште правило; што се годъ сирѣчь, безъ наше

штете, другомъ дати може, то да дамо, ма и непознатомъ. Отудъ проистичу она найобичнія правила: да не забранимо никомъ, изъ текуће поредъ насъ рѣке заитати воду; да допустимо, ватре мало одъ насъ узети; да ономе добаръ совѣтъ дамо, кои насъ за совѣтъ пита. То су све онаке ствари, коє оногъ ништа не коштаю, кои дає, а ономъ су одъ велике асне, кои прима. Дакле и ова обшта добра треба да употребљавамо, али и одъ нашегъ собственогъ треба штогодъ къ обштемъ благу да прилажемо. Но опетъ будући да є имѣніє поєдины людій мало, число пакъ оны, кои тога требаю, неброєно: то треба да ту штедроту обшту ограничимо, по ономъ Еннїевомъ стиху: „свећа треба и ономъ іоштъ да светли, кои є другомъ прежегао;“ да намъ остане, чимъ ћемо наше ближе прїателѣ помагати моћи.

17.

Выше дакле има степеній у союзу између людій. Иза оногъ првогъ, безпредѣлногъ союза, найпре иде онай, у коме съ оныма стоимо, кои къ єдномъ народу съ нама принадлеже, єднымъ єзикомъ съ нама говоре: овай люде найвећма веже. Іоштъ є тешный союзъ између людій, кои су изъ єдногъ места. Ђръ каквы немаю тїи добара, коя заєдно уживаю! И каквымъ нису свезама међу собомъ скопчани! Она иста пїяца, єдна црква, она иста места за шетню, путови, закони, правице, судови, єднаки вотуми у собранїама, притомъ обичаи, и прїяТЕЛЬСТВА, и различита отношенїа збогъ новчаны и други послова. Іоштъ є тешня свеза између сродника. Изъ безпредѣлногъ союза рода човеческогъ садъ се ово дружтво у некїй сасвимъ малый и узанъ кругъ скупля. — Будући да є побуђенїє къ расплођеню прво и обште свима животи-

няма; то є првобытно друштво людско, супружество. Изъ овогъ се рађа друго међу родителѣма и децомъ. Оба заедно сочиняваю єдну фамилію. у којој су два добра обшта. Домаће є друштво темель грађанскогъ, и као школа државе. После слѣдує свеза између браће; а после између сестрића и братића. Ови кадъ већъ у єдну кућу немогу да стану, изиђу, као населенія, у друге куће. Садъ се изжене, и съ другима сроде; одкудъ после све веће и веће сродство буде. Изъ овогъ се расплођаваня и подмладка рађаю државе. Ово пакъ сродство веже люде и благонаклоносћу и любовію. Ёрѣ сила то значи, єдне имати паметнике стары, єдне светковине, и єдно гроблѣ. Али између своју свеза нема благородніє, ни тврђе одъ оне, коя два паметна, поштена, и у начину мышлѣня єднака мужа пріятельствомъ союжава. Ёрѣ оно морално добро (кое често споминѣмо) ако и у другомъ видимо, опетъ насъ дира, и оноу, у комъ се види, чини насъ пріятелѣ. И премда насъ свака добродѣтель къ себи привлачи, и чини, да оне волемо, у којима ту налазимо: опетъ правда и човеколюбіє то найвыше чини. Кадъ се съ овима, по себи прекраснымъ свойствама душе іошть одъ обе стране, єднакъ темпераментъ, єднакій начинъ мышлѣня, и єднака наклоность союзи; то онда нема ништа, што бы пажню овы людій, и тврђу нѣовогъ союза превозишло. Ёрѣ будући да єдну цѣль, и єдну забаву имаю; то се єданъ съ другимъ тако увеселява, као са собомъ самымъ. А отудъ се рађа то, што Питагорасъ у пріятельству изискує, да изъ два лица єдно буде. — Друга велика свеза између людій бива даванѣмъ и приманѣмъ благодарѣнія. Ова, ако се и узаймно чине, и съ єднакомъ признателносћу примаю, врло постоянно пріятельство могу учинити. — Кадъ све свезе међу людма промотримо, ни єдна

ніе тако важна, и тако мила, као она, коя насъ свакогъ съ државомъ веже. Мили су намъ родители, мила деца, мили сродници: но любовь къ отечеству све те любви у себи содржава: за кое кои добаръ и поштенъ човекъ небы и самъ животъ свой жертвовао, само ако му може своіомъ смрћу полезанъ быти? Врло є гнусно беснило оны людій, кои свакоякимъ насиліємъ отечество свое упропашћаваю, и целогъ свогъ века єднако гледе, како ће га сасвимъ упропастити. Кадъ ова различіта отношенія између себе сравнимо, да видимо, коме смо найвыше обвезани: прво є отечество, а други наши родители, као први и найвећи наши благодѣтели: за овима иду деца, и наша фамилія, коя само за насъ знаю, нити и каквогъ другогъ прибѣжишта могу имати. За овима слѣдую пріятни сродници, кои су по већой части наше среће. — За рану, и за внѣшнѣ благостояніе найвыше оны дужни смо се старати, кое самъ пре именовавъ: а пріятельства дужность изискує одъ насъ, да се съ пріятельма верно обходимо, да їй советуємо, да съ нѣма разговоре проводимо, да їй опоминѣмо, да їй тѣшимо, а кадкадъ и карамо. Найслађе є пріятельство међу оными, кои єднаке наклоности имаю.

18.

У чинѣнію свію овы услуга треба да гледимо, шта є коме найнужднѣе, и шта бы кои и безъ насъ, или могао получитьи, или не. Степени се сродства не слажу свагда са обстоятелствама. Има неки услуга, кое смо пре єдними, него другима чинити дужни, ако намъ и єсу ови ближи, него они. Пре ћемо н. п. у жетви комшіи помоћи, него брату, или пріятелю: али пре ћемо брата или пріятеля предъ судомъ бранити, кадъ процесъ какавъ има, него комшію. На ова и подобна отношенія, треба при

свакой дужности, у єдинимъ случаєвма да пазимо. Садъ, да бы се на сва ова обстоятелства пазити научили; да бы меру, кою она domeћу или ваде, као што треба опредѣлили, да бы као добре моралне рачунциє отудъ сумму скупили, да се види, шта смо и колико смо коме дужни: нужно є упражненіє и искусство. Ёрь како годъ што нити лекари, нити вождови, нити витіє знатно што и похвално, безъ упражненія и искусства произвести могу, ако су правила свое науке и научили: тако се могу и за извршиванъ дужности правила прописивати, као што садъ и самъ радимъ; али да бы се добродѣтели сасвимъ навикли, као єдной найтежой вештини, треба да велико искусство и упражненіє имамо. — Досадъ, мыслимъ, да самъ довольно казао, како изъ природе и права друштва човеческогъ другій родъ моралногъ добра слѣдує, и како се изъ тогъ особите дужности изводе.

Између четири она источника добродѣтели и дужности, кое самъ предложю, ни єданъ се тако великій у очима народа не чини, као великій, и, виѣшнъ ствари, презираюћій духъ. Зато кадъ оћемо кога изъ презрѣнія да понизимо, ленъость му пребацуємо, па велимо:

„Млади сте, истина люди, али женско срце имате, а она деvojка юначко.“

Или:

„Дай овамо ту добыть, ты кукавицо, безъ зноя, и безъ крви.“

А напротивъ тога дѣла, коя є великій, храбаръ и превосходанъ духъ учинію, пунимъ, некако, устма хвалимо и превозносимо. Отудъ су битке Маратонска, Саламинска, Платейска, Термопилска и Леуктриска, пространо полъ за витіє постале. Отудъ су намъ Коклесъ, Декіи, Сципіони, Марцеллъ

и други неброени, свееднако у усты; и самъ е Римскій народъ найвыше збогъ величине духа одличанъ и славанъ. Военна е храбрость одъ искони, една одъ првы добродѣтельй, кодъ вашегъ народа была; кое, све штатѹе велики наши мужава войничкимъ знацима украшене посведочаваю.

19.

Али ова храбрость духа, коя се у опаснымъ и тегобнымъ предпріятіама показуе, ако ніе са правдомъ союжена, и не борисе за общте благо, него за свою асну, ніе выше добродѣтель, него порокъ; свирѣлость се сирѣчь пре може назвати, коя све чувство човеческо искоренява, него превосходство, кое природу човеческу облагорођава. Лепо дакле Стоици храбрость опредѣляваю, говореѹи, да е она добродѣтель, коя се за правду бори. Зато, кои е годъ славу храбрости насиліемъ, или лажіомъ добыю, тай ніе праву славу добыю: ерѹ ништа неможе быти славно, што ніе праведно. Изредно вели Платонѹ: „Како годъ што се наука безѹ поштєня, лукавство или лажія, а не мудрость, треба да зове; тако исто духъ, кой е на сваку опасность готовъ, ако га не тера общта полза, него себична страсть, пре треба да се велика слобода назове, него храбрость.“ Одъ мужава се дакле храбры и великодушны ниште, да су и у свомъ владаню прости, у свомъ говору истинити, и у своимъ дѣлима поштєни, безѹ сваке лажіє. Ово су све саме черте, кое образъ праведногъ мужа сочиняваю. — Али то е зло, што се съ овымъ духа превосходствомъ, врло лако, упорство и превелико властолюбіє рађа. И што Платонѹ о Шпартанцима вели, да е духъ свію зараженъ быо неситомъ желѹомъ за побѣдама: то се скоро о свима може реѹи, кои се высокимъ и изреднымъ духомъ одликую; траже, да између свію

найвыше, или сами они, да штогодъ важе. Тежко є пакъ, ако си радъ, да си одъ свою болъи, права еднакости свето хранити; а у томъ се правда состои. Отудъ бѣва, да се такі люди нити основателнымъ доказиванѣмъ, нити и каквымъ правомъ даду побѣдити; у свободнымъ државама буду коловође партая, и кваре народъ, превлачеѣи га подмазиванѣмъ и поклонима на свою страну, да тако найвеѣій кругъ дѣятельности добію, и сѣломъ буду старіи одъ свои сограђана, а не, по правди еднаки. Али, колико є теже, превосходногъ духа быти, и опетъ еднакостъ волети, толико є изредніє. Ёрь нема тогъ станя, у комъ бы се што похвално, безъ правде, радити могло. — Прави дакле, храбри и благородни мужевѣ нису они, кои чине, него кои одвраћаю неправду. Право пакъ и мудро ово благородство духа само у оныма може быти, кои превосходство, за коимъ по нарави своіой теже, у дѣлима, а не у слави, траже; овима є доста, што су први, ако їй други и недрже за прве. Никакавъ се опай не може држати, да є великій мужъ, когъ цена у собственыѣ очима, по мнѣнію други людѣй, скаче и пада. Но та иста желя за славомъ, наводи найвеѣе мужеве на неправду. Ово є заиста клизаво место; єрь тяжело ће се ко наѣи, да се ма каквогъ тежкогъ посла прими, и у саму опасность да ступи, а да славе, као награде не тражи.

20.

Храбаръ пакъ, и великій духъ найвыше се у овимъ двема стварма показує; у мыслима, и у дѣлима. Мысао є презрѣніє свою внѣшніи стваріи, кое се изъ тврдогъ увѣренія рађа, да ничему другомъ, него што є честно и пристойно, нетреба човекъ да се дивѣ; ништа друго не треба да жели, нити да тражи, него само то: притомъ не треба, да га и

какавъ човекъ, или страсть, или несрећа свлада. Друга стваръ, то естъ, дѣла, у томъ се состоє, да тако, као што самъ горе рекао, духомъ расположени, дѣла не само велика, и врло полезна, него и тежка, трудна, и опасна, како за животъ, тако и за друге многе ствари, коє къ животу принадлеже, предузимамо и извршуємо. Између обе ове ствари, последня дає овой добродѣтели сву нѣну светлость, нѣно уваженіе у свету, а я додаємъ, и ползу: а прва є изворъ, изъ когъ велики люди постаю. Мысли сирѣчь възвышаваю силу духа, и дижу га выше свою виѣшни стварій. Ово се пакъ у овимъ двема стварма состои: у почитованю добродѣтели за право добро, и у слободи одъ сваке страсти. Ёрь, и онай є великій духъ, кои оно, што се многима чини особито и изредно, не држи ни за што, и презире; каогодъ и онай, кои свашта, што му се непріятно у животу догоди, тако сноси, да нити се одъ станя природе, нити одъ достоинства мудраца укланя. То се пакъ нимало не слаже, да оногъ, кога стра не може да обори, обори желя за виѣшнимъ добромъ; и да оногъ, кога боль нїє могао свладати, увеселеніе свлада. После овогъ, ничега се другогъ не треба тако клонити, као безмерне желѣ за новцемъ. Ёрь ни єдна страсть не показує тако слабъ и маленъ духъ, као сребролюбіе: а на противъ тога, ништа нїє лепше, нити благороднїе, него, или за богатство, ако га немамо, немарити, или, ако га имамо, на благодѣянїя, и на ползу други употребити. И славолубїя се треба, као што самъ горе казао, чувати: ёрь отима одъ насъ слободу, за кою благородногъ духа люди све треба да жертвую. Нити владѣнїя треба тражити, и шта выше, кадкадъ не треба примити, а кадкадъ, и оставити. — Друго, треба да немамо никакве страсти, никакве безпредѣлне желѣ, никавогъ стра, никакве

туге, никаквогъ безобразногъ увеселенія, нити лю-
тине; да некій миръ и сигурность у духу нашемъ
царствує, кой є слѣдство свагда єднакость и до-
стоинство виѣшнѣгъ владаня. — Многи су, тражећи
овай миръ, оставили публична званія и послове, и
осамилисе. Неки су између овы, први и найзнатниі
философи, кои су се безъ сваке препоне, са сво-
іомъ наукомъ бавити хотели. Други су люди стро-
жіи нравій, кои су, незадовольни будући и съ ма-
нѣма, и съ отличіиима, бегали и одъ єдны, и одъ
други. Неки су опетъ, увеселяваюћисе са своіомъ
економіомъ, у полю, на свомъ добру живили. Сви
су ови оно исто у самоћи тражили, што кралѣви
траже на престолу, да имъ, сирѣчь, ништа не оску-
дѣва, да ни подъ чіомъ власћу не стоє, да су сло-
бодни, єдномъ речію, да по своіой вољи живити
могу.

21.

Обоица дакле, и онай, кои се радъ у свету
подићи, и онай, кои изъ овогъ бежи у самоћу, єдну
цѣль имаю; само што єданъ мысли, да ће ту по-
стигнути, ако имѣніє свое разшири, а другій, ако є
са малымъ своимъ задоволянъ. У єдну руку, и є-
данъ и другій имаю право. Само се у приватномъ
животу сигурніє до ове цѣли долази; и манѣ смо
другима на путу; у достоинству пакъ каквомъ, и
кадъ државна дѣла одправлямо, роду смо човече-
скомъ полезніи, и выще славе себи придобыамо. —
Ономъ безъ сумнѣ, кои се, превосходнымъ умомъ
одаренъ, радъ на науку какву да отда, треба да є
слободно, публичны званія не приматисе. И оне
треба извинити, кои се, збогъ слабогъ здравля, или
збогъ други важны узрока, одъ државны дѣла кло-
не; и одправлянѣ таковы, заєдно са асномъ, дру-
гима оставляю. Кои пакъ ни єдногъ одъ овы узро-

ка немаю, него само зато одъ службе државне бе-
же, што оно, кое други, Богъ зна, како уважаваю,
то єсть суєту, презиру; те не само хвалити не тре-
ба, него праведно іошть хулити. У томъ, што сла-
ву, као суєту, презиру, и ни за што не држе, пра-
во имаю: али, чини ми се, да се они посла, труда,
и срамоте, ако буду одбієни, плаше. Ёрь има лю-
дїй, кои у противнымъ обстоятельствама нису по-
стояни, тѣлесна увеселенїя найстрожіє презиру, а
у болу су слаби и мекани, честь презиру, а срамо-
ту не могу, да снесе. — Кое е дакле природа
нуждне способности, а среѣна потребна средства за
одправлянїѣ државны дѣла, дала, тай некъ се, безъ
свакогъ оклеваня, државне службе прими, и некъ
ту свршує. Ёрь како бы се другчіє државе влада-
ти, и велики мужеви показати могли? А кои се др-
жавны дѣла приме, тїи онако исто, као и мудраци,
а може бити, и выше, треба да су превосходногъ
духа, да внѣшне ствари презиру, и да спокойство
и постоянство у души своіой имаю: ако су ради,
да у заплетенымъ обстоятельствама не стрепе, и да
ладнокрвно могу о стварима разсуждавати, и те съ
постоянствомъ извршивати. Ово расположенїє ду-
ха мудраци тимъ лакше могу имати, што нїюва
обстоятельства не завyse толико одъ среѣне; при-
томъ, што манѣ имаю потреба; и, ако имъ се ка-
кво зло догоди, тако яко пасти не могу. И зато
управъ, што они люди, кои су у државнымъ служ-
бама, и веѣмъ су движенїяма духа подложни, и
тежа дѣла свршивати имаю, него мудраци у миру;
они су іошть веѣма дужни, духъ свой выше внѣш-
ни случаєва дизати, и безъ свакогъ немира, и стра-
живити. — Кои годъ пакъ у државну службу сту-
па, тай некъ не гледи само, како є та одлична, не-
го и, може ли є свршивати. Овде свакїй треба, да
пази: да, нити збогъ ленности, слепо у очаянїє

падне, нити се збогъ превелике желѣ за цѣлю, су-
выше на себе узда. За свакій пакъ посао, пре не-
го што га почнешъ, треба, да се добро преправишъ.

22.

Будући да многи мысле, да су военна дѣла ве-
ћа и превосходнѣя, него внутреня државна: ово имъ
мнѣніе треба избити изъ главе. Ратъ е одъ искони
быо мила забава славолубивы, особито ако іошть
при превосходномъ уму и духу, и способность и
волю на воеванѣ имаю. Ако ћемо истину рећи; мно-
га су дѣла државна внутреня и већа и славнѣя бы-
ла, него военна. Темистоклесь, истина, заслужуе
ону славу, кою му потомство дае; и име е нѣгово
славнѣе, него Солоново; и Саламинъ се, позориште
найславнѣе нѣгове побѣде, честѣе и съ већомъ по-
хваломъ споминѣ, него установленіе Ареопага, за
кое Атина мудрости Солоновой има благодарити: но
опеть зато, ово последнѣ дѣло, треба за онако
исто славно, и велико држати, као што е и прво.
Оно е само еданпутъ ползовало, а ово ће навекъ
држави ползовати; ерѣ овимъ се совѣтомъ закони
и уредбе Атиняна обдржаваю. И Темистоклесь, мо-
же бити, не бы имао шта казати, чимъ е Ареопагу
помогао, а овай бы имао доста рећи, чимъ е Темис-
токлу помогао. Ерѣ е и самъ ратъ совѣтомъ о-
ногъ сената воћенъ, когъ е Солонъ завео. То се
исто може о Паузани и Лисандру казати. Премда
се држи, да су они то учинили, да Лакедемоняни
верховну власть у Греціи добию; опеть се то нѣго-
во дѣло никоимъ начиномъ не може са Ликурго-
вымъ законодавствомъ сравнити. Шта выше, ово
е и причинявало, да е войска и храбрѣя, и покорнѣя
была. Ако ћу што о моимъ современцима рећи:
између оны, кои су за могъ дѣтинства цвели,
Марія предъ Скаура нисамъ могао метути, каогодъ

што између оны, кои су самномъ заедно служили. Помпея нисамъ метуо предъ Катула. Ёрь шта е асне одъ храбры мишица у рату, ако нема кодъ куће паметны глава, кое съ оныма управляю. Африканъ, колико е и особитый мужъ, и вождъ быо, ние веђу асну свомъ отечеству учинію. што е Нумантию разорію, него, у то исто време. Насика, као приватанъ човекъ, што е бунтовника Граха убіо. Премда ово последнѣ дѣло не принадлежи сасвимъ ко грађанскомъ правленію, него нешто военно има на себи, будући да се ту сила, и оружіе употребило: но опетъ и то е учинѣно по совѣту грађанске власти, и безъ войске. И садъ држимъ израженіе оногъ стиха за истинито, ако злотвори и зlobни люди на нѣга и нападаю:

„Некъ уступи оружіе тоги, а лавровъ венацъ слави грађанской!“

Ёрь, да друго не споминѣмъ, заръ, докъ самъ я съ државомъ управляю, ние оружіе тоги уступало? Никадъ ние држава была у већой опасности, нити у већемъ миру. Тако е брзо, моимъ совѣтомъ, и моимъ точнымъ настоянѣмъ, оружіе изъ руку най-слободни бунтовника, попадало. Кое е дѣло икадъ у рату, тако велико было? кои се триумфъ съ тимъ може сравнити? Теби се, любезный сыне, могу хвалити, кои и наслѣдникъ мое славе, и подражатель могъ примѣра треба да будешъ. Мени е поне самъ Помпей, онай збогъ воены дѣла славанъ вождъ, предъ многима, толико дао за право, да е рекао: бадава бы трећій триумфъ добыо быо, да ние места, кое самъ я избавію, нашао, гди ће га држати. Има дакле домаћи, тако храбры дѣла, да се военнымъ нимало не кланяю: и она тымъ већма треба уважавати, што неусипни трудъ, и веће упинанѣ сила душевны изискую.

23.

Бръ вообште оно совршенство човеческо, кое величиномъ, и превосходствомъ називамо, не зависи одъ сила тѣлесны, него одъ душевны. Тѣло, истина, треба упражнявати, тако, да се и у свршваню послова, и у спошеню тегоба, уму повиновати може. Али оно, што е при томъ похвално, сирѣчь добродѣтель, зависи сасвимъ одъ дѣятелности духа, и одъ употребленія наши душевны сила. А тимъ, полезни быти, могу они, кои внутренѣ правленіе у рукама имаю, као и они, кои ратъ воде. Колико е пута држава, по совѣту оны, ратове избегла, или свршила, а кадвадъ и предузела, као н. п. ратъ пуническій трећій по совѣту Катоновомъ, кога е важность и после нѣгове смрти заключеніе сената опредѣлявала. — Болѣ е свагда, да свађу умъ съ миромъ размрси, него храбрость, съ оружіемъ. Само се треба бояти, да небы тако што учинили, выше збогъ тога, што одъ рата бежимо, него зато, што знамо, каква е полза мира. Предузмемо ли пакъ ратъ, то треба да се види, да ту никаквогъ другогъ намѣренія немамо, него да миръ бранимо, и сигуранъ учинимо. Храбаръ и постоянь мужъ треба, да у найопасніимъ обстоятелствама спокоюнь буде, да се усредъ какве опасности не смете и не забуни, него свагда, да е при себи, и при своіой чистой памети. Ово е посао великогъ духа; а великій умъ треба, да све, што ће быти, у мысли свое скупѣ, и, колико толико напредъ опредѣли, какво се добро или зло може догодити; и шта треба радити, кадъ се ово или оно догоди; да никадъ дотле не дође, да мора рећи: „Ко бы то мысліо.“ Ово е дѣло и великогъ и превосходногъ духа, и мужа, кои се на свой разумъ, и на свое разсужденіе ослања. Слепо пакъ у бой тумарити, и око себе непріателя сећи, могу и дивлѣ

и бесне животинѣ; премда и храбаръ мужъ, ако
 нужда и обстоятелства изискую, треба, да мишицу
 и оружје употреби, и смртъ робству и срамоти
 предпостави.

24.

При разоренію и опустошенію вароша добро
 треба, вождъ, да се напрасности и безчовечности
 чува. Правый великій мужъ, у такимъ случаєвима,
 по учинѣномъ испиту, само ће криве казнити, а на-
 родъ поштедити; и оно ће у срећи и у несрећи
 чинити, што є право и поштено. А како годъ што
 има людій, као што пре реко, кои воєнна дѣла
 грађанскимъ предпоставляю, тако ћешъ многе на-
 ћи, којима се опасна, и ватрена заключенія чине,
 одъ мирны, и смишлѣны, и светлія и већа. Истина,
 опасность не треба у толико да избегавамо, да
 насъ други за несмелице, и кукавице држе: но о-
 петъ ништа ніє луђе, него, безъ важногъ узрока,
 ићи у опасность. Овде треба, да се, по обичаю
 лекара, владамо, кои за лаке болести лаке лекове
 предписую, а яче, сумнителне и опасне само онда
 опредѣляваю, кадъ є болестъ тежка, и готово не-
 излечима. — Лудость є, на лепомъ времену, и при
 тиомъ мору, бурю желити: мудрость є пакъ, гледа-
 ти свакоякимъ начиномъ, да се одъ буре спасешъ;
 особито ако є асна, којой се, по срећномъ свршет-
 ку, надашъ, много већа, одъ зла, кое си међу тимъ
 морао трпити. Опасна су пакъ предпріятія или за
 оне, кои се таковы лаћаю, или за државу. Опас-
 ность приватногъ човека, или се живота нѣговогъ
 тиче, или чести и уваженія кодъ свои сограђана.
 На свое опасности треба, да смо бржи, него на
 обште; и за честь да се свесрдіє боримо, него за
 другу какву асну. — Свагда се людій налазило, кои
 су готови были, и имѣніє, и животъ свой, за оте-

чество жертвовати; а одъ свое чести, ни найманѣ, нису могли трпѣти, да изгубе, ма и сама држава то одъ нѣи изискивала. Тако поквари лакедемонскій вождѣ, Калликратидѣ, у целопонезкомѣ рату, наипосле све што є годѣ, за целогѣ свогѣ войничества, велико и полезно урадіо; што се нїє тео совѣту оны повиновати, кои су му говорили, да галію одъ аргинуски острова уклони, и да се съ Атинянима не біє. Онѣ имѣ одговори: „Лакедемоняни могу другу галію себи направити, ако ову изгубе; а я, испредѣ Атиняна, одъ срамоте бегати немогу.“ Но опетѣ овај ударѣ нїє тако великій за Лакедемоняне быо; онај є быо убиточанѣ, когѣ имѣ є Клеомбротѣ дао, кои, боєхисе злы о себи мнѣнія, слепо се са Епаминондомѣ, кодѣ Леуктре, удари, и сву срећу свогѣ отечества упропасти. Много є болѣ Ф. Максимѣ учиніо; о комѣ Енній вели:

„Єданѣ насѣ є мужѣ, мудрымѣ оклеванѣмѣ, избавіо.
Гласове о себи, нїє обштемѣ благостоянію предпо-
ставляо
Зато се садѣ слава юначка сія, и, што дуже, то
лепше.“

Одѣ оваке се погрешке треба и у грађанскимѣ дѣлима чувати. Ёрѣ има таки людї, кои оно, што мысле, ако є и найболѣ, не смеду збогѣ тога да кажу, да се небы коме замери́ли.

25.

Сви кои мысле съ државомѣ управляти, она два Платонова правила добро треба да запамте: прво, да у свачемѣ, што годѣ раде, обшту ползу, а не свою користѣ, за намѣреніє имаю; друго, да се за цело тѣло државе брину; а не, да се за єдне брину, а за друге да немаре. Ёрѣ правителство, као и туторство, нїє збогѣ ползе оны заведено, кои

то држе, него збогъ оны, кои подъ тимъ стоє. А кои се само за єдну часть свои грађана брину, а за другу немаре, тїи найвеће зло у државу уводе, раздоръ и неслогу. Отудъ бývá, да неки одъ чиновника буду прїатели народа, други благородства, а мало нѣи целогъ друштва. Отудъ су се велике оне кодъ Атиняна неслоге родиле; а у нашої држави, не само раздори, него и ужасни грађански ратови. Ова ће зла благороданъ, и великій мужъ, кои заслужує. да є првый у држави, избегавати, и себе сасвимъ држави предати; нити ће за собствене користи, за власть и богатство марити: онъ ће се дакле, и о целой држави, и о свима нѣнымъ членовима старати. Тай неће никогъ одъ свои противника, лажно окривити, и кодъ народа омразити. У свачемъ ће се пакъ правде, и поштены, тако држати, да неће нимало марити, што бы се коме збогъ тога замеріо, што се оны држи; и да ће пре умрети, него ли се оногъ, што самъ рекао, одрећи. Найгоре є, кадъ се чиновници, све за вишу и вишу власть отимаю. Лепо о томъ Платонъ говори: „Кои се збогъ управляя државе свађаю, подобни су онымъ мореплавательима, кои се иначе, ко ће одъ нѣи корманити.“ Тай истый заповеда, да оне само за противнике држимо, кои съ оружіємъ иду на државу; а оне, кои своимъ, другимъ начиномъ гледе, да држави помогну. Тако є несогласіє безъ свакогъ непрїательства, између Африкана и Метелла было. — Нити треба оне слушати, кои веле, да на оногъ, на кога мрзимо, здраво треба да мрзимо. То мысле, да є храброгъ и великогъ духа свойство. Єрь одъ благости и миролюбія, ништа нїє похвалнїє, нити великогъ, и изредногъ мужа достойнїє. А кодъ слободногъ народа, гди сви єднака права имаю, одъ чиновника се іошть и то изискує, да и у внѣшнѣмъ буде прїятанъ, и у вла-

даню любезанъ; онъ мора и праведну свою лютину сакрити умети, да се небы намрштио, ако бы му ко у невреме дошао, или бы непаметно што просіо; ово и шкодити му и омразити га може. Но ова кротость, и благодать у толико заслужую похвалу, у колико строгость ону не исключавая, кою общте благостояніе изискуе, и безъ кое се држава управляти неможе. Свако пакъ казненъ, было речма, или дѣломъ, треба безъ руганя да буде: нити да се на ползу оногъ клони, кои другогъ казни, или кара, него на ползу общту. Треба притомъ пазити, да небы веѣа казнь была, него што е кривица; и да небы се збогъ оногъ истогъ узрока єдни казнили, а други ни на одговоръ не позивали. Зато се добро треба чувати, да небы у лютости казнили. Ёрь кои разлюѣненъ буде казнио, тай никада неѣе моѣи среду измеѣу оногъ, што е врло много, и што е врло мало, држати; кою перипатетици онако здраво препоручую; а и право имаю, што е препоручую, само да гиѣвъ не похваляю, и да не веле, да намъ е на ползу одъ нарави данъ. Гиѣвъ треба, одъ свію наши послова одбити; и ништа не треба веѣма желити, него да они, кои съ државомъ владаю, законима буду подобни, кои, ако се на кривца и не могу разлютити, опетъ га, по заслуги, казне.

26.

Ако смо среѣни, и ако намъ све по нашої воли быва, то не треба, да се гордимо, нити да друге презиремо, нити о нама премного да мыслимо. Ёрь кои се у несреѣи тако исто, као и у среѣи, незна умерено владати, тай показуе, да е малогъ и слабогъ духа. Ништа напротивъ тога не дичи човека выше, него, кадъ е у различитымъ случаєвима живота свагда онай истый; кадъ е, ма у каква обстоятелства дошао, оногъ истогъ, ведрогъ лица, и

оногъ истогъ погледа; као што о Сократу, и Лелію приповедаю. Александеръ є, истина, већа дѣла учи-
нію, и себи већу славу придобію, него нѣговъ отаць
Филиппъ; али, што се доброте и човечности тиче,
много є маній одъ отца. Зато є овай свагда ве-
ликій, а онай доста пута найгорій быо. — Добаръ
намъ совѣтъ даю они, кои веле, да, што смо виши,
тимъ се већма треба да понижавамо. Панетій при-
поведа о пріятелю и ученику свомъ, Аѳрикану, да
є често говорію: „Какогодъ што се коньи, кои су
одъ многе вике и праске честы ратова подивляли,
вештымъ людма предаю, да їй укроте, тако исто
оне люде, коє є превелика срећа одуздала, и дотле
довела, да ни на когъ не гледе, треба у школу
разума и науке водити, да тамо виде, да є све ни-
шта, што є годъ човеческо, и да є срећа непо-
стояна.“ И башъ кадъ смо найсрећниі, найвыше
треба да совѣтъ наши примамо, и да имъ веће, не-
го пре, уваженіє даємо; и онда се особито одъ ла-
скателя треба да чувамо, ма намъ како или дѣла
наша хвалили, или мнѣнія наша одобравали. Ни-
кадъ се лакше не можемо уловити, него онда, кадъ
намъ се чини, да насъ по правди могу други хва-
лити. Изъ ове се погрешке неброєне друге рађаю,
кадъ люди высокимъ мнѣніємъ, коє мысле, да други
люди о нѣима имаю, надувени, даю прилику и кори-
столюбивымъ, да їй могу варати, и невалялымъ, да
имъ се могу подсмеявати. — Изъ свега овогъ то
морамо заключити, да они, кои съ државомъ вла-
даю, найболю прилику имаю, да велика дѣла чини-
ти, и великій духъ показати могу, єрь се нѣово
свршиванѣ, на найразличитіє, и найважніє предме-
те простире, и, на найвеће число людій втеченіє
има; али, да се и у приватномъ станю людій вели-
когъ духа налази, и налазило, како између оны, кои
су савъ свой трудъ на подпомаганѣ, и обогаћенѣ

наука положили, тако и између оны, кои, у средѹ између философа и чиновника бачени, само су се са својомъ економіомъ бавили, не толико, да є свакоякимъ начиномъ разшире, нити да они сами отудъ живе, него да, у нужди, и своимъ пріятельима, и свомъ отечеству могу што дати. Ово имѣніє треба, прво, да є праведнымъ начиномъ стечено, не каковомъ недопуштеномъ, и ружномъ трговиномъ. Друго, да врло многима, и то достойныма на аснѹ буде. Треће, штеденіемъ, трудомъ, и памеђу да се распространява. Найпосле треба, да притяжателью свомъ выше за орудіє нѣгове штедроте и благодѣтельства, него за распуштена увеселенія и суету служи. Кои се овы правила уздржи, тай може и благородно, и величествено, и мужественно, а притомъ и просто, поштено, и човеколюбиво живити.

27.

Слѣдує, да іошть о єдној части добродѣтели говоримо, а то є она, коя свима нашимъ дѣлама меру и цѣль полаже, све страсти у опредѣленнымъ границама држи; и тако, умереность, учтивость, а особито пристойность (коя є виѣшняя алына добродѣтели) производи. Овамо принадлежи оно, што Латини *decorum*, а Грци *προσπον* пристойно, зову. Ово є одъ саме нарави тако яко съ добродѣтелію скопчано, да се одъ нѣ никоимъ начиномъ не може одделити. Брѣ, што є годъ пристойно, то є и поштено; а што є поштено, то є и пристойно. Но опетъ нїє єдно, што є друго; само є разлика тако субтилна, да се лакше може осетити, него речма описати. Пристойность иначе неиде, него за поштеніемъ, то єсть не може нико быти пристоянъ, ако нїє прво поштенъ. Пристойность се, не само у овой части добродѣтели, о коіой садъ говоримо, показує, него и у онымъ трима пређашни-

ма. Тако, пристойно є паметно мыслити и говори-
ти; разсудно радити, и у свачемъ истину тражити,
и бранити. Напротивъ тога, погрешавати, ништа
не знати, лако свашта веровати, варатисе, тако є
исто непристойно, каогодъ и лудовати, и четврте
даске у глави не имати. Тако су исто сва праведна
дѣла и пристойна дѣла; а неправедна су тако исто
неваляла, као и непристойна. Тако є и съ хра-
брошћу. Све, што годъ мужествено, и съ одваж-
ностію бива, бива свагда съ пристойносћу, и до-
стоинству єдногъ мужа сходно: а противно овомъ,
каогодъ што є неваляло, тако є и непристойно дѣ-
ло. Пристойность є дакле свойство сваке добро-
дѣтели, и то тако свойство, кое ніє унутра сакри-
вено, него є на видикѹ. Пристойность є одъ при-
лике добродѣтели то, што є лепота тѣла здравлю.
Обое можемо, єдно одъ другогъ, у памети отдели-
ти, али се у природи єдно одъ другогъ раставити
неможе. Пристойность є двояка: єдна є общита, о
коіой смо садъ говорили, коя се у свакой добро-
дѣтели налази: а друга є, исподъ ове, особена,
коя поєдинымъ частима добродѣтели принадлежи.
Прва се одъ прилике овако може опредѣлити: при-
стойно є уобште оно, што се природомъ човечіомъ,
у колико се ова одъ природе животиня разликує,
слаже. А особену пристойность овако опредѣля-
ваю: пристойно є воособъ, оно съ природомъ со-
гласіє, кое се у мери, реду, правилности, и у пріят-
номъ нашемъ внѣшнѣмъ владаню состои.

28.

Да є ово башъ правый смысао оны речій, мо-
жемо по оной пристойности судити, кое се стихо-
творци држе: о коіой ће се на другомъ месту вы-
ше говорити. За стихотворца пакъ велимо, да он-
да пристойность наблюдава, кадъ свако лице она-

ко, као што е за нѣга, и ради, и говори. Кадъ бы
н. п. Еакъ, или Миносъ ово рекао:

„Некъ мрзе, само кадъ се бое!

или:

Самъ е отаць своіой деци гробъ:“

непристойно бы было; ерѣ смо за ове чули, да су
честити владѣтели были. А кадъ бы Астрей ово
рекао, сви бы плѣскали рукама; ерѣ какво е лице,
такій е и говоръ. Али Поете по лицу суде о при-
стойности. Нама е пакъ лице сама природа дала,
кое е и високогъ достоинства, и далеко насъ ви-
ше други животина подиже. Поете при великомъ
различію лица треба да гледе, шта е и за злоче-
сте сходно, и пристойно: нама е пакъ наравъ само
то задала, да будемо зрели, уредни, умерени, и бла-
гонаравни люди. И будући да насъ та иста приро-
да учи, да намъ не буде то свеедно, како ћемо се
прама други людій владати; то видимо, како обе
пристойности у нарави свое основаніе имаю, како
обща, са добродѣтелию союжена; тако и особена,
која се на добро владањ возноси. Како годъ пакъ,
што се лепота тѣла у томъ состои, како су части
између себе союжене; и тимъ насъ увеселява, што
согласіе и соразмѣрность у њима налазимо: тако
се допада пристойность, свима оныма, съ коима
живимо, у реду и согласію своју наши, и речій и
дѣла. Къ свима дакле людма треба неко почитаніе,
да имамо; къ больима веће, а неко и къ другима.
Немарити, шта други люди о њму мысле, може са-
мо гордъ, и невоспитанъ човекъ. — Ово се почи-
таніе другчіе показуе у свршиваню правде, а друг-
чіе у наблюдаваню пристойности. Правда изискуе,
да никогъ не увредимо; а пристойность, да никогъ
не соблазнимо. И ово е последнѣ управъ дѣйствіе
пристойности. По овимъ изясненіама, мыслимъ, да
е добро свакій разумео, шта е пристойность.

Найглавнѣя дужность, коя се отудъ изводи, есть ова, да се верно природе држимо. Ако за о-вомъ предводителницомъ узидемо, неѣмо нигди съ пута добродѣтели заићи. Она насъ води къ изображенію и просвѣщенію разума, ко наблюденію дружевы дужностей, а наипосле къ мужеству и постоянству. А особито поредъ нѣ, и то само поредъ нѣ, долазимо до оногъ, што є у нашемъ владаню пристойно, о чемъ садъ говоримо. Ёрь не само движенія тѣла тимъ бываю лена, што су нѣговымъ строенію сходна; него и сва дѣйствія душе тимъ бываю пріятна, што се съ природомъ и дарованіемъ нѣнымъ слажу. Две су силе у души нашої: една є сила исканя, коя се грчки *орμη* зове: ова човека овамо онамо вуче. Друга є сила представленія, или разумъ, кои учи и толкує, шта треба радити, шта ли оставити. Тако быва, да разумъ заповеда, а воля слуша.

29.

Никакво дакле дѣло, не треба, да нагло и слепо, безъ разсужденія, предузимамо, нити да што радимо, о чемъ паметанъ узрокъ довести не можемо. Овако Стоици опредѣляваю дужность. Къ томе є нужно, да се све желѣ наше разуму повиную, и да нити предъ нѣмъ трче, нити збогъ ленности иза нѣга остану; него да мирно по нѣговой заповести раде, и да га ничимъ не помраче. Отудъ се у нашемъ внѣшнѣмъ владаню рађа она зрелость, оно постоянство, и оно равнодушіє, кое тражимо. А како желѣ пређу свою границу; и како се у желеню или гнушаню тако раскалаше, да іѣ разумъ не може да задржи: то безъ сумнѣ и меру прелазе, и противъ закона природе иду: оставе и одбаце покорность, нити слушаю разумъ, коме су закономъ природе подчинѣне. Тимъ се не само душа,

него и тѣло врло узнемирава. Да погледимо само на лице оны людій, кои су се разлютили, или кои су погинули за чимъ, или кои су се яко уплашили, или кои скачу одъ радости: па ћемо видети, да имъ є друго лице, другій гласъ, другій 'одъ, друго сто-
янѣ, и проче све дручіє. Заръ ово све не доказує, (да се опетъ на нашу дужность вратимо), да смо дужни наше желѣ стезати, наше страсти укрочава-
ти, а разумъ свагда на опрезу, и у послу држати, да небы ништа, слепо и случайно, неразумно, и немарљиво урадили? Нисмо мы одъ природе за шалу само, и за забаву рођени. Озбиљско є наше опредѣленіє; наши су послови велики и важни. Шала намъ є, истина, и забава допуштена; али са-
мо као санъ, и другій одморъ, онда, кадъ смо нашъ посао свршили. А и сама шала не треба, да є рас-
пуштена, и безобразна, него пристойна и лепа. Ёръ, каогодъ што мы недамо деци нашої, да се свашта играю, него само оно, што поштено владанѣ до-
пушта: тако и у нашимъ забавама и шалама, сва-
гда треба да неки зраци зреле памети и доброгъ срца сіяу. Шала є двояка: єдна є простачка, рас-
пуштена, безобразна и гадна; а друга, лепа, по-
штена, паметна, и пуна вкуса. Примѣра овы по-
следњи шала много има, не само у нашемъ Плау-
ту, и у старой комедіи Атиняна, него и у самымъ дѣлима сократически философа. Многа су се ша-
львива изреченія и изъ дружественногъ обхожденія за-
држала; као што су она, коя є стараць, Катонъ скупіо, и коя се апофтегмата зову. Поштену ша-
лу одъ простачке лако може човекъ разликовати. Поштена є, коя бива у свое време, и кою найпа-
метниіи човекъ може употребити, кадъ оће да свой духъ одмори. А друга шала, то єсть, простачка,
ніє ни за каквогъ човека, єръ ту є и стваръ гнусна,
и речи гадне. Али и у самомъ допуштеномъ, и при-

стойномъ веселю, треба да меру држимо; да не говоримо свашта, што намъ годъ на уста дође; а найвыше да се чувамо, да небы веселѣмъ каквымъ опоени, у невалялство какво пали. Слободне и поштене забаве дае намъ полъ марсово, и ловъ.

30.

Лако ћемо пакъ ову дужность, као и сваку другу свршивати, ако свагда предъ очима узимамо, колико е природа човечія одъ свію, и питомы, и дивљи животиня превосходнія. Ништа друго не осећаю оне, него чувствено увеселеніе; на то їй само наглый нѣовъ нагонъ вуче. Човекъ пакъ има и душевне потребе; онъ тражи рану за свой разумъ, као и за свое тѣло; и будући да ту само у изученію стварій, и у разсуждаванію о њима налази: то све еднако гледи, да што годъ изнађе, и да ради; мило му е поне, кадъ што ново види и чуе. Шта выше, ако е кои на чувствена увеселенія склонѣніи, ако само нїе башъ одъ скотскогъ рода, (еръ има людій, кои ништа друго човечіе на себи немаю, само едно име), ако е іоле човекъ, макаръ да е за чувственымъ увеселеніемъ погинуо, опетъ гледи да то, збогъ пристойности, сакріе. Внутренъ намъ дакле чувство каже, да тѣлесно увеселеніе нїе доволно човеческогъ превосходства достойно; него да га или презирати, и одбацити; или, ако насъ башъ наравъ на то вуче, да га умерено уживати треба. Збогъ сачуваня дакле здравля нашегъ, и снаге наше, валя да се и одевамо, и ранимо, а не збогъ чувственогъ увеселенія. А заиста, кадъ разсудимо, шта е човекъ, и какве силе нѣгова висока природа има, до каквогъ ли превосходства онъ може доћи, то лако можемо разумети, како е ружно, раскошно, и распустно живити; а како е лепо, штедљиво, умерено, строго и трезвено, животъ свой проводити.

И то треба знати, да намъ е две ролле наравъ дала: една намъ е са свима людма обшта, у koliko сви разумъ, и она превосходства имамо, коима смо больи одъ други животия; на овомъ се природа добродѣтели оснива, изъ кое се поедине дужности изводе: а друга е она ролла, кою е и равъ свакомъ по особъ дала. Брѣ како годъ што су међу тѣлесама човечіимъ велике разлике (едни су бржи, и зато могу болѣ трчати, а други ячи, дакле за рванѣ способни): и како годъ што су лица различита, едно е н. п. благородно и мужествено, а друго е умилято и лепо: таке су, ако не и веће разлике међу душама. Л. Крассъ, и Л. Филиппъ были су веселе и шалыве нарави; а јоштъ шалывія е было К. Кесаръ, сынъ Луціевъ, али навалице. У то исто време Марко Шкауръ, и младый Друзусъ, были су врло преки. К. Лелій быяше врло весео човекъ, а нѣговъ пріятель Сципио, выше честолубивъ, и ніе маріо за друштво. Између Грка за Сократа смо чули, да е было сладакъ, бистаръ, и шалывъ у говору; и радо е свагда иронически говорио, то е у противномъ смыслу. Напротивъ тога Питагорасъ и Периклесь найвеће су уваженіе међу своимъ сограђанима добыли, а веселяци нису были. Ханнибалъ е између Картагиняна, а Кв. Максимъ између наши вождова, воєнно лукавство имао. Добро су врло знали, свое планове одъ непријателя сакрити, а нѣгове испитати и осуєтити; нѣга притворнымъ нападеніемъ преварити, и войску у заседу поставити. Тимъ су се истымъ кодь Грка Темистоклесь, и Ферейскій Іасонъ одликовали. А найвећма су срећно оно лукавство Солоново похвальивали, кои се, да бы свомъ отечеству полезанъ совѣтъ дао, а свой животъ осигурао, лудъ учиніо. — Други су одъ овы сасвимъ другчи; што имъ е на срцу, то и на езику: ништа не раде тайно, или вребајући;

искренность любе, а на притворность мрзе. Има опетъ и таки, кои не маре, ма шта човекъ съ нѣма радіо, само да они добію оно, што желе. Таки су были Сулла и Крассъ, кое смо мы познавали. Вегъ пакъ у лукавству, и претвараню майстора ніе было одъ Шпартанца, Лисандра. А Калликратесъ, наслѣдникъ нѣговъ у управляню галіе, быо е савимъ противне нарави. Неки притомъ умеду, достоинство свое, у обхожденію съ нижима тако сакрити, да іѣ ови за себи равне држе. Таки су были Катулл, и отаць, и сынъ, и Кв. Муцій. Одъ стары самъ наши чуо, да е и Сц. Насика такіѣ быо. А за отца нѣгового, то естъ, за оногъ Насику, кои е зло предпріятіе Грахово уничтожіо, кажу, да никакве пріятности у говору ніе имао, нити се съ нижима, као сынъ нѣговъ, умео владати; а тако и Ксенократъ, философъ, кои е управъ збогъ свое строгости великій и славанъ постао. Іоштъ има неброены разлика између природе и нравіѣ, одъ кои зато опетъ ни едну не треба хулити.

31.

Некъ се свакій дакле оногъ држи, што му е свойствено, а по себи ніе порочно. Овако ћемо найлакше пристойность задржати, кою тражимо. Найглавнія е дужность, да ништа не радимо, што бы обштой природы человеческой противно было; а друга, да собственой нашої нарави слѣдуемо. Ово се последнѣ тако далеко простире, да и оно, што на другима благороднѣе и лепше примѣтимо, не гледимо, да таки добіемо, него га свагда мериломъ наше природе меримо. А ніе ни асне, противъ природе иѣи, и за онымъ тежити, што добыти не можешъ. Отудъ се іоштъ яснѣ види, шта е пристойность; еръ што годъ ніе наравно, и што годъ силомъ бива, то лепо не стои. — Ако е и шта при-

стойно, то є заиста єднакостъ целогъ нашегъ живота, и свію наши поєдины дѣла найпристойнія. Ову пакъ не можемо обдржати, ако ту҃гой нарави подражаваю҃ћи, нашу собствену оставимо. Єрь како годъ што онымъ єзикомъ треба да говоримо, кои добро знамо, да насъ не бы други, као неке збогъ мешаня грчки речій, изсмеявали: тако исто и у наша дѣла, и у наше цело владанѣ, ништа ту҃҃е не треба да умешамо. И ова разлика природа толику силу има, да, у єднакимъ обстоятельствама, єдномъ може бити слободно, смртъ себи задати, а другомъ не. Заръ є Катону горе было, него другима, кои су се у Африки Кесару предали? Аль бы другима, може бити, за зло примили, да су се убили, зато, што су свагда живота блажіегъ, и мекши нравій были. Катонъ пакъ, комъ є природа невѣроятну строгость дала, кои є после ту непрестанымъ постоянствомъ утврдію, кои одъ свогъ за добро на҃҃еногъ правила, и одъ свогъ намѣренія никадъ ніє одступію; мыслію є, да пре треба да умре, него да лице тираново види. Шта ніє Улиссесь у свомъ дугомъ блуденю претрпію, будући да су му и жене заповедале (ако треба Цирцу и Калипсу женама назвати), и гледао є, да свакомъ буде у обхожденію пріятанъ и умилятъ? кодъ ку҃҃е є пакъ руганѣ одъ свои слугу, и служкиня трпію, само да до оногъ, што є желію, до҃҃е. А Аяксъ бы, по своіой нарави, ияду пута пре, волео умрети, него то све претрпити. — Ови, и подобни примѣри на то насъ воде, да добро испытамо, шта намъ є свойствено; да то изображавамо, и одъ распустности чувамо; нити да пробамо, како бы намъ ту҃҃е што стояло; єрь оно свакомъ найлєпше стои, што му є найве҃҃ма свойствено. — Свакій дакле треба, да своя наравна, душевна дарованія испыта, и да буде оштаръ судія свое и ячине, и слабости, свое и добре

и зле стране. Иначе бы у найважніой ствари манѣ памети показали, него комедіанти при наймаловажніой. Ови не избираю найлепше, него себи найсходніє ролле. Кои се у свой гласъ уздаю, буду Епигони и Медъ; а кои се у движеніама тѣла болѣ разумеваю, тии буду Меналиппа и Клитемнестра. Рутилій, когъ се сеѣамъ, да самъ видію, было є свагда Антиопе, а Езопъ редко Аяксъ. Дакле комедіантъ у своіой комедіи да на то пази, што мударъ човекъ у свомъ животу не примѣчава, или лажно разсуждава. На што намъ є дакле природа найвеѣу способность дала, съ тимъ треба да се найвыше и бавимо. Ако ли бы намъ обстоятелства таке послове наметнула, за кое нисмо роѣени, то сву мысао, и сву бригу на то да употребимо, да, што башъ не можемо совршено да израдимо, то баремъ съ найманьимъ несовршенствомъ урадимо. Нити треба, да се трудимо толико, да добро, кое намъ природа нїє дала, добїємо, колико, да погрешке поправимо.

32.

Къ двема онымъ роллама, кое намъ є, као што пре реко, природа задала, долази треѣа, коя намъ наше станѣ и наша судбина у свету налаже: а четврта є она, кою по собственомъ разсужденію сами себи задаємо. Брѣ тронови, владѣнія, благородство, достоинства, богатство и власти зависе одъ случая, и како одъ обстоятелства, у коима смо се родили; тако и одъ измена, кое се за живота нашегъ догаѣаю. Шта ћемо пакъ у свету бити, когъ ћемо се посла латити, и како ћемо живити, то одъ наше волѣ зависи. Такимъ се начиномъ неки оддаду на умне науке, други на право граѣанско, а други опетъ на краснорѣчіє. И у самымъ добродѣтелямъ, єданъ у єдной, а другій у другой, воле да

буде превосходанъ. А кои су отцеви, или стари, славомъ каквомъ друге превосходили, тѣи се труде, да томъ истомъ славомъ друге превозиѣу; као н. п. Кв. Муцій, правомъ грађанскимъ, а Африканъ, Павловъ сынъ, войничествомъ. Неки опетъ къ заслугама свои стары додаю свою собствену. Младый Африканъ буде првый витія у своемъ роду, одъ когъ е воєну славу наслѣдіо. Тимотей е было онако великій вождъ, као и нѣговъ отаць Кононъ, аль е осимъ тога было и ученъ мужъ, и лепа глава. — Неки опетъ оставе сасвимъ примѣре свои стары, па сами себи новъ планъ за животъ начине, и то понайвыше они, кои одъ незнатны родителей роѣни, гледи, да се подигну. — Све ово треба, да у призрѣніе узмемо, кадъ испитуємо, шта е поособъ, овомъ, или ономъ човеку пристойно. Прво е, што сами у себи заключити имамо, ово : шта смо, и какви смо ради да будемо, и кои начинъ живота мыслимо предузети. Ово е размышляванъ едно одъ найтежи, а то найвыше збогъ тога, што многи онда себи начинъ будућегъ живота избираю, кадъ нити памети, нити искуства имаю за то, и кадъ се само случайномъ наклоносѣу на ово или на оно дати мораю. Отудъ бива, да се свакій готово човекъ пре овогъ, или оногъ начина живота веже, него што е могао разсудити, кои е за нѣга найболѣй. Еръ, што Ксенофонтъ о Продиковомъ Херкулесу приповеда, да е онъ, кадъ е веѣъ у оне године дошао, у којима треба човекъ, да себи начинъ живота избира, отишао на неко уединѣно место, ту е два пута предъ собомъ видіо, єданъ чувственогъ увеселенія, а другій добродѣтели; садъ е натенани разсуждавао, и дуго двоуміо, којимъ бы путемъ ишао; ово се, може бити, само нѣму, као сыну Юпитеровомъ, могло догодити: али не нама, кои се, докъ смо млади, по другима поводимо, и накло-

ности и планове оны примамо, коє найве҃ма почи-
туемо. А то су понайвыше наши родители; кои
нраве и начинъ живота, или изъ почитанія, или што
смо се на нѣи навикли, примамо. Други се владаю
по разсужденію ве҃е части народа, тако, да оно
желе у свету быти, што є у очима ве҃е части, най-
светліє. Неки пакъ опетъ, или сре҃номъ некомъ,
или природнымъ своимъ добрымъ чувствомъ, или
по совѣту свой родителя, погоде правый путь, кои
є за нѣи.

33.

Найре҃ђи су они люди, кои су или особиту гла-
ву, или лепу науку, или и єдно и друго имали; и
кои су притомъ имали кадъ, о томъ мыслити, кои
бе҃ду начинъ живота узети. У овомъ размышлява-
ню ни на што друго не треба толико гледати, као
на особена дарованія, и на свойственостъ природе
свакогъ човека. Ёръ кадъ и у найманьимъ ствари-
ма, коє радимо, за оно треба да смо ро҃ђени, што
смо ради да честито урадимо; то є у опредѣлява-
ню целогъ живота много нужднїє, да на наше спо-
собности, и на нашъ темпераментъ добро гледимо;
ако смо ради, да за целогъ нашегъ века они исти
останемо, и ни у каквой дужности не рамлѣмо. Къ
томе, да ово совршенство получимо, найвыше при-
носи наравъ. а после сре҃на; на обе дакле треба,
при избору, призрѣнїє имати; особито на наравъ.
Она є и яча и постоянія одъ сре҃не. Често се боре
нѣи две између себе; али готово є свагда наравъ,
као безсмертна, яча одъ сре҃не, коя є смертна. — Кои
є дакле планъ за сврй животъ, по мерилу свое не-
погрешне нарави начинію, тай после треба, да га
сѣ постоянствомъ и єднакосѣу извршує. То є най-
пристойнїє; ве҃ѣ ако не види после, да се у избо-
ру преварію. У овомъ случаю (кои се лако може

догодити) треба, безъ сумнѣ, свой планъ променути, на друге се послове дати, и друго владанѣ узети. Измену ћемо ову. ако бы срећна обстоятелства была, и лакше, и згоднѣ учинити. Ако небы те среће было; то морамо гледати, да ту измену мало по мало и постепено чинимо, онако одъ прилике, као што се пріятельства, коє намъ се слабо допада, по миѣнію мудраца, треба курталисавати; да то сирѣчь на еданпутъ не прекидамо, него да се мало по мало изъ нѣга извлачимо. Кадъ смо пакъ начинъ живота променули, треба свакоякимъ начиномъ постаратисе, да сви люди виде, да смо мы то изъ правы, и важны узрока учинили. — Што се тиче подражанія стары, о комъ самъ говорію, ово двоє треба изузети; прво, да имъ у ономъ, што є порочно, не подражавамо; друго, нити у ономъ, што наше силе превозилази. Сынъ старіегъ Африкана, кои є Емилиа, Павловогъ сына, подъ свое узео, збогъ слабогъ здравля, ніє се могао на свогъ отца уметути, као што се овай уметуо на свогъ. — Да рекнемо за кога, да нитъ є за публично какво званіє; нити уме права свои сограђана бранити, нити са скупштинама народнымъ своимъ витійствомъ управляти, нити ратове водити: то опетъ може быти праведанъ, поштень, милостивъ, благъ и умерень; ако є радъ, да се на оно, што му оскудѣва, не гледи. Найболъ пакъ наслѣдіє, коє родители своіой деци оставити могу, и коє выше вреди, него икакво богатство, єсть славно име збогъ добродѣтели, и добры дѣла. Кои то срамоти, тай зло ради, и дужность свою прама родителя вређа.

34.

Будући да свакій векъ има свое дужности, еръ другчіє се мора стараць, а другчіє младићъ владати: то и о овой разлики треба штогодъ да рекнемъ.

Младићъ треба да старіє люде почитує, и да їй се стыди; одъ овы треба да найболѣ, и оне избере, кои су кодъ своіу у почитавію, да бы се по нѣювомъ совѣту управляти, и на нѣюво уваженіє осла- няти могли. Ђръ неискуство младогъ века треба да се мудрошћу стараца обучава и управля. Най- выше пакъ треба овай векъ, да се одъ похоти чу- ва, да ради, и да како тѣло, тако и духъ свой на сношенѣ тегоба обвикне, да бы се тако и за гра- ђанску, и за воєну службу способнымъ учинію. Башъ и онда, кадъ бы ко, одъ свои послова тео да се одмори, и да се мало провесели, некъ се добро чу- ва одъ неумерености, а пристойность свагда некъ предъ очима има: кое ће му лакше бити, ако те своє забаве предъ старіима буде проводію. Стари тѣломъ много не треба да раде, духомъ пакъ све- выше и выше. Они треба да се труде, да и сво- имъ пріятельима, и младежи, а найвыше држави, своимъ искуствомъ и зреломъ памећу помажу. Ни одъ чега пакъ не треба већма да се чуваю, него одъ нерадиности, и ленѣости. Раскошность є за свакій векъ ружна, а за старость найгора. Ако ли се съ нѣомъ іошть похотне распустности сдруже, то є онда двояко зло: єдно, што се сама старость срамоти; а друго, што младежъ у своіой распуст- ности чини безобразнію. — Садъ треба кою речъ и о дужностима грађанске власти, приватны людій, грађана, и странны да проговоримъ. Особита є дужность магистратски лица та, да добро запамте, да они цело общество представляю, слѣдовател- но, да и достоинство и важность нѣгову мораю об- држати; да законе чувати, право свачіє опредѣля- вати и бранити, и обое, као светый, себи вове- реный залогъ, сматрати имаю. Приватни люди треба, да своимъ сограђанима, она иста права даю, коя сами имаю; и нити предъ єдныма да пузе, и да се

маньи одъ макового зрна чине, нити да се одъ други поносе; а држави свагда оно да желе, што є мирно и поштено. За такогъ човека и велимо, и мыслимо, да є добаръ грађанинъ. — Странацъ, кои се у земљи каквой само за неко време бави, или житель, кои права грађанскогъ нема, треба само да свой посао гледи, да га туђа брига не єде, и да се нимало у послове туђе државе, изъ любопытства, не меша. Тако изъ тогъ, што є свакомъ веку, свакомъ званію и стану човеческомъ свойственно, лако се изводи, шта є у свакомъ найпристойніе. За свакогъ є пакъ, безъ изятія, пристойно, да оно, што є єданпутъ за право нашао, свагда, и онымъ истымъ начиномъ наблюдава.

35.

До садъ самъ о пристойности говорію, коя се вообщте владаня човеческогъ тиче; има пакъ и особена пристойность, коя се у свакомъ дѣлу човеческомъ, у свакомъ говору, и у самомъ оду и стаянію показує. Ова се пристойность у овымъ трима состои: у лепоти, реду, и у украшенію, дѣлу сходномъ. Тежко є ова понятія речма точно изяснити, аль є доста, да се разумеду. У оныма се трима стварма и то содржава, да гледимо, да се оныма допаднемо, съ коима, или кодъ кои живимо. И о овомъ љу кою речъ проговорити. — Прво се види и сама природа, да се о вѣѣшности тѣла нашегъ особито постарала: лице є, и друге части, коє други радо, или поне безъ гнушѣня, гледати могу, на тако место метнула, да їй свакій видити може: оне пакъ части, коє намъ є за пуждне потребе дати морала, и коє ружанъ и срамотанъ изгледъ имаю, покрила є, и сакрила. По овако прилѣжномъ строєнію тѣла, люди су се владали, кадъ су пристойность између себе завели. Ёрь што є годъ природа сакри-

ла, то и свакій паметанъ сакрива, да нико не види; нужде свое тѣлесне у найвећой тайности свршуе; оне удове свогъ тѣла, безъ кои не може бити, кои пакъ нису лепи, као и нѣово употребленіе, онъ никада своимъ именомъ не зове; едномъ речію, онъ држи, да е много коешта слободно радити, само тайно; кое нѣ слободно говорити. Безобразно е дакле овако што јавно радити, а гадно е о томъ говорити. Не треба слушати Цинике, нити оне Стоике, кои цинически мисле, ако се и чине, да имаю право, што за смешно и непаметно то налазе, да мы дозвољны стварій имена, за безчестна држимо, а безчестна управъ дѣла своимъ именомъ зовемо. На примѣръ, пустайлукъ, превара, курванъ, есу заиста најгадніа дѣла, и опетъ ове речи нису безчестне. Децу е рађати, честно; а о томъ, собственымъ речма геворити, безчестно. Многи такѣ примѣре доводе, да противословіе, у правилама о пристойности, докажу. Но мы ћемо се зато опетъ природе држати; по којој треба, да се свега клонимо, што се годъ очима и ушима други людій не допада. Или стаяли, или одили, или седили, или лежали, или лицемъ што тели изразити, или што гледали, или рукама мицали, свзгда треба, да пристойность наблюдавамо. У свему овомъ, овогъ се двога треба чувати: да се не бы у чемъ женски и разнѣжени, нити опетъ груби и неотесани показали. Нити треба комедіјантима и витіама то преимущество да уступимо, да сирѣчь само они на свашта треба да пазе; а нама може свакојко подне-ти. Надзирателство е нашегъ театра јоштъ одъ старина, што се пристойности тиче, тако строго, да нико не сме, безъ кеџелъ, у позориште изићи; да се, ни случайно, не бы срамотне части тѣла откри-ти могле. Кодъ насъ одрастанъ сынъ не купа се съ отцемъ, нити зетъ са тастомъ. Сва дакле овака

правила пристойности, коя є общій обичай завео, и на коя насъ є природа прва упутила, треба да точно наблюдавамо.

36.

Лепота є двояка, една висока и величествена, а друга пріятна и умилята. Она є за люде, а ова за жене. Дакле и у оделу, треба човекъ да се кло-ни свакогъ украшенія, кое є за єдногъ мужа непри-стойно; и у движеніама тѣла да се одъ подобногъ порока чува. Така су движенія неки играча, коя намъ се, чрезъ врло очевидногъ наблюдавана пра-вила, нимало не допадаю, и нека движенія комедіян-та, коя насъ збогъ претериваня израженія вређаю. А у обоемъ, како у движеніама тѣла, тако и у дви-женіама лица, оно є само лепо, што є просто и наравно. Здрава фарба дає лицу лепоту, а добра се фарба упражненіемъ тѣла добія. Къ томе іошть треба да дође чистота, али та, да ніє претерана, и премайсторисана, него само да се види, да нисмо невоспитани и ленъи. Тако се исто о нашемъ оде-лу морамо старати; среда є и овде, као и у дру-гимъ многимъ стварма, найболя. — Што се ода ти-че, нити валя, да врло лагано идемо, као да фигуре на глави носимо, нити да тако итимо, да єдва ди-шемо, да се у лицу менямо, и да намъ жиле отеку: изъ чега ће свакій заключити, да немамо зреле па-мети. — Али и наша душа има своя движенія; и нѣне силе имаю свой одъ. Да овай одъ закона природе не бы одступіо, іошть се већма старати морамо. А то ћемо получити, ако душу одъ же-стоки страстій, у коима бы изванъ себе доћи мо-гли, сачувамо; и правила пристойности точно узна-блюдавамо. Движенія су душе двояка. Една се со-стоє у мыслѣню, а друга у исканю. Мыслѣнѣ насъ води къ познанію истине, а исканѣ насъ тера, да

радимо. Ако смо ради, да и едно, и друго по нарави поступа, то є нужно, да о стварима само най-полезніма, и найбільма мыслимо, а желъ свагда разуму да поковамо.

37.

Будући да и говоръ човечій велико втеченіе у све нѣгове послове има, то и о нѣму треба што годъ рећи. Онъ є двоякій, или слово. кадъ єданъ самъ непрекидаюћи звою беседу, говори: или разговоръ, кадъ нѣи выше говоре. Слово се употреблява у воденю процеса, у народнымъ собраніама, у сенату; а разговоръ у друштву, у ученомъ препираню, у пріятельскимъ састанцима, и при части. Правила за слово содржава реторика; а за разговоръ нема никаквы; премда не веруемъ, да и онъ свои нема. Али онда се текъ учители какве науке являю, кадъ има ко ће є учити. Никоме пакъ не пада на умъ, да учи, разговаратисе. Све є пуно оны людій, кои су ради, да буду витіє. Сва пакъ правила, коя се за слово, што се речій, и израженія тиче, предписую, могу се и на разговоръ пренети. — Орудіє, коимъ мысли наше другима сообштавамо, єсть гласъ. Совршенъ є гласъ, кадъ є разговетанъ и ясанъ. И едно, и друго треба да є одъ нарави. Но опетъ едно се може упражненіємъ дотерати, а друго подражаніємъ оны людій, кои оштро, и ясно говоре. Тимъ су само обоица Катули, у оно мнѣніє кодъ други дошли, да су и научени люди, и да вкусъ имаю. Научени да су были, то є истина; алъ су были и други: о нѣима се пакъ мыслило, да најболъ латински говоре. Гласъ имъ є быо пріятанъ: писмена нити су яко изговарали, нити гутали, да имъ изговоръ не бы быо неразговетанъ и ружанъ. Гласъ имъ є быо безъ напиняня, якъ, и опетъ безъ вике. Крассовъ є го-

воръ быо богатѣи, и што се оштроумія тиче, нѣи-
вомъ раванъ; и опетъ се држало, да су Катули бо-
лѣ говорили. — Што се тиче дара шалѣня, и о-
строумногъ подемеяваня; у томъ е Кесаръ, Кату-
ловъ стриць, све предваріо. И предъ самымъ су-
домъ, и народомъ, доста пута е єднымъ своимъ
разговоромъ, коимъ е друге засмеявао, израѣена
слова свои противника побѣдио. Изъ овогъ се ла-
ко видити може, да свакій, кои се радъ у свакомъ
дѣлу пристойнымъ показати, на све ово, што смо
рекли, треба да пази. — Разговоръ, о комъ изъ
Сократове школе најболѣ примѣре имамо, треба
да е благъ, а не жестокъ и тврдоглавъ; притомъ,
да е весео. Нико не треба да све єднако самъ го-
вори; као да е узео говоръ подъ аренду, па не да
другомъ говорити: него како у другимъ стварма,
тако и у обштемъ разговору треба свакій участіе
да има. Прво треба добро пазити, о чемъ се гово-
ри: ако о важнымъ стварима, то и говоръ треба
да е озбиљскій, ако ли се говори о стварима ша-
љивымъ, то и говоръ треба да е весео и шалѣивъ.
Особито се треба чувати, да не бы говоръ нашъ,
порокъ какавъ у правима издавао; кое највыше
онда бива, кадъ о оныма, кои нису ту, навалице
зло говоримо, было да имъ се подсмевамо, иль іѣ
оговарамо; а іоштъ выше, кадъ у нѣіову честь
дирамо, и хулнымъ речма іѣ безчестимо. Говоримо
обычно или о куѣевнымъ пословима, или о явнымъ
догаѣаима, или о художествама и наукама. Ако бы
у разговору съ єдногъ предмета прешли на другій,
треба да гледимо, да се опетъ на онаѣ вратимо; и
свагда да пазимо, у каквомъ смо дружтву; еръ ако
се єдномъ штогодъ допада, свима се то исто не
допада, а и єдномъ се у свако доба и єднако не
допада. Паметанъ ѣе човекъ и на то мотрити, до-
кле се нѣгова забава другомъ допада, и као годъ

што ніє, безъ паметногъ узрока, почео говорити, тако ће исто знати, кадъ треба ућутати.

38.

Кое є правило найглавніє, за сва дѣла наша, да се сирѣчь одъ страстїй, или одъ оны жестоки душевны движенїя, коя се разуму не покораваю, добро чувамо, то є исто и за разговоръ. Нити ярость и желя каква, нити опетъ плашљивость и ленъость треба да се у нѣму покаже. — Добро обхожденїє изискує притомъ, да се изъ наши речїй види, да оне, съ коима се разговарамо, милуємо и почитуємо. Кадкадъ смо дужни прїятелъ наше, за нѣјове погрешке накарати; при коимъ приликама можемо жесточїє и оштрїє говорити; но то све тако да чинимо, да не мысле, да їй мы зато карамо, што смо се разлютили. Али овако каранѣ треба да мы, као и лекари паленѣ, и сеченѣ, редко, не радо, и само кадъ є нужда, и кадъ другогъ лека нема, употребимо. И онда, не треба, да се лутимо; єрѣ у лутини ништа се не може право и разумно урадити. У врло многимъ случаєвима можемо лепо и прїятельски, и зато опетъ оштрїє и силнїє карати; показати имъ притомъ, да се не шалимо, и опетъ не увредити. Онай, кога карамо, треба да самъ види, да смо се на оно, што є у укору нашемъ горко и непрїятно, єдва, и само збогъ нѣгове ползе склонили. Лепо є и у онимъ кавгама, коє съ найвећимъ непрїятельима имамо, макаръ насъ како грдили, не лутитисе, и равнодушнымъ бити. Єрѣ, што годъ у жесточини бива, нити може зрело бити, нити тако, да они кои су ту, одобре. — Ружно є притомъ, себе хвалити; особито оно о себи говорити, што ніє истина, и тако съ подсмеомъ слушателя, онако чинити, као што є у Плаутовой комедїи офицеръ чинїо, кои се самъ хвалио и величао.

39.

И будући да све предмете, у којима се може питати, шта је пристойно, редомъ прелазимъ, или поне ни єдногъ, који што годъ значи, нисамъ радъ да изоставимъ, то морамо и то споменути, какво је обиталиште за човека одъ вишегъ реда, и који је у вишимъ званіама быо. Прва је цѣль тога, употребленіе: ово треба да планъ зиданя опредѣли, но не безъ призрѣнія на лепоту, и угодность. Познато је, да је Кн. Октавій, који је првый изъ ове фамиліе конзулъ постао, путъ себи къ овомъ достоинству тимъ отворио, што је себи велику и прекрасну кућу, на палатинскомъ брегу сазидао. Будући да су ову кућу многи изъ вароши ишли да виде: то се мислило, да је она свомъ притяжателю, много вотума за конзулатъ придобила; еръ ніе быо одъ благородногъ племена. Ту исту кућу Шкауръ да срушити, да ново крило у својој кући отудъ начини. Али не съ єднакимъ успѣхомъ. Октавій је првый у своју нову кућу конзулатъ донео. Шкауръ, великогъ и славногъ мужа сынъ, донео у ову исту, много већу и пространію кућу, одбіенъ, безчестіе и падежъ. Треба истина, да достоинство краси кућа, али не треба да намъ она сву важность дае. Нити треба, господаръ збогъ куће, него кућа збогъ господара, да честь добіе. И као годъ што у другой ствари свакој, не само на насъ, него и на друге люде морамо имати призрѣніе: тако и при обиталишту одличніегъ човека, у кое ће и многи гости долазити, и многи се свакояки люди примати, треба да се гледи, да буде пространіе. Иначе пространа кућа, а празна, бива на поруганіе свомъ господару; особито, ако су је кадъ подъ другимъ господаромъ болѣ посѣщавали. Тешко је слушати, кадъ люди пролазећи говоре:

„О стара кућо, какавъ ти је садъ господаръ, а какавъ је пређашній быо?“

Ово се данасъ о многимъ кућама може рећи. Кадъ сами зидамо, треба да се одъ великолѣпія, дакле и одъ излишногъ трошка чувамо. Ово є, и као примѣръ шкодливо. Свакій гледи, особито у трошеню, да оно чини, што болъи чине. Лукулъ, онай славанъ мужъ, колишно є нѣи подражателя свое добродѣтели, а колико великолѣпія свои мајурева нашао! А заиста, ако гди, то овде треба меру држати, и среду избирати. Та є иста правило и за све друго, што къ потребама, и украшенію живота човеческогъ принадежи. То є све о пристойности у зданіама. — У свакомъ дѣлу на ово троє треба пазити: прво, да желъ разуму покори-мо; овимъ самымъ бивамо за извршиванъ наше дужности способни. Друго, да видимо, колике є важности та стваръ, кою смо ради да свршимо, да не бы нити выше, нити манъ труда употребили, него што стваръ изискує. Треће, да и у пристойномъ трошеню, и у штедроти будемо умерени. А найболя є мера, да се држимо пристойности, о коіой самъ пре говорію, а далъ одъ нѣ да неидемо. Одъ сва она три, најважнѣє є, да се желъ разуму покораваю.

40.

Садъ треба, да о реду говоримъ, то єсть, о томъ, кадъ и гди, шта треба радити. Ово Грци зову *eutaxia*. Ова речъ има два означенія; по првомъ, у комъ є я овде не узимама, латински се зове *modestia* умереность; а по другомъ означенію *eutaxia* є редъ; коя се мысао кадкадъ и подъ речію *modestia* содржава. У овомъ є последнѣмъ означенію Стоици овако опредѣляваю: она є наука, коя насъ учи, како ћемо све ствари, кое чинимо, или говоримо, на свое право место метути. Дакле є редъ, и ставлянъ стварій, єдне поредъ друге, или

иза друге, свеедно. Ёрѣ и редѣ овако опредѣля-
ваю: онѣ ништа друго нѣе, него смещанѣ стварій
на наиболѣмъ и найзгоднѣмъ месту. Што є за
ствари, коє просторѣ занимаю, место, то є за дѣла,
време. Згодно место за какво дѣло, ништа друго
нѣе, него за свршиванѣ тога згодно време. Ово се
грчки зове *ἐνκαιρία*, латински *occasio*, прилика. Слѣ-
дує дакле, да се редѣ, о комѣ говоримо, у томѣ
состои, да за свако дѣло найзгоднѣе време умемо
изабрати. По овемѣ опредѣленію, редѣ се іошѣ у
оной мудрости подразумевао, о којој самѣ съ по-
четка говорію. — Овде се пакѣ редѣ сматра, као
добродѣтель, коя неку правилностъ дѣла наши у
себи заключава, слѣдователно међу добродѣтели
умерености принадежи. У колико дакле редѣ одѣ
правогѣ разсужденія зависи, у толико є о нѣму го-
ре, заедно съ мудросћу говорено. У колико є пакѣ
онѣ изворѣ пристойности, и средство, коимѣ лю-
бовѣ и почитаніє оны добіамо, съ којима живимо, у
толико принадежи кѣ овой части дужностій, коя
намѣ садѣ предстои; и зато се у томѣ призрѣнію
іошѣ овде мора споменути. У свима нашимѣ дѣ-
лима редѣ такій треба да наблюдавамо, да намѣ це-
ло наше владанѣ, лепомѣ своіомѣ свезомѣ, и со-
гласіемѣ, подобно буде уредномѣ и добро израђе-
номѣ слову. Ружно є. и. п. и непристойно, у важ-
ной ствари, шалу проводити као при каквой части;
или речи, коє се двояко разумети могу, мешати.
Право є имао Периклесь, што є Софокла, кои є
съ нѣимѣ заедно судія быо, и съ нѣимѣ се у дуж-
ности састао, зато куцнуо, што ни лепогѣ детета
нѣе поредѣ себе могао пропустити, да не повикне:
„да лепа детета, о Перикле! Судія, одговори му
Периклесь, треба не само руке, него и очи да има
узддржателне. Да є ово Софоклесь рекао, гледаю-
ћи Римляне, гди се боре, не бы га нико по правди

могао укорити: толико свашта зависи одъ времена и места. Кадъ онай, кои є науміо, да за кога процесъ води, замышльнъ ода, или путує, нико га не кара. Но кадъ бы овакій истый было у веселомъ друштву, при трапези; сви бы рекли да є недружеванъ и намрштень; само што време и обстоятелства не уме разликовати. — Међу овимъ непристойностима неке тако яко падаю у очи, и тако су међу нама необичне; као н. п. певати на піяци, да їй ніє нужно споминяти, нити одъ нѣи одвраћати. Неке су погрешке манъ, и неможе їй свакій осетити; одъ овы се треба прилѣжніє чувати. — Као годъ што неудесну жицу, неправый гласъ, на каквомъ инштрументу, ма како мала была та погрешка, искусанъ одма позна: тако исто треба да мы све оно, што бы намъ у нашемъ владаню неудесно и несложно было, или іоштъ тымъ болъ гледимо да познамо, што є согласіє човечески дѣла, одъ слоге гласова, далеко претежніє.

41.

Изображеномъ є уву и найманый гласъ, кои на страну реве, несносанъ: тако ћемо и мы, ако намъ є морално чувство субтилно и изображено, и у найнезнатниимъ дѣлима погрешке налазити. У погледу, у намрштению и ведрини лица, у веселости и жалости, у смеяню, у говору, у ћутаню, у ясномъ и тіомъ гласу, у свему ћемо или пристойно, и обстоятелствама сходно, или неприродно и непристойно нешто примѣтити. Да бы ово на нама самымъ лакше познати могли, треба на владанъ други людій да пазимо, да бы се тако одъ оногъ, што нѣима лепо не стои, мы сачували. Ёрѣ быва, незнамъ како, да сваку погрешку пре на другомъ, него на нама примѣтимо. Зато се найлакше погрешке ученика поправляю, кадъ те исте самъ у-

читель предъ нѣма прави. У сумнителнымъ случаєвима, гди незнамо шта є болѣ, и шта треба избрати, учене и искусне люде треба за совѣтъ пытати; да намъ они кажу, шта смо дужни чинити. Веѣа се часть тамо клони, кудъ їй сама наравъ води. Кадъ намъ ко совѣтъ дає, не треба само на оно да гледимо, шта говори, него, и шта мысли, и зашто тако мысли. Као годъ што живописци, и дрворезци, а и сами стихотворци предъ светъ дѣла своя на разсужденіє износе, да оно, што бы веѣа часть кудила, поправе, и како сами собомъ, тако и съ другима гледе, гди су погрешили; тако и мы треба по разсужденію други людій гдишто да чинимо, а гдишто да не чинимо, гдишто да изменемо, а гдишто да поправимо. У онымъ дѣлима, коя по заведенымъ обичаима бываю, нису никакви прописи нуждни; єрь су и они сами, прописи. И свакій бы онай яко погрешію, кои бы мыслію, кадъ є Сократъ и Аристипъ могао гдишто противъ заведеногъ обичая учинити, и реѣи, то и онъ може. Они су, покрай свои велики и особиты дарованія, таково што учинити могли. Циническій пакъ начинъ мышлѣня треба сасвимъ одбацити; єрь є непріятель пристойности, безъ кое ништа не може право, нити поштено быти. Ово су правила пристойности, коя се не меняю: люде, кой є животъ добрымъ и великимъ дѣлима славанъ, кои су пріятельи држави, и заслужни, треба почитовати; лица, коя су достоинствомъ одъ насъ веѣа, или намъ, као наше старешине, заповедати имаю, треба такоѣрь да одликуємо и почитуємо: старости притомъ честь, а магистратскимъ лицама преимущество да даємо; да грађанина одъ туђина разликуємо; а и у туђину, иль є као публично, или као приватно лице, дошао; єдномъ речію, на сва отношенія, у коима са свакимъ човекомъ поособъ, или вообште са

целымъ родомъ човеческимъ стоимо, треба да пазимо, и да ѿ свето чувамо.

42.

Садъ долазимъ на различите трговине, и средства коима себи люди ужитакъ, или имѣніе набавляю. Коя су одъ нѣи благородна и пристойна, а коя су подла? Обште е мнѣніе о тима ово. — Прво, трговине, коє насъ мразе съ людма, паметномъ се човеку не допадаю. Таке су трговине цедулара, и оны, кои подъ великій интересъ новце даю. Последній е начинъ живота надничарскій, и свію оны, коима се за снагу, а не, за нѣово художество, плаћа. И сама имъ плата ништа друго нѣе, него цена, за кою се другомъ, на неко време продаду, да робови буду. Подли су и они, кои одъ други трговаца прекуплюю, само да таки имаю шта продавати; еръ нѣе могуће, да имаю аснѹ, ако одвећъ не лажу; а одъ лажи ништа нѣе горе. Подли су притомъ, сви занати. Не може бити, да штогодъ велико и благородно изъ дућана майсторскогъ изиђе. А јоштъ су подли они занати, кои на то иду, да чувства само задоволъ, као што су калаѣе, месари, куварри, кобасичари; притомъ, кои различите масти продаю, и буди какве игре проводе. Художества пакъ, коя и већій разумъ изискую, и выше асне доносе, као лекарство, архитектура, ученъ красны наука и философіе, за оне су пристойна, кои нису племеномъ, нити станѣмъ за друге послове звани. Трговина пакъ, ако е мала, подла е; ако ли е велика и пространа, гди трговаць силный новаць, и силный еспапъ преко руке праметне, тућа добра у свою землю уносећи, и своимъ людма, безъ сваке прева-ре, продавајући; никакве хуле не заслужуе. Шта выше трговина така, јоштъ може найвећу похвалу заслужити, ако трговаць, ситъ добитка, или поне

задоволянь, као што є изъ мора у пристаниште, тако найпосле изъ пристаништа на нѣиве, и на своє притяжаніє пређе. Одъ свію начина, коима себи ужитакъ прибавлямо, одъ землѣдѣлія нема болѣгъ, нити издашніегъ, нити пріятніегъ, нити за слободногъ човека достойніегъ. О землѣдѣлію самъ, у кнѣиги о старости, доста говорію, оданде се дакле све, што овамо принадлежи, може узети.

43.

Ово, мыслимъ, што самъ досадъ говорію, довольно може показати, како се изъ свакогъ одъ оны свойства, коя добродѣтель саставляю, особите дужности изводе. — Али и саме се ове добродѣтели кадкадъ између себе боре. Кадкадъ треба, да єдну дужность збогъ друге пренебрегнемо; садъ є пытанъ, коя є старія. Ово є место Панетій изоставію. — Свако добродѣтелно дѣло оснивасе, као што реко, на єдномъ одъ ова четири темеля: на познанію истине, на побужденію къ друштву, на величини духа, и на умерености. Ове се добродѣтели мораю између себе сравњивати, кадъ између дужностей, коє се на нѣима осниваю, оѣємо да бирамо. При овомъ сравњиваню налазимо прво, да дужности дружескогъ союза, треба да иду предъ дужностима, коє се изъ любви къ истини рађаю. Ово се слѣдуюћимъ примѣромъ може посведочити. Кадъ бы какавъ мудраць у тако стапѣ дошао, да свега у изобилію има, и да натенани, све знаня достойне предмете сматрати, и испытивати може, но притомъ, да у такой самоѣи живити мора, да никаквогъ човека не може видити; тай бы заиста волео умрети, него у томъ станю остати. — Далѣ, прва є одъ свію добродѣтельй она мудрость, кою Грци σοφία зову. Ова, и память, кою Грци φρόνησις зову, нису свєєдно. Память се тиче стварій, коє

требамо, и показуе коя є одъ нѣи полезна, коя ли шкодљива, и кою треба зактевати, кое ли се клонити. Мудрость пакъ, кою самъ я главомъ свою добродѣтельй назвао, єсть познаніє природе божіє и човечіє, и союза, у комъ люди између себе и съ Богомъ стое. Ако є она одъ свою наши совршенства найвыща, као што заиста и єсть, то мораю и дужности, кое се изъ, нѣномъ помоћу, познатогъ союза, међу суштествама рађаю, найзнатніє быти. Знанѣ и искусство о нарави остає свагда недостаточно и несовршено, докле годъ у дѣйство не пређе; то се пакъ дѣйство у подпомаганю човеческогъ благополучія состои. Дакле принадежи къ друштву рода човеческогъ. Слѣдователно знаню треба дѣйство предпоставити. Тако суди, и тако ради свакій честитъ човекъ; и тимъ выше, што є честити. Ко се тако яко за наукомъ може дати, да, кадъ бы му се онда управъ, кадъ се онъ найвећма са испытиванѣмъ найважніи предмета забавіо, за опасность отечества явило, комъ бы онъ могао помоћи, не бы све оставіо и одбаціо, макаръ знао, да ће звезде изброити, и светъ измерити моћи? А ко то исто не бы учиніо, кадъ бы му се отцу или пріятелю какво зло догодило? Отудъ се види, да дужностима, кое, што се науке тиче, имамо, дужности правде, кое се ползе други людій тичу, треба предпоставити.

44.

И сами они учени люди, кои цео свой векъ у наукама проводе, не држесе да су зато одъ радєня за обшту ползу ослобођени. Или се даду на наставленіє и воспитаніє младежи, да изъ нѣи добре грађане и полєзне за државу членове учине. — Тако є Епаминонду Питагорскій Лисисъ, а Сиракускогъ Діона Платонъ изобразіо, и други многи многе. И

я самъ, што самъ годъ ползе момъ отечеству учи-
нію (ако самъ учинію), науки и ученымъ людма и-
мамъ благодарити. — Нити само, докъ су живи, и
оне, кои су око нѣи наставляю и уче, него то исто
и после смрти своимъ сочиненіямъ чине. Ништа
они, што бы се закона, устава, нравій, и државне
полиціе тицало, нису изоставили, тако да можемо
рећи, они су свое време на то употребили, да нама
послове одлакшаю. Дакле и они исти, кои су се
сасвимъ на науку оддали, гледе, да своимъ знанѣмъ
и искуствомъ другимъ людма, на помоћ и асну бу-
ду. Зато е болѣ лепо и паметно што умети изрећи,
него, ма како оштроумно, а безъ краснорѣчія, мы-
слити. Ёрь, што човекъ само мысли, то у нѣму о-
стае; ал' што уме казати, то се на све простире,
кои су съ нѣимъ у друштву. Како годъ што се рой
не купи зато, да саѣе прави, него обратно, саѣе
прави зато, што су пчеле одъ нарави тако створе-
не, да заедно и у гомили живе: тако и люди по на-
равномъ су побужденію едно друштво начинили, а
што мысле и гледе свакояко, да еданъ другомъ по-
могне, то друштво и сама свеза собомъ доноси.
Ако се дакле она добротѣтель, коя се о благу дру-
ги людій стара, то естъ дружевна, са знанѣмъ не
соедини, безплодно ѣе само и пусто знанѣ остати.
А то исто бива са величиномъ духа; и ова, безъ
дружевы свойства, безъ човеколюбія и услужно-
сти отврдне и подивля. Дружевность дакле пре-
восходи и науку и храбрость. И то нѣе истина, што
гдикой веле, да су люди изъ нужде у друштво сту-
пили, ерь оно, што наравъ изискуе, безъ други не
бы могли постићи, нити учинити: кадь бы пакъ чо-
векъ све, што му е за животъ нужно, волшебнымъ
каквымъ прутомъ себи набавити могао, то бы онда
свакій, добре и превосходне главе човекъ, све по-
слове на страну оставію, и на саму бы се науку дао.

То ніє истина. Прво, бегао бы одъ самоће; друго, тражіо бы друга каквогъ за свою науку; тео бы, да кога учи, да што опеть самъ одъ кога научи, да што чує, и да што говори. Дакле сваку дужность, коя се сачуваня свезе и друштва човеческогъ тиче, треба дужности о прибавляню науке, предпоставити.

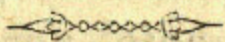
45.

Пытанѣ є, могу ли се услуге, кое друштву имамо чинити, и дужностима умерености и уредности предпоставити. Мени се чини да не могу; єрѣ нека су дѣла тако гадна и тако безчестна, да їй поштенѣ човекъ не бы учиніо, макарѣ знао, да бы отечество своє спасао. Многе є таке примѣре Посидоній скупіо, одъ кои су неки тако ружни и гадни, да їй ни именовати човекъ не може одъ срамоте. Такова дѣла неће нико ни за любовь државе предузети; нити ће држава то одъ кога тражити. А на срећу, не може се такій случай ни догодити, гди бы благостояніє државе изискивало, да поштенѣ човекъ онака невалялства чини. — Дакле є свакояко осведочено, да су, у случаю избирања дужности, кое се изъ дружевне свезе людске рађаю, одъ своіо други претежніє. За паметнымъ мышлѣніємъ иде паметно дѣланѣ. Выше дакле значи паметно радити, него паметно мыслити. — Садѣ є свакомъ путь отворенѣ, коимъ лако може наћи, кою дужность коіой треба предпоставити. И саме свезе, у коима люди стое, имаю своє степене, по коима се и дужности различити степени опредѣлити могу. Прве су и найглавніє дужности къ Богу; друге къ отечеству; треће къ родительима; а после къ другимъ по реду. — Изъ свега овогъ, што самъ досадѣ говоріо, слѣдує, да се не гледи само на то, є ли дѣло добро или зло; него, између два добра, кое є болѣ? Ово є друго Панетій изоставіо. Садѣ айдемо далѣ.

ДРУГА КНЬИГА.

У В О Д Ъ.

Друго морално испытаніє о полезномъ, или о средствама, коима се наше внѣшнѣ благостояніє подпомаже. Люди къ томе най-выше приносе. Содѣйство се ныіово добія, кадъ насъ любе, или почитую. О чести, као о средству, коимъ се други къ чинѣню услуга возбуждаваю. Обпѣти къ томе путови, и особеии у Риму. — О благодѣянїяма, као о средству, коимъ се можемо умили. Публично и приватно добротинство. Разлика између народногъ ласкателя и народолюбца. — Сравњиванѣ различиты добара.

1.

Мыслимъ, сыне, да є у првой кнѣиги доста испытывано, кое су то дужности, кое се изъ добродѣтели рађаю. Слѣдує, да о онымъ дужностима говоримъ, кое се живота нашегъ, и оны стварїи тичу, кое су човеку за животъ нуждне, као што є имѣніє, могућство. Овде се, као што самъ горе већъ напоменуо, пита: прво, шта є полезно, шта ли ніє; друго, шта є између выше полезны стварїи

полезніє, шта ли найполезніє. О томъ ѣу овде говорити, докъ само найпре неколико речій о целомъ момъ списательскомъ предпріятію, и о узроцима, кои су ме на то навели, изговоримъ. Ёрь премда самъ я, моимъ сочиненіама, многе не само къ читанію, него и къ писанію побудіо; опетъ се боимъ, да се неће іоштъ погдикои добаръ човекъ наћи, кои бы на ово име, философія, мрзіо, и кои бы се чудіо, како самъ я толико времена, и толикій трудъ на ту науку употребити могао. Свакомъ одговарамъ, да докле су съ државомъ они управляли, коима се она сама воверила, дотле самъ я све мое мысли, и све трудове на ню обраћао. А одъ како еданъ съ државомъ влада, и нити се совѣтъ чій слуша, нити чіє уваженіє штогодъ вреди, притомъ одъ како самъ друштво мое, оне велике люде, кои су се самномъ заедно о благостоянію државе трудили, изгубіо: одъ тогъ доба нити самъ се тео дати у печаль, коя бы ме до садъ свладала, да іой нисамъ противостао, нити на она увеселенія, коя нису за ученогъ човека. О да е Богъ дао, да е држава у ономъ станію остала, у комъ е почела бити, и да ніє у руке онымъ людма дошла, кои е не мысле изменити, него разорити; то бы я и садъ, као што самъ онда, кадъ е држава у добромъ станію была, радіо, выше явно говоріо, него писао; или, кадъ бы што писао, то бы пре о нашимъ дѣлима, него о философскимъ прмдметима писао. А како е држава, за кою самъ я и душомъ и тѣломъ радіо, пропала; такій е и гласъ явне и политическе мудрости предъ народомъ и предъ сенатомъ сасвимъ уѣутао. Сасвимъ безпосленъ духъ човечій не може бити. Судіо самъ после, да никаквомъ другомъ забавомъ, неѣу тако лако мою тугу растерати, као тимъ, да се дамъ на философію, съ коіомъ самъ се іоштъ за млади мои година бавіо. У нъой самъ

заиста већу часть младости провео, да бы се за послове изобразіо; а одъ како самъ почео служити, и државна дѣла одправляти, оно самъ іой само време поклонію, што є, одъ државны или пріятельски послова остало. Али то є сасвимъ у читаню проведено; за писанъ є было врло кратко и немирно.

2.

У толикомъ злу, то самъ баремъ добро получио, да имамъ кадъ о онимъ стварма писати, кое су моимъ земляцима одъ части непознате, а врло су важне. Ёрѣ, шта є, за Бога! пожеланія достойніє? шта ли красніє, болѣ, и човека достойніє? него мудрость. Кои ову траже, философи се зову. И само име, ништа друго не значи, него любовь мудрости. — Мудрость є пакъ, по опредѣленію стары, наука о природи, и отношеніама Божіимъ и човеческимъ, и о узроцима, изъ кои се обое познає. Кои бы ову науку хуліо, тай незнамъ, шта бы мысліо, да треба хвалити. Ёрѣ та тражили само забаву за духъ, и одморъ одъ трудны послова, коя бы се съ ономъ забавомъ сравнити могла, кою у испытываню, къ благополучномъ и добромъ животу принадлежеѣи истина, налазимо? та тражили средство къ добродѣтели и ко укрѣпленію у добру; иль є ово, та вештина, коя намъ та набавля, или нема никакве. — Ко бы рекао, да нема те вештине, нити те науке, коя човека добродѣтельнымъ чини; тай бы заиста неразсудно говоріо, и здраво бы погрешіо; ерѣ кадъ свака и наймаловажніа вештина има своя правила и своя упражненія; како бы найвыща одъ свію вештина, добродѣтель, безъ правила и безъ упражненія была? Ако ли пакъ има наука за добродѣтель, то гди ћемо є на другомъ месту наћи, него у философіи. Али то є обширніє у

онымъ списаніями изложено, у коима се вообщте совѣтъ дає, да философію учимо; кое самъ я на другомъ месту урадіо. Овде є мое намѣреніє, само да покажемъ узроке, зашто самъ се я, државны званія лишень, особито на ову науку дао, а не на кою другу. — Друго ми пребацую, и то способни и учени люди, да у мышлѣню и послу момъ нисамъ постоянь, будући да самъ єданъ одъ оны философа, кои кажу, да ништа ніє извѣстно, и опетъ и о многимъ другиимъ стварма, и садъ о дужностима, одсудно говоримъ. Ово ми не бы пребацивали, кадъ бы систему овы философа, и мое мнѣніє разумели. Ёрь мы нисмо они люди, коій разумъ у непрестаной неизвѣстности овамо онамо тумара; и коима ништа ніє тако истинито, да на томъ своя разсужденія оснивати, и по нѣму своя дѣла управляти могу. Ёрь шта бы было съ нашимъ памећу, шта ли съ нашимъ животомъ, кадъ ій не бы имали по чемъ управляти? Мы тако не мыслимо. Него, као што они веле, да су неке ствари извѣстне, а неке неизвѣстне, тако мы кажемо, да су неке вѣроятне, а неке невѣроятне. Зашто ми пакъ небы было слободно оно, што ми се вѣроятно чини, примити, а друго, противно одбацити; кои зато опетъ не велимъ одсудно, да є што извѣстно, што совершенно не знамъ; ёрь є то за паметногъ човека непристойно. Што се пакъ наши о свачемъ дишпутаю, то не чине да свашта у сумню доведу, него само зато, што се не може ясно да види, съ кое є стране вѣроятность, ако се узроци съ обе стране не истраже и не сравне. Но то є све, у моимъ академическимъ кнѣигама, довольно истолковано. Овде самъ само радъ, да ако се садъ и бавишь съ ученѣмъ оне системе, коя є безъ сумнѣ и найстарія, и збогъ свои славны основателя найблагороднѣя, и то подъ онакимъ учителѣмъ, кои є и самымъ онымъ

првымъ изобрѣтателѣмъ истине раванъ, и моя, коя се одъ ваши слабо разликую, основоположенія познашъ.

3.

Цело самъ дѣло о дужностима на петъ главны частій разделію; две дѣйствую о добродѣтели; две о виѣшнимъ добрама, као што е могућство, имѣніе; пета о основаніяма, по којима изборъ међу овима, коя самъ споменуо, бива, кадъ намъ се чине, да едно противъ другога воюе. Прву самъ о добродѣтели свршио; коју самъ радъ, да најболѣ знашъ. А коју садъ починѣмъ, дѣйствуе о полезномъ. Што се овога тиче, у понятія се, и у беседу людску некій, одъ истине врло удалѣнъ, обычай увукао, раставляти поштенъ одъ ползе, и говорити, да има штогодъ поштено, што ніе полезно, и да има што полезно, што ніе поштено. Ово е раставлянѣ, највеће зло у животу човеческомъ починило. Истина, највећи су философи ово троје, праведно, поштено и полезно између себе раставили, али не у той мысли, аки бы се те ствари и у самой нарави раставити могли. Шта выше, јошть потврђую, да, што е годъ праведно, то е и полезно; а што е годъ поштено, то е и праведно; дакле, што е поштено, то е и полезно. Кои ово не виде, ти се често хитрымъ и лукавымъ людма диве, и нѣову превару, за мудрость држе. Ову погрешку треба искоренјавати, и свакога уверавати, да само добродѣтельнымъ плановима и поштенымъ дѣлима, а не преваромъ и лажіомъ, оно што жели, може получити. — Кадъ све класе сушества, коя су за животъ човеческій нужна, редомъ погледимо, видимо, да су нека мртва, као стихіе, минерална тѣлеса, земни производи; а друга су жива, то естъ, така, коя внутреній изворъ дѣятелности, и желя, имаю.

Одъ овы една имаю разумъ, а друга немаю. Безъ разума су животинѣ, одъ кои намъ неке у нашемъ послу помажу, као конь, во; а друге опетъ нешто полезно за насъ праве, као пчеле. Одъ разумны существа, коя намъ помоћи могу, само двое познаемо; а то су Богъ и человекъ. Помоћъ Божию получавамо почитаніемъ и честнымъ животомъ. После Бога никакво друго существо не може быти человеку, одъ човека полезніе. А толико класса има и оны стварій, кое человеку шкодити могу; осимъ едногъ Бога, кога сама природа не подноси, да другомъ шкоди. Человекъ пакъ человеку може найвыше шкодити. Небросены имамо примѣра, кои показую, колико человекъ человеку може быти полезанъ. Ёрь и мртве полезне ствари, човечіимъ рукама топрвъ постаю полезне. Не бы їй ни имали, да ніе майсторіе и труда было; и не бы їй могли употреблявати, да намъ други не помажу. Безъ помоћи выше людій, нить бы се могле болести лечити, нить по мору пловити, нити ныве сеяти, нити плодови збирати, и за уживлѣніе оставлять. Притомъ, нити бы се излишни производи изъ наше землѣ могли износити, нити нуждни туђи уносити, да ніе людій, кои се о томъ баве. Тако исто не бы могли каменѣ, и метале, кои су за животъ човеческій нуждни, изъ дубльина, гди їй є наравъ сакрила, копати, да намъ многи люди своимъ рукама и своимъ снагомъ не помажу.

4.

Како бы се прве куће сазидале, у којима су се люди одъ люте зиме и велике препеке сачували, како ли бы се подигле, кадъ бы їй страшна каква олуина или землѣтресеніе срушило, или бы саме пале, да насъ ніе искусство научило, да одъ выше людій помоћи тражимо? Притомъ пропушта-

нѣ вода, и кое за плаваніе, кое за заливанѣ нѣва згодне канале, насипе за одбіянѣ, художествена пристаништа, одѣ кудѣ бы имали, да се нѣе гомила людій о томѣ потрудила? Отудѣ, и изѣ многи други примѣра ясно се види, да сву ону ползу, кою одѣ мртвы стварій имамо, никоимѣ начинемѣ безѣ руку и труда други людій не бы могли получитьи. Какву бы наипосле аснѣ, и угодность одѣ животиня имали, да намѣ други люди у томѣ не помажу? Ёрѣ прво, люди су были, кои су изнашли, на кою намѣ е ползу свака животиня; и садѣ нѣіовомѣ само помоћу можемо ове пасти, препитомити, чувати, и аснѣ у своѣ време одѣ нѣи узимати. Люди, шкодљиве животинѣ убіаю, а полезне ватаю. Нѣе нужно, да силне оне занате по реду броимѣ, безѣ кои животѣ нашѣ не бы могао обстати. Гди бы болестникѣ помоћи, здравѣ увеселенія, и вообште човекѣ svakій, гди бы рану, одело, и судове различите нашао, да се толики занати не раде, кои му све то набавляю? Ови су животѣ човеческій изобразили и улепшали, да се данасѣ толико одѣ живота и станя животиня разликуѣ. Да се нису многи люди сдружили; нити бы се сазидале, нити обитавале вароши. Зиданѣ вароша, првый е было коракѣ кѣ законодавству, и кѣ моралномѣ животу. Закони су различита права установили; нрави су неко воспитаніе и запѣ завели; тымѣ су духови питоміи, блажіи и пристойни постали. То е све учинило, да намѣ е и животѣ сигуранѣ, и да даваюћи и примаюћи, и како добра, тако и силе наше меняюћи, никакве недоскудице немамо.

5.

Дуже самѣ се овде задржао, него што е требало. Ёрѣ ко то таки, како погледи, не види, што Панетій онако обширно толкуѣ, да нити вождови у

рату, нити први државни чиновници могу икада што велико и полезно, безъ волѣ и труда други многи учинити? За примѣръ доводи велике оне мужеве, Темистокла, Перикла, Цира, Агесилая и Александра; па каже, она дѣла не бы они никада учинили были, да имъ други люди нису помогли. Доводи сведоке, кои, за овако извѣстну стварь нису нуждни. — Али, како годъ што намъ, сложна воля, и соединѣне силе людске найвеће користи приносе, тако исто люди су узрокъ найвећегъ зла, кое се човеку догодити може. Има Дикеархова књига о пропасти людѣй, великогъ перипатетическогъ философа и доброгъ писателя. Найпре доводи све друге узроке разоренія, као наводненіе, кугу, гладъ, брзо хотенѣ дивльи животиня или зверова, кои су, по нѣговомъ сказиваню, целе народе утаманили; после сравнюе съ тимъ число оны людѣй, кои су одъ людѣй у рату или при бунама погинули; и налази, да е овай еданъ узрокъ выше людѣй съ овогъ света смакао, него сви други несрећни случаеви заедно.

Кадъ е дакле истина, да ништа нѣ тако полезно, и тако шкодливо човеку, као човекъ: то држимъ, да е то свойствено добродѣтели, да друге люде къ нама приволева, и на то скланя, да намъ по могућству полезни буду. Она сирѣчь полза, кою животъ човеческій или одъ мртвы створенія, или одъ употребленія животиня добія, труднымъ се занатима приписуе: користи пакъ, кое одъ наклоности други людѣй, на нашу срећу и на наше возвышеніе имати можемо, мора себи великій и мударъ човекъ, самъ своимъ добродѣтельима набавити. Добродѣтель се у трима стварма показуе: прво, у виђеню истине, отношенія, узрока и слѣдствія стварій. Друго е, владанѣ надъ движеніама узнемиреногъ духа; овамо и страсти, кое Грци *πάθη* зову, и желѣ, кое се кодъ нѣи *ορμαί* зову, принадле-

же. Треће є мудро и смотрено обхожденіє съ о-
нымъ людма, съ коима у друштву живимо, да бы
одъ нѣове наклоности помоћъ получили, коя намъ
є за постиженіє наши намѣренія и желя, за одвра-
ћанѣ незгода, кое намъ се догађаю, и за полученіє
праведногъ удовлетворенія оны, кои су насъ увре-
дили, нужна.

6.

Јошть љу само неколико речій найпре казати,
докъ нисамъ о средствама почео говорити, коима
се благонаклоность други людій добыти и обдржати
може. Безъ сумнѣ одъ среће найвыше зависи, ка-
ко ће намъ бити, на овомъ свету, добро или зло.
Ако намъ є она наклонѣна, то намъ онда све по
вољи иде; ако ли є она противна, то и найбільи
совѣти биваю суєтни. Но опетъ су та зла ређа,
коя само одъ случая зависе; было, да се одъ мртвы
стварій рађаю, као што є олуина, грмљавина, кора-
блекрушеніє, паданѣ кућа, ватра, или одъ живы,
али неразумны созданія, то єсть одъ зверова, кои
на люде нападаю, уедаю ѿ и тамане. Много су че-
сћи зли случаєви, коима су люди узрокъ. Колико
є войскій у свету пропало, као што смо и мы мало
пре три изгубили? Колико є генерала заєдно са
своіомъ войскомъ погинуло; као и ономадъ што є
еданъ одъ найвећій? Колико є поштены и заслуже-
ны мужева изъ мрзости свои сограђана, изъ оте-
чества свогъ протерано, добра лишено, и у найве-
ћу несрећу бачено? Срећа иста, као што су высе-
ка званія, владѣнія, побѣде, колико є случайна, о-
петъ выше зависи одъ людій; одъ привржености,
кою къ нама имаю, и одъ ревности, съ коіомъ намъ
у извршиваню наши планова помажу. Садъ, кадъ
ово већъ знамо, и за истинито примамо, треба да
видимо, коя су то средства, коима друге люде на

нашу страну приволети и къ помаганю возбуди-
можемо. Кому се мой говоръ о томъ дугачакъ у-
чини, тай некъ добро важность и ползу предмета
испыта, па ће може быти іоштъ рећи, да є кра-
такъ.

Што годъ люди човеку чине, да му срећу или
честь возвесе, то чине или изъ личне наклоности,
єрбо га любе; или изъ почитанія, єрбо нѣгову за-
слугу признаю, и збогъ те га држе, да много већу
срећу заслужиє, него што му є садашня; или изъ
повѣренія, єрѣ мысле, да ће имъ добро быти ако
се нѣму вовѣре; или збогъ стра одъ нѣгове силе;
или збогъ надежде какве, (као н. п. кадъ кралѣви,
или предводителѣи народни явне поклоне обећа-
ваю); или за новце и за плату. Последний є уз-
рокъ найгаднѣи; онъ безчести и оне, кои даю, и оне,
кои примаю. Зло є већъ и наопако, кадъ се новци
за оно даю, што бы требало да є само награда до-
бродѣтели. Но будући да є и ово средство кадъ
кадъ нужно, то морамъ и о нѣму говорити, докъ
найпре сроднѣє съ добродѣтелію путове прећемъ.
Тако се исто люди владѣнію и власти туђой, изъ
выше узрока подвргаваю. Или су ономъ лицу, кое
надасе мећу, изъ наклоности привржени; или су
велика благодѣянія одъ нѣга получили; или нѣгово
достоинство высокопочитую, или се надаю, да ће ду
подъ нѣговымъ владѣніемъ срећни быти, или се бое
да іѣ неће силомъ на покорность натерати; или се
надаю каквомъ обећаню и поклону; или су найпо-
сле, као што се доста пута у нашої држави дога-
ђало, новцемъ подкуплѣни.

7.

Да бы постоянно власть добыли и сачували,
найзгоднѣє є средство любовь, а найнезгоднѣє стра.
Лепо вели Еннѣи:

„Мрзе люди на оногъ, кога се мораю бояти.

На кога ко мрзи, ономе жели, да га нестане.“

А да и найвећа сила обштой омрази не може противостати, ако пре нїе, то е ономадъ освѣдочено. Нити овогъ само тирана падєніе, когъ е оружіємъ побѣђена држава трпила, и кога заповести и садъ іоштъ после нѣгове смрти слуша, него и други многи подобанъ край сведочи, како омраза многи людїи, може и найсилнїегъ оборити. Редакъ е између нѣи онай, кои е напрасну смртъ избегао. Стра е заиста неверный чуваръ дуге сигурности; а любовь е верна чуварица на векъ. Али они, кои надъ силомъ покоренымъ поданицима, као н. п. господари надъ своимъ слугама владаю, могу строгость и силу употребити, ако другчіе за нѣіову покорность не могу бити сигурни. У слободной пакъ држави, кои су ради, да їй се сограђани нѣіови бое, тїи немаю памети. Ако насилїе каквогъ тирана законѣ на неко време и погази, и слободу заплаши; опетъ се ова наипосле пробуди и покаже, или тимъ, што народъ оно чини, изъ чега се лако може видити, како онъ о свомъ владѣтелю мысли, или тимъ, што при избору каквомъ вотуме противъ нѣгове вољѣ дае. Горїи е угризъ изгублѣне за неко време слободѣ, него задржанѣ. Оно дакле, што намъ е одъ толике ползе, и што намъ не само сигурность, него и силу и власть дати може, — да смо свакомъ мили, а никомъ страшни да нисмо, треба да желимо. Тако ћемо найлакше и у своимъ, и у државнымъ пословима оно, што узжелимо постигнути. Ёрѣ кои су годъ ради да їй се други бое, тїи исти мораю се оны бояти, кои се нѣи бое. Какавъ е н. п. стра морао Дїонисїа мучити? кои е, боећи се бріячице, живымъ углѣномъ длаку на себи палио. Какавъ ли е животъ Ферейскїи Александеръ имао? кои (по Исторїи) колико е свою жену Тебу любїо, опетъ

іой никада ніе после вечере самъ у собу улазіо, него е свагда морао предъ нѣмъ, еданъ, тракійскимъ знацима жигосанъ робъ, са голымъ мачемъ иѣи; и свагда е напредъ шилоо неке одъ свои тѣлохрани-теля, да све женине кутіе прегледе, и да добро ви-де, да ніе гди подъ альинама оружіе какво сакри-вено. О несреѣногъ мужа, кои е выше варвару или туѣину, и жигосаномъ робу веровао, него своіой жени! И ніе се у томъ ни мало преварио; ерѣ одъ свое е управъ жене, збогъ подозрѣнія неверности, убієнъ. Нити е икаква сила владѣнія толика, да при непрестаномъ страу може дуго траяти. Сведокъ е Фаларисъ; когъ е падєніе особито было, као и сви-рѣпость: нѣга нису потайне замке погубиле, као Александра; нити руке неколико созаклетника, као нашегъ тирана; него юришъ свію Агригентианна, нѣгову поданика. Збогъ чега е Димитрій кралѣв-ство изгубіо, него збогъ омразе Македоняна, кои га усредъ битке оставише, и къ Пирру прибегоше. Ніе ли и Лакедемонскогъ владѣнія свирѣпость, то учинила, да су сви союзници на еданпутъ одъ нѣга одпали; па имъ после кодъ Леуктре ніе ни бриге было, што су Лакедемоняни гинули.

8.

У овакимъ стварима волемъ се свагда на странне примѣре, него на наше позивати. Но опетъ не могу ово преѣутати: докле се Римско владѣніе благодѣянїяма, а не неправдомъ држало, дотле су ратови или збогъ одбране наши союзника, или за честь владѣнія воѣени; край имъ е быо или благъ, или онай, кои е и свакогъ другогъ рата. Сенатъ е быо прибѣжиште за кралѣве и народе; и приста-ниште, у комъ су се на бурномъ времену спасава-ли. Наши су и граѣански и военни заповедници найвеѣу свою честь у томъ тражили, што су нама

подложне, или съ нама союжене провинціе бранили, и нѣма сваку правду и верность указивали. Римско се дакле владѣніе пре могло заштита целогъ света називати, него владѣніе. Одъ овогъ се обичая, и одъ овогъ начина поступаня, и пре мало по мало одступало; а после Сулине побѣде, сасвимъ га є нестало. Тако се свирѣпо съ грађанима поступало, да се престало мыслити, да є неправедно, што бы се годъ союзницима учинило. Колико є было праведанъ узрокъ рата, толико є неправедна была побѣда. Онъ се усудио рећи, кадъ є добра имући и одличны людій, свои сограђана, на лицитаціи, продавао; да свой добыть продає. За овимъ є слѣдовао другій, кои є у неправедной ствари іошть гаднію побѣду добыю; и по овой не само добра поедини грађана продавао, него и целе провинціе и кралѣвства, као свой праведанъ грабежъ поделію. После рата, у комъ су сви странни народи мучени и упропашћени, видели смо, гди се за знакъ, да є наша држава свое владѣніе сасвимъ изгубила, образъ Массиліе у тріумфу носи, и гди се тріумфъ надъ ономъ варошцю држи, безъ чіе помощи наши вождови никада нису у галлійскимъ ратовима тріумфа добыли. Много бы іошть невалялы поступака са саюзницима споменути могао, да є икакавъ горій одъ овогъ, сунце видало. Судбина є дакле наша, заслужена казнь. Ёрь да нисмо толике неправде безъ казни трпили: никада не бы єданъ до толике слободе дошао; когъ су имѣніе мало нѣи, али властолюбіе многи бездушни грађани наслѣдили. Нити ће икадъ семена, и узрока грађански ратова нестати, докле се годъ несрећни люди кржаве оне лицитаціе буду опоминяли, и подобной се буду надали. Публій Сулла, помагачъ и орудіе диктатора Сулле, свогъ сродника, при првой лицитаціи, после 36 година, буде и при другой, іошть

горой, употреблѣнь. Другій опетъ, кои є подъ о-
нымъ диктаторствомъ писаръ быо, подъ овымъ бу-
де квесторъ. Отудъ се види, да грађански ратови
никада нећеду престати, докле се годъ таке награ-
де уздаю. Сами іоштъ зидови одъ Рима стое, а и
они се исти већъ крайны беззаконія бое; државу
смо пакъ сасвимъ изгубили. И у сву ту несрећу
мы падосмо (да се на оно, што самъ почео, вра-
тимъ), еръ смо волели да насъ се бое, него да насъ
любє. Кадъ се ово Римскомъ народу могло дого-
дити, што є силу свою злоупотребіо; чему се мо-
раю приватни люди у подобномъ случаю надати? —
Будући дакле, да є то освѣдочено, да є велика си-
ла любви, а стра слаба: то слѣдує, да садъ гово-
римъ, коимъ средствама мы ту любовь, заєдно съ
почитаніємъ и повѣреніємъ кодъ други людій, до-
быти можемо. Сви то у єдномъ степену не треба-
мо. По различію станя и послова, єдномъ є доста,
ако га мало нѣи любє, а другомъ є нужно, да га
многои любє. Прва є, и свакомъ нужна потреба та,
да пріятель имамо, то єсть, таке люде, на кои се
вѣрность можемо ослонити, кои насъ искрено лю-
бе и уважаваю. Ово є готово єдно єдито добро,
кое виши и нижи равно имати могу; и безъ кога и
єдни и други не могу быти. Честъ, общте почита-
ніє, любовь целогъ народа, свима людма нису нуж-
дна; премда ово све може оногъ, кои то има, и у
другомъ чемъ, а особито у добіяню пріятеля, под-
помоћи.

9.

О пріятельству самъ у другой кнѣиги говорію,
кою самъ назвао Лелій. Садъ ѣу о чести говори-
ти, премда самъ и о нѣой две кнѣиге списао. Опетъ
морамъ и овде мало о нѣой говорити, будући да
насъ она у одправляню велики дѣла понайвыше
подпомаже.

Совршена и найвыша честь ово трое у себи содржава: да насъ народъ люби; да намъ верує; да насъ уважава, и за достойне высоки званія држи. Средства, коима се то добія, (да о ствари просто и накратко говоримъ), єсу за народъ она, коя и за поєдина лица. Но има и другій путь, коимъ се народу подъ кожу увући можемо; да на єданпутъ на све впечатлѣніє учинимо. Любовь, коя є прва између оне три, горе речене ствари, найвыше се правымъ благодѣянїяма добыя: иза овы иде указана наклоность къ чинѣню добра, ако бы силе къ томе и оскудѣвале. Публикуму се човекъ ни чимъ тако не препоручує, као гласомъ о благодѣтелству, правди, вѣрности, и вообщте о такимъ добродѣтелями, кое принадлеже къ човеколюбїю и дружелюбїю. Свашта, што є поштено и пристойно, само по себи намъ се допада. Право є тога свойство, да своіомъ внутреньомъ лепотомъ плѣнява срдца свію людїй. Будући да се поштенѣ између пре речены добродѣтельїй найясніє светли; то насъ и сама наша наравъ тера, да оне любимо, у коима мыслимо да є та добродѣтель. Ово су найважнїи узроци, кои намъ наклоность други людїй прибавляю; други су манїи. А повѣренїє ѣе други люди у нама имати, кадъ ово двоє у нама виде: да смо поштенїи, и да смо паметни. Прво, у онымъ людма имамо новѣренїє, коима веїїй разумъ, него нама самымъ приписуємо, о коима држимо, да могу предвидити, шта ѣе быти, и кадъ што раде, у одсуднымъ магновенїяма, брзо се умеду помоћи, и тегобе съ пута уклонити. У томъ се полезна и права мудрость состои. Друго, веруємо людма правичнымъ, и кои речъ држе, то єсть, поштенымъ людма, у колико се одъ нїи, нити преваре, нити насилїя боимо. Зато овыма животъ нашъ, имѣніє, децу, у случаю какве опасности, найрадїє воверавамо. Одъ ова два уз-

рока повѣренія, поштенѣ є и нуждніи и силніи узрокъ. Брѣ будући да оно, и безъ особите мудрости, може човеку неко повѣреніє придобити; то мудрость безъ поштєня, никоимъ начиномъ не може то учинити. Шта выше, свакій онай, о кога се поштєню сумнямо, тимъ бѣва подозрителніи, што му є бистріи и изоштреніи разумъ. — Поштенѣ дакле, съ разумомъ, може, што се добіяня повѣренія тиче, све свршити, што годъ човекъ жєли. Оно и само, безъ особитогъ разума, доста може учинити. Мудрость, безъ поштєня, неѣе никакве снаге имати.

10.

Некъ се нико не чуди, што я то садѣ делимъ, за кое су сви философи казали, да се не може раздєлити, а и самъ самъ доста пута говорію, да кои єдну добродѣтель има, тай све има; некъ се велимъ, нико не чуди, што я тако садѣ говоримъ, аки бы могао тєо поштенѣ, или правичанѣ човекъ бити, а да нїє мударѣ. — Друга се точность у израженію изискує одѣ философа, кадѣ у школи истражує, шта є истина; а друга одѣ списателя, кадѣ ту за народѣ пише. Я овде дакле говоримъ, као што свакій говори: то єсть, я сматрамъ паметне, храбре и поштєне люде, као три различите класе людій. Будући да овде о чєсти говоримъ, то єсть о мнѣнію, кое простѣ народѣ о каквомъ човеку има, то и рєчи таке морамъ употреблявати, кое су нѣму познате и обичне. То є исто и Панетій чинію. Но да се опетѣ на мою стварѣ вратимъ. Треѣе, што є за чєсть нужно, реко, да є удивленіє, или тако высоко почитаніє людій прама насѣ, да насѣ башѣ зато за, важны и одличны званія достойне држе. Обично се люди свачему ономъ диве, што є велико и чрезвычайно; особито пакѣ добрымъ каквымъ својствама у човеку, коима се нису надали. Зато оне

люде, о коима мысле, да превосходне неке и редке добродѣтели имаю, высокопочитую, и до неба похваляю; а друге напротивъ тога, за кое мысле, да нити имаю заслуга, нити духа, нити снаге, презиру; ерѣ не презиру све оне, о коима зло мысле. Човека невалялогъ, злы уста, лажу, и кои, и може, и оѣе другомъ да шкоди, не презиремо, него га се гнушамо. Оногъ само презиремо, кои нить є вреданъ шкодити, нить помоѣи; притомъ, нить є за разсуждаванъ, нить за трудъ, или бригу. Они се высокопочитую, кои друге добродѣтелию далеко превосходе, и не само никакве ляге на себи немаю, него су и одъ оны порока чисти, одъ кои се други не могу лако да одкину. Увеселеніе сирѣчь, овай ласкательный тиранъ, надвлада лако благородніе силе душевне, и одведе іѣ съ пута добродѣтели. Многи се опеть яко поплаше, кадъ іѣ пламень бола стане лизати. Найвеѣе впечатлѣніе у людма чини животъ, смръть, богатство, сиромаштво. Кои на ово све равнодушно може гледати, и нить се чега бои, нити шта безмерно жели, и кадъ се каквогъ великогъ и благородногъ дѣла прими, томъ се съ целомъ душомъ преда, а ни за што друго не мари: тога се добродѣтель тако яко и лепо сія, да іѣ се мора свакій дивити.

11.

И ово дакле равнодушіе прама увеселенія и бола, велико удивленіе раѣа: найудивителніе се пакъ чини многима правдолюбіе (по коіѣй єдноѣ добродѣтели, добри се люди именуѣ); и то не безъ узрока. Нико не може у свима случаєвима праведанъ быти, кои се смрти, бола, сиромаштва, изгнанія преко мере бои; или кои оно, што є свему овомъ противно, выше уважава, него права свои ближњи. Найвеѣма се люди оногъ диве, кои сла-

бо гледи на новце. Кои ову пробу одржи, тога се добродѣтель, као огиѣмъ искушено злато, сматра. — Све се троє дакле, коя къ чести воде, поштенѣмъ добія; прво любовь, ерѣ се поштенѣ човекѣ стара, да врло многима добро учини; друго повѣреніе, изѣ тогѣ истогѣ узрока; треће удивленіе, ерѣ онай само може совршено праведанѣ быти, кои оне ствари презире и пренебрегава, за коима други съ найвећомѣ желѣомѣ, гину.

Човекѣ, по момѣ мнѣнію, ма у каквомѣ станю и начину живота быо, не може безѣ помоћи други людій быти; ако ништа друго, мора имати съ кимѣ ће се мешати, и пріятельски разговарати; и те неће лако наћи, ако га за поштеногѣ човека не држе. Башѣ и самцу човеку, кои у полю живи, нужданѣ е гласѣ о нѣговомѣ поштеню. Ако овога нема, у свакой ће прилици у подозрѣніе падати, и свакой се обиди може пре надати, и што е одѣ людій већма удалѣнѣ, то ће се слабіе одѣ оваки нападенія моћи бранити. И оныма, кои продаю, купую, наймаю, подѣ аренду што годѣ даю, узаимаю, или другимѣ, буди коимѣ начиномѣ о новцу раде, послови ће добро за рукомѣ ићи, ако су поштени люди, или иѣ други за поштене држе. Шта выше, толика е сила ове добродѣтели, да и сами они, кои одѣ убійства и крађе живе, не могу обстати, ако у гдиѣоимѣ случаєвима, и прама неки лица не буду поштени. Пустаія, кои бы своє друштво покрао, не бы се ни у самой пустаиской чети трпіо. И арамбашу, кадѣ не бы грабежѣ еднако поделіо, друштво бы или убило или оставило. Шта выше, говорисе, да и они неке законе имаю, коима се повиную, и кое точно наблюдаваю. Такомѣ се еднакомѣ деобомѣ грабежа, илирскій пустаія Бардилисѣ, когѣ Теопомпѣ споминѣ, онако здраво осиліо. Виріятѣ, Лузитанацѣ, тимѣ е истимѣ путемѣ до онаке силе до-

шао, да су одъ нѣга наше войске и вождови зазирали. Силу є ту топрвѣ Лелій, Мудрый, сломію. Онѣ є и дивлю нѣгову гордость онда тако понизію, да су га слѣдуюћи генерали лако после могли побѣдити. Кадѣ є дакле и кодѣ самы пустаія толика сила правде, да имѣ снагу нѣюву утврђує, и умножава; то какво дѣйство нѣно мора быти у добро уређеной држави, гди су закони и судови?

12.

Я мыслимъ, да су не само Мидяни, као што Херодотъ вели, него и наши стари, у оно време, поштене люде за кралѣве избирали, найвыше зато, да бы правду хранили. Будући да су могућни и силни сиротипію угнѣтавали; то є ова къ єдномъ мужу прибѣгла, у комъ є лепу, какву добродѣтель вашла; овай после, бранећи є противъ обида, установи общте правице, и учини то, да су и выши прама найнижи, као и ови прама оны, морали правду наблюдавати. Изъ когъ су узрока кралѣви постали, изъ тогъ су, и закони начинѣни. Свагда се єднако право тражило, другчіє не бы ни было право. Докле су то одъ єдногъ правичногъ и доброгъ мужа добіяли, задовольни су были; а кадѣ имѣ ово не изиђе за рукомъ, изнаѣоше законе, кои ће са свима свагда єднымъ и онымъ истымъ гласомъ говорити. Отудѣ се види, да су они за владѣтелѣ избирани бывали, о кой є поштеню већа часть народа велико мнѣніє имала. Ако су притомъ іошть мудри были, то ништа ніє было, што бы народъ мыслию, да подѣ овимъ предводителѣима не може получитьи. Правда дакле треба, да се свакоякимъ начиномъ уважава и наблюдава, прво збогъ себе саме, єрѣ другчіє не бы была добродѣтель; друго, збогъ чести и славе, ко коима путь отвора. Како годѣ пакъ што є нужно, паметно промотреніє, ка-

ко ћемо не само новацъ добыти, него и съ добіе-
нымъ управити, да намъ свеєднако толикій доодакъ
доноси, да и на нуждне, и на благородне ствари мо-
жемо трошити: тако треба и славу, не само да тра-
жимо, него и да є паметнымъ начиномъ на нашу, и
на ближњи наши ползу употребљавамо. Красно вели
Сократъ: найпречій є путь къ слави овай: „гледай,
такій да будешъ, какавъ си радъ да се чинишъ.“
Они се яко вараю, кои мысле, да притворносћу,
суетнымъ хваленѣмъ, и лажномъ, не само беседомъ,
него и лицемъ, постоянну славу могу получитьи. Пра-
ва слава пушта жиле, и шири гране; а лажна брзо
опадне, као цвѣтъ. И вообщте, што є годъ при-
творно, то не може быти дуговечно. И за єдно, и
за друго много има сведока; я ћу пакъ, збогъ крат-
кости, при єдной фамилиі остати. Тиберія Граха,
отца, име ће се дотле славити, докле се годъ Римъ
буде споминяо; а нѣгови сынови, и живи докъ су
были, поштенымъ се людма нису допадали, а мртви
ћедусе свагда међу оне брояти, кои су праведно,
смрћу казнѣни.

13.

Кои є дакле радъ, да праву славу добіе, тай
некъ извршує дужности правде. А кое су те, ре-
чено є у првой кнѣиги.

Премда є то најболѣ средство, коимъ мнѣніе
о себи узбудити можемо, да онаки заиста будемо,
за какве желимо, да насъ други држе; опетъ има
и дозвољны средства, коима наша права свойства
другима позната учинити можемо, или тїи се чини-
ти, кои и єсмо. Брѣ ако кои одъ дѣтиньства има
славно име, кое є или одъ отца (као н. п. ты), или
каквымъ случаємъ, и срећомъ добіо; на тогъ савъ
свѣтъ гледи, и пази, шта ради, и како се влада;
таки иде по великой светлости, у којој се ни дѣ-

ло, ни слово нѣгово никакво, не може сакрити. Кои є пакъ одъ малы родителя, па є свое детинство тако провео, да нико за нѣга нїє знао, тай треба таки, како одрасте, за великимъ предпрїятїама да тежи, и о томъ ревностно да се труди; кое ће тимъ бодрїє чинити моћи, што се не само не завиди о-нымъ годинама, него се іошть и помаже. Найвећа є препорука за младогъ човека, ако се у рату мо-гао показати, као што су се многи одъ стары на-ши показали; єрѣ су све єднако готово, ратови вођени. Ты си пакъ настао живити, у време оногъ рата, кои є съ єдне стране врло неправеданъ, а съ друге опетъ врло несрећанъ было. У комъ си рату ты опетъ, кадъ те є Помпей поставіо, да съ дру-гимъ криломъ владашъ, велику похвалу и одъ о-ногъ славногъ мужа, и одъ войске добыо, што си се вешто, съ конѣмъ и съ оружіємъ владао, и сва-кій войничкій трудъ сносио. И та є твоя слава за-єдно съ државомъ пала. Но моя воля нїє была, да о теби говоримъ, него вообщте о ствари; дай да-кле да се вратимъ на оно, што є заостало. Како годъ што су у свачемъ послови душевни много претежніи одъ послова тѣлесны; тако и међу о-вымъ. славу доносећимъ стварма, оне су много вѣжніє, у коима се мышлѣнїѣ и паметъ изискує, не-го оне, у коима є само снага нужна. Младъ се човекъ може препоручити, прво, поштенымъ вла-данїемъ, и учтивосћу, нѣжностію и почитанїемъ пра-ма свои родителя, и любовію къ свимъ своимъ сродницима. Найлакше се пакъ и съ найболѣ стра-не познаю младићи, кои се честиты, паметны, и за државу полезны людїи, држе. Кадъ їй види светъ, да се съ овима мешаю, за цело после држи, да ћеду имъ и подобни бити, кадъ су їй сами за при-мѣръ себи изабрали. Шта є Рутилію младомъ, име поштеногъ, и у правама искусногъ мужа дало, не-

го Муцієва кућа. Ніє тако Л. Крассъ радіо. Онъ є іоштъ врло младъ быо; и ніє требао туђе славе, него є самъ себи найвећу славу придобіо, што є онако благородно тужіо, и сапрео Карбона. У коимъ се годинама други збогъ прилѣжногъ свогъ упражненія похваляю, (као што смо о Демостену чули), у тимъ є годинама Крассъ показао, да онъ то већъ, съ наибольшимъ успѣхомъ, предъ судомъ, може радити, на што се онъ іоштъ онда съ честію кодъ куће преправляти могао.

14.

Између она два говора, кое смо горе споменили, то єсть између разговора и слова, слово є, яче средство, коимъ се слава получава; то є оно, што краснорѣчіємъ називамо. Али не може се исказати, како яко пріятность, и умилность разговора люде може приволети. Ено и садъ писама одъ Филипа, Антипатра, и Антигона, три одъ найпаметніи кралѣва (тако смо чули) на нѣіове сынове, у коима ій советую, да се любезно съ простымъ човекомъ, а особито да се са солдатима често, пріятельски, и поименце разговараю, да тако любовь народа и войске добію. — Явно пакъ слово, кое се предъ целомъ скупштиномъ говори, сильный светъ може на єданпутъ побудити. Ёрь врло се дивимо свакомъ ономъ, кои и лепо и паметно говори; и сами они, кои овакогъ слушаю, мысле, да выше одъ други разумеду, и да су паметніи. Ако ли є іоштъ у слову живость, са учтивосћу смешана, онда већъ не знамъ, шта може бити, чему бы се већма дивили, особито, ако є то у младомъ човеку. Но будучи, да различиты има послова, у коима се краснорѣчіє исискує, и многи су младићи, у нашої држави, кое на суду, кое у сенату, словомъ своимъ славу добыли; то треба знати, да се у судовима най-

већа слава може добыти. Слово, кое се у суду говори, може бити, тужба, или одбрана. Одбрана е свагда похвалнија; алъ се доста пута и тужба свима допала. Мало самъ пре казао о Крассу. То е исто радіо младай Антоній. И Суллициево се краснорѣчіе тужбомъ прославило, кадъ е немирногъ и невалялогъ Норбана къ суду привукао. Него то не треба, често да буде, и не другчіе, развѣ, или збогъ общегъ блага, као што су мало пре именовани радили; или збогъ освете за учинѣну увреду, као што су Лукулли чинили; или збогъ одбране оны, кои подъ нашомъ заштитомъ стое, као што самъ я за Сициліяне радіо, а Юлій за Сардиніянце. И Фулій е чувенъ быо, збогъ тога, што е Аквилія тужіо. Само дакле еданпутъ некъ учини то човекъ, или поне редко. Ако ли ко узмора то чешче чинити, некъ то држи, за услугу, кою држави чини, што нѣне непріятель публичномъ суду предае; ово е услуга, коя се безъ свакогъ хуленя, и выше пута може чинити. Но опетъ и ту не треба меру прелазити. Ёрь то е, само за човека, каменитогъ срдца, или нѣе скоро, ни за човека, радити многима о глави. То нѣе само съ опасносћу союжено, него іошть и добромъ гласу шкоди, кадъ се еданпутъ, парничаръ назовешъ. Ово се Бруту догодило, кои е сынъ, єдногъ одъ найвећій правдослова, и одъ найблагородніегъ племена быо. — И ову дужность точно треба наблюдавати, да невиногъ човека, никада не тужимо; ёрь се то, безъ беззаконія, никомъ начиномъ, учинити не може. Шта е безчовечніе, него краснорѣчіе, кое намъ е наравъ, за сохраненіе и избавленіе людій, дала, на шкоду и паденіе поштены людій обраћати? Нити опетъ, као што се овогъ треба клонити, треба да мыслимо, да кривца, ако само нѣе сасвимъ порочанъ и опасанъ човекъ, не смемо бранити. То оће светъ, подноси обичай,

и човечество не крати. Судія треба да се свагда у парницама истине држи; а адвокатъ може кадкадъ, и што ніе истина, но само вѣроятно, бранити. Ово писати (особито у философіи) не бы смео, да ніе исто, найячій Стоикъ, Панетій, радіо. — Найвыше се слава, и любовь народа, одбранама обтужены, добія; тимъ веѣа, ако се догоди, да се оныма помаже, коє силанъ какавъ противникъ гони, и гледи, да сатре. То самъ я често, а особито, како самъ почео радити, бранеѣи Росціа Америна, противъ силногъ у оно време Сулле, чинію. Ово є слово, као што знашь, у рукама публикума.

15.

Иза науке о слави, и о средствама, коима се та добія, (коій є употребленіє права дужность младиѣа) иде наука о благодѣтелству и штедроти. Овы има два рода. Потребитымъ се людма добро чини, или личноу услугомъ, или новцемъ. Ово є лакше, особито за могуѣне люде; аль оно є и веѣе, и благородніє, и великогъ мужа достойніє, благодѣтелство. И єдногъ є, и другогъ наклоность єдна, да другомъ што годъ повольно учини; само другчіє; єданъ узима изъ кесе, а другій изъ сила и добродѣтели свогъ духа. Притомъ благодѣянія, коя, изъ нашегъ имѣнія чинимо, мало по мало подрпе и самъ изворъ благодѣтелства. Тако благодѣтелства, одъ благодѣтелства нестает. Што си прамавыше нѣи быо штедаръ, то ѣе іѣ садъ манѣ быти, прама кои можешъ іопѣти быти онаѣ истый. Кои пакъ свое човеколюбіє, личнымъ услугама, то єсть, употребленіємъ свои душевны сила и прилѣжанія указує, тай, благодѣяніяма умножава свою моѣ благодѣтелства. Єрѣ прво, што є выше нѣи было, коима є услугу чинію, то выше спомоѣника има, да може опетъ другима услуге чинити; друго чрезъ

то, што се често за благо други труди, быће бржій, и склонѣнїи на то, да іошть већой части услуге чини. Праведно, у писму некомъ, Филиппъ, укорава сына Александра, што наклоность Македоняна гледи да поклонима добіе. — Шта те є, несрећниче, дотле довело, да мыслишь: они ћеду ти верни быти, коє си новцима подмазао? Иль си радъ, да те Македоняни не држе за краля, него за свогъ арендатора, кои ће имъ рану, и новце подъ интересъ давати. Право има, што є оне речи „арендаторъ, и интересъ“ употребію: єрь є то гадно за краля; а іошть правіе има, што поклоне подмазиванѣмъ назива; єрь заиста онай, кои те прима, тимъ горій бива, и све се выше на тако приманѣ учи. Што є онъ свомъ сыну писао, то може за общте правило служити. Дакле є безъ сумнѣ оно благодѣтелство, коє трудомъ бива, и благородніе, и обширніе. Но опетъ є кадкадъ нужно, да и новцемъ нашимъ, друге послужимо. Ово є благодѣтелство манѣ; альга не треба сасвимъ изоставити; и доста пута смо дужни, достойнымъ лицама, што годъ одъ нашегъ добра дати, но само са изборомъ, и умерено. Єрь многи су свою отчевиу профућкали, што су другима непаметно давали. А шта є луће, него оно, што радо чинимо, тако чинити, да дуже не можемо чинити? За милостивымъ, неумеренымъ даванѣмъ иде насилно отиманѣ. Єрь, кадъ су већ толико, на друге раздали, да сами после немаю, то мораю силомъ одъ други отимати. И тако, будући да гледи, да благодѣтелствомъ наклоность други людїй добію, не получе толику любовь одъ оны, коима су давали, колику мрзость на себе навуку оны одъ кои су отимали. Зато нити треба тако имѣніе наше да затворимо, да га милость отворити не може, нити тако, да отворимо, да, ко годъ оће, може узимати. Мєру треба наблюдавати, и то по могућ-

ству. Поклони дна немаю, вели пословица, коя намъ у овомъ случаю може за правило служити. И заиста докле ћемо давати, кадъ и они, кои су се научили примати, и они, кои јошѣ ништа добыли нису, све еднако поклоне ишту.

16.

Трошакъ, кои се за благо други людій чини, естъ двоякій: еданъ е расипача, а другій штедри людій. Расипачъ части целу варошъ; дели месо и рану међу народомъ; заводи айке, упражненія за борителъ, и различите игре; и силне новце троши на онаке ствари, збогъ кои ће или слабъ, или никакавъ споменъ оставити. Штедри пакъ, своимъ добромъ, или заробљене одъ морски пустаія испуплюю, или дугове свои пріятеля исплаћую, или имъ у удаваню кћерій, или у тециву, и умноженію свогъ имѣнія, помажу. Зато се чудимъ, како е Теофрастъ могао у књиги о богатству, између многи лепы стварій, ону лудостъ написати, да се права полза великогъ богатства у томъ состои, да човекъ може, на публична веселя, и на славе народне, нужданъ трошакъ дати; и овако е трошенъ врло похвалъивао. Мени се чини, да е плодъ штедроте, кое самъ примѣре неке довео, и већій и сигурниі. Колико е правія и зрелія мысао Аристотелова, кои каже: „редко некъ бива, да се страшномъ трошку овакомъ, онако исто не чудимо, као што се превеликой цени чудимо, за кою се сатљикъ воде у каквой обколъной вароши купити мора. У обоемъ случаю нема соразмѣрія између вредности, и цене ствари. Само што се у другомъ случаю одма истолковати може; да е то несоразмѣріе збогъ оскудости и нужде. А у првомъ се неможе никоимъ начиномъ извинити, будући да се съ нѣимъ, нити каквой потреби помаже, нити се каква особита честь

добія; него се само народу, и то найгорой, и найлакомысленой части, неко кратко весель чини; весель, кое се одма заборави, како га се човекъ насити. Найпосле вели: то се деци, женама, робовима, и овимъ подобнымъ слободнымъ, допада; човеку пакъ зреломъ, и кои свашта, памећу своіомъ, мери, не може се никоимъ начиномъ допасти. Опоминѣмсе, да се у нашої држави издавна іошть убичаило, да и найзаслуженіи мужеви оне године, кадъ едили буду, штогодъ на увеселеніе народа потрошити мораю. Тако е н. п. Публій Крассъ, и именовъ, и дѣломъ богатый, за времена, докъ е едилъ быо, давао торжества и игре са особитомъ красотомъ. Наскоро за нѣмъ слѣдоваше Луцій Крассъ съ найумереніемъ мужемъ, Кв. Муціемъ; кои су такођеръ едилитетъ свой великолѣпнымъ играма прославили. Нѣiovымъ су трагомъ после ишли, Кайй Клаудій, Апіевъ сынъ, и многи други, Лукулли, Хортензій, Силапъ. Све е пакъ пређашне, подъ моимъ конзулатомъ, превозишао Публій Лентуль. Овога е Шкауръ узео за примѣръ. Но опетъ найвеликолѣпнѣя су торжества была Помпеева за времена другога нѣговога конзулата. Читатель ће лако видети, шта се мени одъ свега овога допада.

17.

Подозрѣніе сребролюбія треба свакимъ начиномъ избегавати. Мамеркъ, човекъ врло богатъ, тео едилско званіе да прескочи, и зато буде одъ конзулата одбіенъ. Дакле кадъ и народъ таке трошкови изискуе, и одличніи люди, ако башъ не ишту, а оно одобраваю; то їй треба чинити; али као што самъ, и самъ радіо, по могућству. Ако ли іошть такимъ славама, и поклонима народнымъ, какво важно намѣреніе постигнути, или сами какву главну користъ получити можемо; то іошть мањъ треба

одъ таки трошкова бегати. Колико е почитаніе о-
номадъ придобію Орестесъ, кадъ е, подъ именомъ
десетка, Боговима посвећеногъ, явно на средъ дру-
ма, ручакъ народу дао? Ни Сею Марку нису за
зло примили, што е на онакой скупости, која е го-
дине нѣговогъ едилитета наишла, меровъ жита за
ѣданъ асъ продавао. Жертвованѣмъ, нити зло упо-
реблѣне, нити превелике сумме новаца збаціо е
онъ са себе неко старо, и велико огорченіе, кое су
противъ нѣга имали. Нашемъ е пакъ Милону на
найвећу честь служило, што е, купивши борителъ
збогъ државе, съ којомъ е наше благостояніе скоп-
чано было, савъ Клодіевъ трудъ, и беснило уничто-
жіо. Изъ два дакле узрока, даємо поклоне народу;
или кадъ морамо, или кадъ намъ е полезно. И у
ѣдномъ, и у другомъ случаю, треба се среднѣгъ
пута држати. Луцій Филипъ, сынъ Квинтовъ, мужъ
велики дарованія, и познаты заслуга, имао е оби-
чай, хвалитисе, да е све одъ народа безъ свакогъ
поклона добію, што годъ овай велико и благородно
дати може. Ово су исто говорили, Котта и Куріо.
И я се тимъ истымъ могу дичити. Брѣ по величи-
ни степена, кои самъ обштимъ согласіемъ получію,
и то таки прве године, у којой е по законима до-
пуштено, (што се ни ѣдномъ одъ пређашњи нѣ
догодило) чинѣнъ за могъ едилитета трошакъ, врло
е малый быо. Болѣ е, трошити на оно, што е це-
лой држави полезно, као на зидове око вароши,
на пристаништа, на канале, и на друге подобне
ствари. Ово све нѣ истина тако пріятно, као по-
клонъ, кои се таки, готовъ у руку дае; опетъ е съ
временомъ пріятніе. Театре, художествене доксате,
нове храмове, несмемъ тако хулити, збогъ Помпея;
али найученіи люди то не одобраваю, као и самъ
Панетій, кога самъ се доста у овимъ кнѣигама др-
жао, премда га нисамъ преводіо, и Димитрій Фале-

рейскій што не одобрава, кои Перикла, єдногъ одъ првы мужава Грчки хули, што є онолике новце, на славу пропалею потрошію. Али о овой самъ ствари обширніє у кнѣигама о републики говорію. — Цела є дакле ова штедрота, коє є намѣреніє, великолѣпіє и чувствено увеселеніє, погрешна; у некимъ пакъ обстоятельствама, може быти нужна; а и онда треба да є могућству соразмѣрна, и умерена.

18.

У другомъ трошеню, коє одъ праве штедроте происходи, благодѣтелна наша наклоность, треба, да се по различію потреба, выше или манѣ, показує. Друго є, кадъ є човекъ у правой нужди; а друго, кадъ ніє ни у каквой несрећи быю, само є радъ, да своє станѣ поболша. Прама првогъ треба да смо милостивіи, ако є ону свою несрећу и заслужію. А и онима, кои помоћ ишту, не зато, да не бы сасвимъ пали, него да се мало већма подигну, не треба помоћ одрећи, него само треба іюшть боль да гледимо, коме ћемо учинити. Ђрь, као што Енній право вели:

„Благодѣянїя, гди не треба учинѣна, єсу, чинимисе, злодѣянїя.“

Оно пакъ, што се на достойногъ, и благородногъ мужа потроши, єсть семе, коє и нѣму, и другима плодъ доноси. Ђрь штедрота, само ако ніє луда, свагда є мила; и тымъ є ревностніє многи хвале, што є доброта свію велики людій, обште за све прибѣжиште. Треба дакле да гледимо, да така благодѣянїя чинимо, кои ће споменъ у деци, и у потомству остати, тако, да ови не могу быти неблагодарни. Ђрь на неблагодарногъ сви мрзе, будући да мысле, да онъ свима шкоди, тымъ, што друге одъ бладѣтелства одвраћа; особито се такій

за общегъ непріятеля сиротинѣ држи. Нека су одъ овы благодѣянiя, као: искупити робове, сиротиню помоћи, и држави полезна; и зато су їй негда люди одъ сенаторскогъ реда, као што се изъ слова Крассовогъ види, врло често чинили. Обычай, овимъ начиномъ човеколюбiе свое показивати, много є благороднiи, и целомъ свету полезнiи, него давати народу поклоне и игре. Онаї є обычай людiй важны и велики, а оваї ласкателя народны, кои лакомысленость простоте дѣтиньскимъ увеселенiяма голицаю. Єднакостъ нашегъ владаня изискує, да у даваню будемо великодушны, а у исканю да не будемо преки; да се, у свима новчанымъ пословима, у купованю, продаваню, при арендама, у опредѣляваню граница, и у другимъ сосѣднымъ поравненiяма, не само правични, него и добри показуємо; много одъ нашегъ права многима да уступимо, и одъ свiю парница толико, колико намъ брига за наше собствено благостоянiе, и готово бы рекао iощѣ выше, него што намъ она допушта, да се клонимо. Ёрѣ нiє само благородно, што годъ одъ свогъ права уступити, него є кадкадъ и полезно. Дужни смо безъ сумнѣ и о нашемъ имѣнiю бригу носити; пустити, да то пропадне, порочно є; него опетъ треба да се чувамо, и клонимо одъ подозрѣнiя лакомства, и тврдоће. Найвећа є полза имѣнiя та, да можемо штедри бити, и другимъ благодѣянiя чинити, али сами да неосиромашимо. Гостолубiе є друга добродѣтель, коя овамо принадлежи; она заслужує ону похвалу, кою їой Теофрастъ дає. Лепо є заиста, чинимисе, кадъ куће велики людiй, одличнымъ гостима, стое отворене; а и држави служи на честь, кадъ се изъ туђи земаля люди, у найглавнiой вароши, лепо примаю. Онима є притомъ людма, кои су ради, да до какве силе и власти поштенымъ начиномъ дођу,

врло полезно, да съ одличнымъ странцима у союзу стое, да бы преко нѣи, и кодъ други народа и држава, втеченіе имали. О Цимону приповеда Теофрастъ, іошть друго неко гостолубіе, кое е онъ своимъ сограђанима, и то оныма, указивао, кои су съ нѣимъ изъ єдногъ места, изъ Лаціе, были. Онъ на свимъ своимъ добрама ту наредбу учини, да свакій Лаціядъ, кои бы се тамо свратіо, све бадава добіе, што му годъ устреба.

19.

Коя се благодѣянія, не трошенѣмъ новаца, него трудомъ чине, та се или целе државе, или поедини грађана тичу. Ёдно одъ таки благодѣянія, и кое е кодъ насъ одискони путь къ благонаклоности, и втеченію, кодъ народа, отворало, єсть даванѣ правичны собора. Ово е єданъ одъ найбільи обичая наши стары, што су знанѣ и толкованѣ грађанскогъ права свагда у великой чести држали; и зато су то само првымъ, у држави, людма предали. Ови су то дотле држали, докле се нїе, збогъ послєднѣи немира у држави, као и достоинства, и свистепени чести, тако и ове науке светлостъ угасила. И што е іошть жалостніе, ово се онда управъ морало догодити, кадъ е онай быо правдословъ, кои е, свима своимъ предшественицима, достоинствомъ быо раванъ, али у науки одъ свію ячи. — Ово дакле чинѣнѣ услуга, будући да се многима указати може, може намъ и пространу благонаклоность прибавити. Овой е вештини найближе друго дарованіе оратора или витіе. Ёрѣ заиста, шта е лепше одъ краснорѣчія: та, на удивленіе слушателя, та, на надежду помоћи требуюћи, та, на благодарность одбранѣны, гледали? Нѣму е зато, између свію художества мира, првенство одъ наши стары дано. Човекъ, кои то художество зна, и радо се съ нѣимъ

бави; кои, по обичаю наши стары, парнице многи, не тежко намолѣнь, притомъ бадава, тера, може благодѣтель и бранитель великогъ числа свои сограђана быти. Овде ме стварь опоминѣ, да, запущтенѣ краснорѣчїя, да не рекнемъ, паденїе оплакуемъ; кое бы заиста и чинїю, да се не боимъ, да ѣду други, то мое оплакиванѣ, за оплакиванѣ могъ собственогъ незадовольства, држати. Међу тимъ свакиъ види, какве смо велике ораторе изгубили; колишно одъ овы, што су живи, надежду о себи даю; а їоштъ е манѣ нѣи ту готовость добыло; колико їй наипосле има слободны, кои место дарованїя ораторскогъ велико о себи воображенїе имаю. — Сви, а и многи, не могу быти правдослови, или оратори; али сви могу, чинѣнїемъ услуга, себе другима полезнымъ учинити; или кадъ благодѣтель за нѣи умоле; или кадъ судїяма и власти препоруче; или кадъ о ползи нѣовой бдиду; или кадъ їй къ правдословима или адвокатима одведу, и своїомъ молбомъ добию имъ совѣтъ одъ првы, или помоћъ одъ други. Тимъ начиномъ, гди е само трудъ, вниманїе, и добра воля нужна, можемо неброено число людїй нама обвезати. На то їй мыслимъ не треба опоминяти, (єрь стварь пада у очи) да они исти, кои гледе да другима помогну, никогъ не увреде. Доста пута оне увредимо, кое не морамо, или не бы требало, увредити. Ако то чинимо изъ незнаня, то е наша несмотреность; ако ли са знанїемъ, то е беснило. Ако ли смо пакъ кога неотице увредили, то треба да се кодъ нѣга извинимо, и да му покажемо, да другчїе нисмо могли чинити, нити е одъ насъ зависило, оно избећи, што е нѣима неприятно; дужность е притомъ наша, да ову погрешку, точнїимъ изврщиванїемъ прочи дужностей поправимо.

20.

Но будући да, при избору лица, коима оѹемо услуге да чинимо, или на нѹово владанѹ, или на среѹу, гледимо; лако є реѹи, а и вообште се говори, да се у чинѹню благодарѹня, на владанѹ, гледи, а не, на среѹу. Говорѹ є лепѹ. Али ко се сме хвалити, да нїє никада, сиромау, но достойномѹ мужу, у подношенїю труда, богатогѹ и силногѹ предпоставїо? Ёрѹ одѹ когѹ се найизвѹстнїой и найбржой награди надамо, томе смо и найнаклонѹнїи. Добро пакѹ треба извидити, како стварѹ управо стои. Онай сирѹчѹ, сиромашакѹ, ако є само поштенѹ човекѹ; може намѹ срдцемѹ, ако не дѹломѹ, благодарити. Лепо є оно, одѹ кога му драго казано: „узаймљѹне новце, кои їоштѹ кодѹ себе држи, тай їй нїє вратїо; кои є пакѹ те вратїо, тай їй выне нема; а благодарность има и онай, кои є вратїо; и кои є има, тай є вратїо. — А кои се држе, да су велики, богати, и силни, тїи се недаду благодарѹнїемѹ обвезати; шта выше, мысле, да су они благодарѹнїє учинили, кадѹ имѹ другїй ма какву, велику услугу учини. Боесе сирѹчѹ, да свакїй онай, кои нѹи служи, не бы їоштѹ веѹе услуге одѹ нѹи искао, или очекивао. Смртѹ имѹ є пакѹ, да се други нѹїови благодарѹтели зову, а они клїєнти. Напротивѹ тога, сиромашакѹ онай, будући да види, да се у благодарѹнїю, само на нѹга, а не на среѹу гледало, жели не само ономѹ, кои му є учинїо, него и оныма, одѹ кои се нада (а много благодарѹтеля треба), благодаранѹ быти. Нити онѹ речма увеличава ону услугу, кою чини, него є їоштѹ умалява. Ктоме їоштѹ и то треба знати, да, ако смо великогѹ, и богатогѹ кога бранили, ни одѹ когѹ другогѹ немамо очекивати благодарность, него одѹ нѹга єдногѹ, или найвыше одѹ нѹгове деце. Ако ли смо пакѹ потребитогѹ, но доброгѹ и поштеногѹ чове-

ка бранили, то насъ онда сви поштени, и потреби-ти люди, (кой врло много има у народу) милую, ерь се подобной помоћи одъ насъ надаю. Зато мыслимъ, да благодарѣнія ономъ, кои чини, већу користь доносе, кадъ добрима, него кадъ їй срећнима чини. Треба истина гледати, да свакой класси людїй, ако є могуће удовлетворимо; али кадъ до избирања дође, онда самъ Темистокловогъ мнѣнія, кои, кадъ га некїй за совѣтъ запыта, бы ли кћерь свою за поштеногъ сиромаша, или за богатогъ, али свакоякогъ младића дао, ово му одговори: „волемъ човека, кои новаца треба, него новце, кои човека требаю.“ Алъ є нашъ векъ безмернымъ почитанїемъ богатства искваренъ и отрованъ. А управъ, шта се мене, или макаръ кога, и тиче, што є овай, или онай богатъ? За нѣга може бити добро, но и то не свагда. Али да рекнемо, да єсть; шта отудъ слѣдує? да выше ужива, да выше угодія, и выше увеселенїя себи прибавити може; мора ли зато и выше почитанїя имати? — Ако ли є ко и богатъ, и поштенъ человекъ; то не треба да рекнемо, богатъ є, зато му не треба помоћи: нити опетъ треба коме само зато помоћи, што є богатъ. Кадъ годъ коме оћемо добро какво да учинимо, треба да гледимо, не, како є кои богатъ, него, како є добаръ. Последнї є правило у чинѣню благодарѣнія и услуга ово. да не бы што противъ правде, и са чїомъ шtetомъ учинили. У свачемъ, што добро, и благородно треба да буде, мора се обща правда за temelъ положити; безъ кое ништа неможе бити похвално.

21.

Будући да смо досадъ о ономъ роду благодарѣ-нїя говорили, коя се поєдины лица тичу: то садъ морамъ о оныма говорити, коя се свима, и држави чине. Ёдна одъ овы ползую само свима вообщте,

а друга се на свакогъ поособъ простиру; и най-пріятнія су. У одправляню послова, една съ другима, ако є могуће, треба да союжавамо; можемо гдишто и на ползу поєдины грађана чинити, али то треба и држави да ползує, или поне да не шкоди. Грахъ є силу рану раздао; и тимъ є публично сокровиште испразніо. Октавій є то исто, само умереніє, чинію. Зато тай трошакъ ніє быо држави на тегобу, а народу є быо нужданъ; дакле є и грађанима, и држави полезанъ быо. Особито на то треба да пази онай, кои съ државомъ управля, да право притяжанія свето храни, и да никакву публичну наредбу не учини, коіомъ бы се добро приватны людій умалявало. Кадъ є Филиппъ, у свомъ трибунату, деобу земаля, на ново предложію, (кою є опетъ зато съ похвалномъ умереносћу одбацію) рекне у свомъ слову, коимъ є овай, за деобу, законъ, подкреплявао, између многи, народу повольны, стварій, ово ружно: „нема две иляде людій у држави, кои бы што годъ имали.“ Опасна беседа, и коя на уєдначенъ добара тежи: одъ кое куге, може ли коя, за државу већа быти? Сигурность є притяжанія най-главній узрокъ быо, збогъ кога су люди грађанска друштва и државе завели. Ёрь премда су люди по нагону природе у друштво ступили, опетъ су сами, желећи своє добро сачувати, вароши сазидали, и грађанско владѣніє завели. Друга є дужность владѣтелѣва, да се одъ налаганя личногъ данка чува (кои се, зе времена наши стары, кадъ є публично сокровиште мало было, а ратови се свеєднако водили, често плаћати морао). Коє да не бы было, владѣтель треба свагда у напредакъ готовы новаца да има. Ако ли бы држава коя, до те нужде дошла, да мора таковий данакъ одъ свои грађана искати (єрь волемъ за другу, него за нашу државу слутити, а управъ и не говоримъ о римской држави, не-

го о свима вообште); то управитель треба да увери народъ, да є права нужда, и да тай тереть, ради свогъ собственогъ благостоянія, треба да носи. Притомъ, свакій управитель државе, треба да се постара, да оны стварій, кое су за животъ нуждне, доста у држави буде. Ове како се набавляю, и набавляти мораю, ніє нужно казивати; єрь є свакомъ познато. Само самъ морао напоменути. Найглавніє є пакъ у одправляню свакогъ дѣла, и званія публичногъ, да се и одъ найманѣгъ подозрѣнія сребролюбія чувамо. „О кам' среѣа, вели Самнитянинъ, Понтій, да ме є судбина, за она времена задржала; и да самъ се онда родію, кадъ бы Римляни поклоне примати почели! Не бы заиста трпію, да дуже, надъ другимъ народима владаю.“ Добрый бы Понтій іоштъ выше векова морао чекати. Єрь скоро є ово зло и наишло на нашъ народъ. Хвала Богу, дакле, да є Понтій у оно време живію, кадъ бы тако опасанъ мужъ за нашъ векъ быо. — Іоштъ нема 110 година, одъ како є првый законъ о исканію отеты новаца натрагъ, одъ Пизона заведенъ, кога пре ніє было. Али колико є подобны, за овимъ слѣдовало; и све єданъ строжіи одъ другогъ! Число є обтуженны, и осуѣнены, за кратко време, тако нарасло, да є стра одъ оваки испита, быо узрокъ страшногъ рата. Таліянскогъ; наипосле изгубе закони и судови свое уваженіє; союзници безъ свакогъ стра буду пороблѣни и оплѣнѣни, тако, да слабостію други народа, а не нашою храбростію, што годъ вредимо.

22.

Панетій похвалює Африкана, што се никада ніє туѣимъ добромъ обогатио. А зашто га не бы хвалио? него є у нѣму іоштъ веѣе нешто было. Похвала некористолюбія, ніє само овогъ мужа бы-

ла, него ондашњи времена. Ё ли Пауль Емилъ, у чіе є руке цело Македонски кралѣва сокровиште дошло, и кои є, унесенымъ у публичну кассу новцемъ, првый великимъ наложима, край учинію, є ли, велимъ, одъ целогъ овогъ богатства, своіой кући, што друго донео, него вечитый споменъ свогъ некористолюбія? Примѣру овогъ великогъ отца слѣдовао є сынъ, млађій Африканъ; онъ є силу Картагену разоріо, а опетъ се ніе зато обогатио. А шта? заръ є нѣговъ другъ, у цензорству, Мумій, штогодъ богатіи постао, кадъ є найбогатію варошь сасвимъ разоріо? Волео є, Италию, него свою кућу украсити; премда є и кућа украшенія, кадъ є Италија украшена. — Да се дакле опетъ тамо вратимъ, одъ кудъ самъ пошao; нема горегъ порока одъ сребролюбія, особито у великашима, и у онима, кои съ државомъ управляю; єръ трговати съ државомъ, ніе само ружно, него и подло, и гадно. Што є Аполло Питіевъ предсказао, да ће Шпарта ни збогъ чегъ другогъ, него збогъ сребролюбія, пропасти, то ми се чини, да ніе само за Лакедемоняне, него за све богате, и силне народе, предсказао. Ничимъ се пакъ другимъ они, кодъ народа не могу умилити, кои съ државомъ владаю, него, некористолюбіємъ, и воздржаніємъ. Кои се чрезъ то кодъ народа мысле умилити, или што предлагаю, да се землѣ на ново деле, то єсть, да се прави притяжательи изъ свои добара истераю, а странни наместе; или што советую, да се дугови дужницима опраштаю: тии темель државе потресаю. Прво разораваю слогу, коя не може обстати, како се стану новци одъ єдны одузимати, а другима давати. Друго, нестae правде, како свакій свое држати не може. Ёръ зато су вароши сазидане (као што горе рекo), и зато су грађанске власти поставлѣне, да свакій небринућисе о сигурности свогъ добра, мо-

же слободно, то уживати. Найпосле, обштимъ тимъ поколебаниємъ државѣ, ни оногъ благоволенія не добию, комъ се надаю. Ёрѣ одъ кога є стварь оте-та, єсть непріятель; и самъ онай, кои є примію, чинисе, да нїе тео примити; особито дужникъ, комъ є дугъ опрощенъ, кріє свою радость, да се не бы рекло, да нїе могао платити. Увређенъ напротивъ тога, виче явно, и никадъ не забораваля. И некъ є они выше, кои неправедно примаю, него они, кои су неправедно изгубили; опетъ зато нису они ячи одъ овы. Ёрѣ се ово не суди по числу, него, по важности. Каква є заиста то правда, да се земля одъ оногъ, кои є ту, пре много година, и пре векова, притяжавао, на єданпутъ одузме, и ономъ, кои никакве нїе имао, даде?

23

Збогъ оваке су неправде Лакедемоняни Лисандра протерали; Агиса (што се кодъ насъ никада нїе пре догодило) убили, и одъ тогъ су доба толике неслоге слѣдовале, да су се и тирани родили, и великаши потаманили; и найболѣ уређена држава пропала. Нити є само она пала, него є и све проче грчке државе упропастила, будући да су у метежима и кавгама участіе имале, коє су све изъ Лакедемона изишле. — Шта є упропастило Грахе, сынове онако великогъ мужа, Тиберія Граха, и унуке іошть већегъ Африкана, него инатъ збогъ деобе земаля? У овой се ствари, Аратъ, Сикіонянинъ, праведно похваљує; онъ, будући да му є отечество 40 година, подъ игомъ тиранскимъ стенило, оде изъ Арга у Сикіонъ, тайно уђе у варошъ, и ову освой; на Тирана Никокла изненада нападне, 600 протераны, кои су найбогатіи, и найзнатніи у вароши были, избави, и државу своимъ пришествіємъ ослободи. Найтеже му є было, што се добара тиче, нове

грађане, са старима, поравнати. Съ єдне є стране за неправо држао, да они, којма є онъ самъ право грађанства опетъ дао, своя негдашня добра у туђимъ рукама гледе, а сами оскудость трпе. Съ друге є стране опетъ за неправо судію, да се они изъ добара свои крећу, кои су та 50 година држали; єръ за толико времена многа су добра купованѣмъ, многа наслѣдіємъ, многа у име мираза, праведно, садашњимъ притяжательима припала. Судію є дакле, да треба гледати, да се и одъ оны не одузме, и овима да се накнади. Кадъ є видію, да то безъ готова новца бити не може; рекне, да є радъ у Александрію путовати, и учини, да све онако, као што є, остане, докъ се онъ не врати; дође брзо къ Птоломею, свомъ добромъ пріятелю, кои є другій быо овогъ имена краль, одъ како є Александрія сазидана; овомъ кадъ искаже, да є радъ отечество свое ослободити, и кадъ му узрокъ одкріе; великій овай мужъ, лако, одъ богатогъ краля, знатну сумму новаца, за свое намѣреніе, добіе. Ову кадъ у Сиціонъ донесе, сазове 15 најглавниіхъ людій на совѣтъ; съ којма є права, како оны, кои су туђа добра држали, тако и они, кои су своя изгубили, претресао и извидію. Добра су ова проценѣна; и тако учини онъ, да су єдни волели новце примити, а добра су уступили; други су опетъ волели, да имъ се онолико готова новца да, колико добро вреди, него да имъ се нѣово добро врати. И тако є учинѣно, да су се сви, у слоги, безъ тужбе, разишли. О красногъ мужа, камъ срећа, да се у момъ отечеству родію! Тако треба са своима сограђанима радити, а не (као што смо већъ двапутъ видели) копіе на пјаци заденути, и добра грађана на добошгъ продавати. Онай є Гркъ (кое є дужность великогъ, и мудрогъ мужа) судію, да се за све треба старати. У томъ се мудрость найвећа доброгъ грађа-

пина состои, да користи грађана не цепа, него све еднимъ правомъ да содржава. Да живе бадава у туђемъ добру. Зашто? Я купио, я сазидао, я обдржавамъ, я мое новце потрошио; а другій да дође, и, противъ мое волѣ, да ужива? Шта є друго отимати, и другомъ туђе давати? Нове уредбе шта оћеду, него да за мое новце купишь добро: ово ты да имашъ, а я да немамъ новаца.

24.

Зато треба пазити, да се не бы великій дугъ начинію, кои бы држави шкодію; кое се зло многимъ начиномъ може предохранити; а не, ако тога има, да богати свое изгубе, а дужници туђе да добию. Нити се и чимъ држава тврђе држи, као верносћу; а ове нестасе, како се узаймљиво не мора вратити. Никада се ніе већма о томъ радило, да се не мора платити, него подъ моимъ конзулатомъ. Оружіемъ и войскомъ се то одъ своју класса людій, и одъ свакогъ реда кушало: коима самъ тако противостао, да самъ ово тако велико зло изъ државе искоренію. Нитъ є кадъ већи дугова было, нитъ су се кадъ болѣ и лакше плаћали. Ђръ како су дужници видели, да нема ништа одъ лажіє, него да мораю платити, то су и начине плаћаня налазили. Кой є онда быо побѣђенъ, съ временомъ буде побѣдитель; и што є онда мыслио, садъ є свршио; садъ, кадъ га се ништа ніе могло тицати. Толика є жеља грешити, у овомъ човеку, да му є мило грешити, ма и не было узрока. Одъ оваки дакле поклона, гди се едныма дає, а одъ други одузима, треба да се клоне сви, кои съ државомъ управляю; особито нека пазе, да, еднакоћу права, и судова, свакій свое добро држи; да нити сиромаше, ко, збогъ ньіове оскудости може варати; нити да є богатима завистъ на путу, да свое право немогу задржати.

или повратити. Найпосле нека гледа, да свима дозво-
лѣнымъ средствама, границе државе разшире, и
приходе и добра умноже. Ово є дѣло велики лю-
дѣй; ово су и наши стари чинили. Кои ове дужно-
сти свршую, тѣи могу, са великомъ државе ползомъ,
и сами себи, и любовь и честь придобити. — У о-
вымъ правилама о ползама мысли Тирскій Антипа-
теръ, Стоикъ, кои є ономадъ у Атини умро, да є
двоє одъ Панетія изоставлѣно; чуванѣ здравля, и
иманя: кое є, мыслимъ, великій онай философъ за-
то изоставіо, што є обоє лако, премда є и єдно, и
друго нужно. — Здравлѣ ћемо сачувати, ако се
постарамо, да тѣло наше познамо; ако узпазимо,
што му є пробитачно, шта ли шкодљиво; ако у
єду, и пићу, и у целомъ нѣговомъ тимареню уме-
рени будемо; ако се одъ безмерны увеселенія ус-
чувамо; ако найпосле оне у помоћ позовемо, коій
є наука на сачуванѣ здравля опредѣлена. — Сер-
мію пакъ треба тећи свакимъ начиномъ, кои ніє не-
валяо; а чувати трудомъ, и штедљивосћу: тако се
и умножава. О овимъ є стварма лепо написао Ксе-
нофонтъ, ученикъ Сократовъ, у кнѣиги названой
Икономической, кою самъ я у твоимъ, одъ прилике,
годинама съ грчкогъ на латински превео.

25.

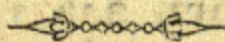
Јошть є остало оно четврто, што є Панетій
изоставіо: сравненіє различиты полза. Ёрѣ садъ се
цена неки тѣлесны добара са виѣшнимъ користима,
садъ опетъ тѣлесно соврщенство са другимъ, а
садъ опетъ виѣшна користь са другомъ сравнює.
— Има тѣлесны добара, коя су већа одъ виѣшны
користій: свакій воле здравъ бити, него богатъ. —
Има виѣшни користій, кое су важніє него нека пре-
имушества тѣлесна; свакій воле богатъ бити, не-
го преко мере якъ. Између совршенства и добара

тѣлесны єдно є болѣ одъ другоꙗ: добро є здравлѣ болѣ одъ чувственоꙗ увеселенія, а снага одъ брзине. Єдне су виѣшне користи важніє одъ други: слава є боля одъ богатства; варошко газдованѣ выше доноси, него польско. Къ овомъ сравненію принадежи и онай одговоръ Катоновъ, кадъ є было питанѣ, кое є газдованѣ найпробитачніє? Добро скотоводство, одговори онъ. А кое иде за овимъ? Среднѣ скотоводство. А пита є треће? Слабо скотоводство. Четврто? Землѣдѣліє. А кудъ принадежи, запыта другій, даванѣ новаца подъ великій интересъ? А кудъ принадежи, рекне Катонъ, човека сатаранити? — Изъ овоꙗ, и изъ многи други видисе, да є сравненіє полза нужно, и да се ово, по правди, може, као четврта часть, у опредѣляваню дужности додати. Но о свему овомъ, како треба новацъ добити, како га уложити, и како га треба употреблявати, болѣ знаду казати зрели неки мужеви, кои на средѣ Яна седе, него ма кои философъ у школи. Треба пакъ опетъ знати, єръ къ ползи принадежи, о коіой є у овой кнѣгѣ говорено. О другомъ ѣу после говорити.

ТРЕЋА КНЬИГА.

У В О Д Ъ.

Треће морално испитиванѣ о случаю противословія између дужности и ползе. Доказателство, да се ово само чини, ерѣ є и само испуњаванѣ дужности найвећа асна за човека. Примѣри изъ Исторіе. Потврђиванѣ изъ грађански закона. Разсуђаванѣ поедини противословны случаєва у политическимъ и грађанскимъ пословима. У колико є слободно, истину у трговини прећутати. Пренапанѣ общегъ основоположенія на сваку одъ оне четири добродѣтели. Регулова Исторія.

1.

За Публия Сципіона, кои є првый Африканѣ названѣ, пише Катонѣ, нѣговѣ парнякѣ, да никада нїе было манѣ безпосленѣ, него, кадѣ є было безпосленѣ; нити є манѣ самѣ было, него, кадѣ є самѣ было. Красне речи, и великогѣ, и мудрогѣ мужа достойне; кое показую, да є онѣ и у безпослености о пословима мыслію, и у самоѣи са собомѣ говорію, тако да никада нїе одѣ тогѣ престаяо, ако се неко

време и ніе съ людма мешао. Две су дакле ствари, кое друге люде успавлюю, непосленость и самоћа, нѣга поощравале. Кам' срећа, да о мени могу то исто казати. Но опетъ ако толику ума красоту подражаніемъ не могу постићи; то имамъ баремъ волю подражавати. Ёрь будући да ме є сила, и оружіе непріятельско одъ свою државны и судейски послова отерало, зато самъ садъ непосленъ; и будући да самъ, збогъ тогъ истогъ узрока, варошъ оставію, и по полю тумарамъ; то самъ често самъ. Али нити се ова непосленость, нити ова самоћа може са ономъ Сципіоновомъ сравнити. Онъ се своевольно одъ найважніи државны послова одмарао; самоћа є за нѣга была пристаниште, у кое се онъ одъ вике великогъ света навалице кадкадъ укланяо. Я самъ пакъ непосленъ, што немамъ шта радити, а не што оћу, да се одморимъ. Ёрь после утаманѣногъ сената, и утаманѣны судова, шта има, што бы достойно было за мене, да радимъ? Дакле, кои самъ негда съ многимъ людма, и предъ очима свою мой сограђана живію, садъ избегаваюћи погледъ невалялы людій, кой свагда има, кудъ се годъ окренешъ, найвыше, кріємсе, што годъ выше могу, и често самъ самъ. Но будући да учени люди веле, да не само између два зла треба манѣ избрати, него и изъ самогъ зла треба добро, ако какво има, узети: зато самъ и я садъ непосленъ, не онако, као што бы требало, да є онай, кои в негда миръ отечеству свомъ причинію: и гледимъ, да се у овой самоћи, кою ми є нужда, а не моя воля дала, не уленѣимъ. Премда Африканъ и по момъ мнѣнію већу хвалу заслужує. Онъ никаквы писмены памятника свогъ ума, после себе не остави, нити каквогъ дѣла свое непослености, нити каквогъ плода свое самоће. Отудъ се види, да онъ, мыслећи самъ у себи, и разсуждаваюћи о стварма, кое є

памећу својомъ докучивао, нити є безпосленъ, нити самъ икада быо. Я пакъ, кои немамъ толико снаге, да неприятность самоће, ћутаюћимъ мышленѣмъ, могу растерати, морамъ прибећи къ писаню, и съ тымъ се понайвыше бавити. Зато самъ за кратко време, одъ како є држава пропала, выше књига написао, него за много година, докъ є цветала.

2.

Но будући да є цела философія богато и плодносно полъ, нити є и коя нѣна часть неураћена и пуста; опетъ є часть о дужностима, коя намъ правила за постоянь, и честанъ животъ предписує, найпріятнѣя, и найплодоноснѣя. Дакле премда самъ уверенъ, да ты ово одъ нашегъ Кратиппа, првогъ философа, свееднако слушаешъ; опетъ судимъ, да є добро за тебе, да ти са свію страна уши одъ таки речій звоне; и да, ако є могуће, ништа друго не чую. Коє будући да сви треба да раде, кои мысле добродѣтелно живити; то не знамъ, ко бы требао пре да ради, него ты. Светъ се одъ тебе не мало нада, збогъ труда, кои су у отцу познавали, и коме треба да подражавашъ; много, збогъ достоинства, у комъ є быо; а нешто и збогъ имена, когъ славу ты треба да обдржишъ. Велико си притомъ бreme на себе примию, Атину и Кратиппа; којима будући да си као на некій знатанъ вашаръ полезны наука отицао; велика бы твоя срамота была, да се празанъ вратишъ, и како те вароши, тако и учителѣво име да обезчестишъ. Зато упишисе, и потрудисе штогодъ већма можешъ, (ако є ученъ трудъ, а не увеселеніє), да наше намѣреніє постигнемо: не дай, да се о теби рекне, одъ отца му є све чинѣно, него онъ нїє тео ништа радити. Али о овомъ доста. Доста самъ я пута тебе писмено совѣтовао; садъ є време, да се къ осталой части учинѣногъ с'почетка раздѣленія вратимъ.

Панетій, кои є безъ свакогъ ината, найточнїе, о дужностима писао, и по коме самъ я, са некимъ изменама, понайвыше дѣло мое списао, сва є разсужденїя людска о томъ, шта є дужность, у три главна вопроса предложїо. Прво, є ли то, што оѣу да чинимъ, право, или неправо? Друго, є ли полезно, или шкодливо? Треће найпосле, ако бы се оно, што є право, чинило, да се са полезнымъ не слаже, кое треба да изберемъ? На прва два вопроса одговорїо є Панетій у трима кнѣигама. О трећемъ є рекао, да ће после говорити; и нїе свршїо, што є обећао. Чему се тимъ већма дивимъ, што є по сказиваню Посидонїевомъ, кои є нѣговъ ученикъ быо, Панетій іошть тридесетъ година, после изданїя оны кнѣига, живїо. Кое место, чудимсе, да є и Посидонїй у єдномъ одъ свои сочиненїя само на кратко протолковао, а овамо каже, да є то, єдно одъ найважнїи места у целой философіи. Што неки мысле, да Панетій ову часть моралне науке нїе изоставїо, него навалице прешао, као што тамо и не принадлежи, єръ се права полза не може съ добродѣтелїю не слагати: я нимало не одобравамъ. Єръ о томъ може быти препиранъ, є ли требало ону часть — трећу Панетїєву — примити у моралну науку, ил' є требало изоставити? али ово є истина, да є Панетій наумїо быо, о нѣой говорити, па изоставїо. Єръ ко свою стваръ на три части раздели, а две сврши; тай є дужанъ и трећу свршити. Притомъ, на краю треће свое кнѣиге, явно се обећава, да ће и о овомъ пункту у напредакъ говорити. Притомъ сведочи сигуранъ сведокъ, Посидонїй, кои у некомъ писму своемъ пише: „Рутїлїй Руфъ, кои є Панетїя слушао, често є имао обичай говорити, да, како годъ што се никакавъ живописацъ нїе нашао, кои бы ону венерину часть, кою є Апеллесъ почео, па оставїо, довршїо, (єръ є глава

такo лeпo бyлa изрaђeнa, дa сe никo нiє мoгao пo-
yздaти, дa ћe oстaлo тђлo oнaкo лeпo мoћи изрa-
дити) тaкo и oнo, штo є Пaнeтiй изoстaвiо, и нiє
дoвршiо, збoгъ крaсoтe oнoгъ, штo є свршiо, ниткo
сe нiє смeo yсyдити дoвршивaти.

3.

Дaклe, штa є Пaнeтiй мyслiо, o тoмъ нeмa сy-
мнiђ: є ли пaкъ пpaвo имao, штo є oвy трeћy чaстђ
нaуки o дyжнoстимa дoдao, или нe? o тoмъ сe мoжe
сyмняти. Ёрђ бyлa дoбрoдѣтeљъ єднo єдитo пpaвo
дoбрo, кao штo Стoици вeдe, или бyлa oнa, кao
штo сe нaшимъ Пeрипaтeтицимa чини, пpaмa дpyги
дoбapa тaкo вeликa, дa oвa свa, нa дpyгy стpaнy
мeтyтa, врлo мaлo вaжe: oпeтъ є извѣстнo, дa дo-
брoдѣтeљъ съ нaшoмъ пpaвoмъ aснoмъ никaдa нe-
мoжe бyти y нeслoги. Зa Сoкpaтa кaжy, дa є o-
нoгъ чeстo пpoклинjaо, кoи є oвe, oдъ сaмe нaрaви
скoпчaнe ствaри y свoјoй пaмeти цeпao. Oвo сy
Стoици тaкo oдoбрили, дa сy зa oснoвoпoлoжeнiє
пpимили, дa є свe, штo є дoбрo, и пoлeзнo, a ни-
штa нiє пoлeзнo, штo нiє дoбрo. Кaдъ бy Пaнeтiй
єдaнъ oдъ oнy бyо, кoи сy мyслили, дa ништa
дpyгo нe трeбa жeлити, нeгo чyствeнo yвeсeлeнiє,
и yдaлѣнiє oдъ свaкoгъ бoлa; и кaдъ бy oнъ мy-
слiо, дa дoбрoдѣтeљъ сaмo зaтo зaслyжyє, дa є чo-
вeкъ тpaжи и чини, штo мy пoлзy пpичинjaвa: oндa
бy имao пpaвo рeћи, дa дoбрoдѣтeљъ мoжe кaдгoдъ
сa пoлзoмъ бyти y нeслoги. Нo бyдyћи дa oнъ пo
свoјoй систeми мoрa пoтврђивaти, дa є мoрaлнo дo-
брo, єднo єдитo дoбрo, a дa свe дpyгe ствaри, кoє
сe чинe, дa сy пoлeзнe, a oнoмъ сy пpoтивнe, нити
oнoгъ чинe сpeћнiимъ, кoи iй имa, нити oнoгъ нe-
сpeћнiимъ кoи тaкoвы нeмa: тo сe види, дa нiє мo-
рao тaкo рaзмyшлaвaнђ yвoдити, y кoмъ бy сe oнo,
штo сe чини, дa є пoлeзнo, съ oнымъ, штo є мo-

рално добро, сравнѣвало. Што є сирѣчь Стоици-
ма найвеће добро „по нарави живити,“ то, мыслимъ,
да значи: за внутренѣмъ совершенствомъ у свачемъ
тежити; а виѣшне, нашої нарави повольне, ствари
оне бирати, кое съ онымъ совершенствомъ нису у
неслоги. Кое ако є тако, веле неки, то оно сравне-
нїе нїє право учинѣно, нити є икаквогъ правила
требало о томъ давати. Али право морално добро
само се кодъ мудраца налази. нити се икако може
одъ добродѣтели одделити; а у оныма, кои совер-
шене мудрости немаю, сама чиста добродѣтель ни-
коимъ начиномъ не може быти, него само неко по-
добїе. Све ове дужности, о коима смо досадъ го-
ворили, називаю Стоици среднѣ. Ове дужности,
кое се на врло многе случаєве простиру, и кое су
многимъ лицама общте, могу се при добрымъ при-
роднымъ дарованїяма и онда већ чинити, ако смо
колико толико у науки мудрости успѣли. Дужность
пакъ она, кою они исти правымъ (*το ορθον*) називаю,
єсть нешто сасвимъ совершенно, кое никаквы
степена нема, и кое нико другїй неможе имати, не-
го мудраць. Што се пакъ дѣла, коя су само по
среднѣмъ дужностима чинѣна, у свету за сасвимъ
совершена држе, то быва отудъ, што већа часть
людей о правомъ совершенствѣ икаквогъ понятїя
нема, и тако не види, колико дѣла она одъ овогъ
совершенства одстоє; него, колико разуме, мысли,
да ништа нїє изоставлѣно. Таково што быва о-
бично при стиховима, при изображенїяма, и при
многимъ другимъ стварма; да се сирѣчь оныма, кои
стварь не разумеу, и оно, што нїє найболѣ, допа-
да, и да оно, што нїє за похвальванѣ, похваляю:
овоме є, мыслимъ, то узрокъ, што у такимъ ствар-
ма мора заиста нешто добро быти, кое, будући да
неискусни то само виде, а погрешке невиде, мора
имъ се допасти: зато и одступе таки одъ свогъ
мнѣнїя, како їй вѣшти о оныма извѣсте.

4.

Дужности дакле, о којима у овимъ књигама говоримъ, есу друге неке добродѣтели, које су не само мудрацима свойствене, него и общте, свию людій, могу бити. Природно є, да се овакима, при свомъ нѣовомъ недостатку, ако и есу средњи само люди, но пуполякъ добродѣтели у себи имаю, други диве. Кадъ се оба Декія, или Сципіони, као храбри мужеви споминю, или кадъ се Фабрицій или Аристидъ праведнымъ називаю; нити се они за примѣръ храбрости, нити ови за примѣръ правде, у стоическомъ смыслу, узимаю. Ђръ ни єданъ одъ нѣи нїє было то, што мы подъ именомъ мудраца називамо. Ни самъ Катонъ, ни Лелій нису то были, ако и есу славу и име мудраца имали: шта выше, ни они седамъ нису то были. Него су сви ови збогъ множества среднѣ добры дѣла подобїє неко мудраца на себи носили. Дакле, премда се права добродѣтель, одъ оне, кою у обштемъ животу тако називамо, и за коїомъ они теже, кои су ради, да їй светъ за поштене люде држи, врло разликує; опетъ зато не треба ни єдну, ни другу са внѣшнымъ ползама сравњивати. Мы, средњи люди, треба несовршену ову добродѣтель, о коїой самой ясно понятїє, и примѣре имамо, онако исто прилѣжно да чувамо, и хранимо, као што мудраци ону високу, и совршену добродѣтель хране. Ђръ другчіє се постигнути и сачувати неможе, ако є некїй напредакъ у нѣой већъ учинѣнъ. Овако мысле, и раде сви они, кои су извршиванѣмъ свои дужностїй име добры людїй добыли. Кои пакъ свако добро съ ползомъ мере, нити даду, да добродѣтель ползу претегне; ови обичествую, у размышляваню, добродѣтель сравњивати съ онымъ, што мысле, да є полезно: поштени люди не обичествую. Мыслимъ дакле, да є Панетїй, кадъ є рекао, люди обичествую

часто, при сравнѣванію ползе са дужносћу, двоумити, тако управъ и мыслію, као што се изразіо; обичествую само двоумити, а не, требало бы, да двоуме. Ёрь заиста, не само ползу свою дужности своіой предпоставити, него и едно съ другимъ сравнѣвати, и у найманьой сумньи быти, врло є ружно. Шта є дакле, што бы намъ какву сумню дати могло, и што треба да испытуюемо? Я мыслимъ ово: є ли оно, што се са ползомъ не слаже, заиста дужность, или ніє? Често сирѣчь обстоятелства тако измену стварь, да оно, што є у многимъ случаєвима ружно, у гдикомъ случаю ніє тако. Довесћу какавъ примѣръ, по комъ се выше нѣи подобны лако може наћи. Може ли веће беззаконіє быти, него убити, не само човека, него іоштъ оногъ, съ коимъ смо се пазили? Ё ли пакъ онай зато злодѣй, што є тирана убіо, ако се съ нѣимъ и пазіо? Римскомъ се народу не чини, него іоштъ тако дѣло за najveћу заслугу држи. Ё ли дакле овде старія полза одъ дужности? Не; него є на оной страни поштењъ, на коіой є обшта полза.

Дакле, да бы безъ сваке погрешке разсудити могли, ако кадгодъ съ онымъ, што добродѣтель називамо, не буде се оно слагало, што намъ се чини, да є полезно; обште правило треба да установимо, по комъ ћемо едно съ другимъ сравнѣвати моћи. Ово ће правило стоической науки найсходніє быти: по коіой зато у овимъ кнѣигама идемъ, што они, премда и стари Академици, и ваши Перипатетици, негдашнѣи Академици, добродѣтель ползи предпоставляю; опетъ лучше о томъ говоре, будући да само у добродѣтели ползу траже, него они, кои држе, да може што добро быти, ако є и неполезно, или полезно што, што ніє добро. Мени пакъ моя академія велику дає слободу, да свашта, што ми се найвѣроятнѣе чини, могу собственымъ

правомъ бранити. Но я се опетъ враћамъ на мое правило.

5.

Одузети коме штогодъ, и са штетомъ туђомъ свою аснѹ умножавати, выше є противъ нарави, него смръть, него сиромаштво, него боля, и друго, што се или тѣлу, или нашемъ внѣшнѣмъ станѹ догодити може. Ёрь прво, тамани сожитіє човеческо и друштво. Ако сви те памети будемо, да свакій за свою аснѹ другога плѣни, и вређа, то се друштво човеческо, кое є сама наравъ учинила, мора раздирати. Да рекнемо, свакій удъ нашегъ тѣла има свое чувство, по комъ мысли, да ће найздрави и најячій бити, ако најближегъ уда здравлѣ себи привуче: заръ ту не бы цело тѣло ослабило, и пропало? Тако исто, кадъ бы свакій одъ насъ туђе добро себи привлачіо, и отимао, што годъ може одъ другога за свою аснѹ; морало бы друштво човеческо и союзъ пропасти. Да свакій воле себи, што є за животъ нужно прибавити, него другомъ, то є и по самой нарави дозвољно. То само наравъ не трпи, да грабежомъ наше иманѣ, наше богатство, и нашу силу умножавамо. И не само наравъ, коя є общій уставъ свію народа, него и особити закони свакогъ народа, и сваке државе заповедаю, да нико несме збогъ свое асне другомъ шкодити. Ёрь на то теже закони, и то оћеду, да се союзъ граждана невредимъ сохрани: овай кои раскидаю, те смрћу, изгнаніємъ изъ отечества, тавницомъ, и новцемъ казне. А расположеніє наше нарави, кое то іошть много выше изискує, єсть вишій и божественый законъ: овоме кои се усхте повиновати (сви ћеду се пакъ повиновати, кои по нарави усхтеду живити), никада неће дотле доћи, да туђе пожелѣи, и да оно, што є одъ другога оду-

зо, себи присвои. Єрѣ много є сходніє нарави
благодущіє и великодущіє, притомъ пріятность,
правда, штедрота, него увеселеніє, него животъ, и
него богатство. Шта выше великодущіє показуємо,
кадѣ ова внѣшна добра презиремо, и сравнѣваюћи
са обштомъ ползомъ, ни за што не држимо: а одѣ
другогъ што збогъ своє ползе отети, выше є про-
тивъ нарави, него смрть, него боля, или друго по-
добно зло. Сходніє є нарави са Херкуломъ, найве-
ће тегобе на себе примити, и найвећу болю трпи-
ти, — ако тимъ све народе обдржати, и подпомоћи
можемо, него у самоћи живити, не само безъ сва-
когъ труда, него іошть у найвећемъ увеселенію, и
изобилію; ма се притомъ и лепотомъ и ячиномъ
одѣ други одликовали. Што кои већій духъ, и бла-
городніє срце има, то ће выше онай животъ овомъ
предпоставляти. Дакле човекъ, кои се нарави по-
винувє, никада не може другомъ човеку шкодити.
Притомъ, кои другомъ шкоди, да самъ какву асну
добіє, тай или мысли, да ништа противъ нарави не
чини, или држи, да є гора смрть, сиромаштво, боля
изгублѣнѣ своє деце, сродника и пріятеля, него чи-
нити коме неправду. Ако мысли, да нимало противъ
нарави не чини, што другомъ шкоди; то се съ нѣмъ
ніє вредно препирати, будући да човеку човечество
сасвимъ одузима. Ако ли мысли, да се треба не-
правде кленити, но да є далеко гора смрть, сиро-
маштво и боля: тай погрешава у томъ, што по-
 ремећенѣ тѣла, или оскудость у внѣшнимъ добра-
ма за веће зло држи, него узнемиреніє душе.

6.

Сви треба да се ове истине држе: што є годъ
целомъ друштву полезно, то є и свакомъ по особѣ
члену полезно. Ово кои бы себи привлачію, тай
бы сву свезу између людій раздрешію. Ако наравъ

прописує, да човекъ човеку, быо онъ ко му драго, зато управъ, што є човекъ, треба у нужди да помогне: то та иста наравъ мора изискивати, да благостояніє людій вообште, као неку, за нашу собствену срећу, нуждну стваръ сматрамо. Ако є тако, то већъ подъ некимъ обштимъ природнымъ законами стоимо; ако є пакъ тако, то намъ тїи исти закони заповедаю, да єданъ другомъ не шкودимо. Прво є истина; дакле и последнѣ. Ёрь оно є лудо, што неки веле, мы одъ отца, и одъ брата нећемо ништа за свою аснѹ одузимати, него одъ други грађана. Ако їй се други грађани ништа не тичу, ако ови немаю никаквы права одъ нѣи изискивати, нити они имаю какве дужности къ прочимъ грађанима; то нити выше има друштва, нити државе. Кои пакъ веле, да на сограђане треба имати прирѣніє, но не, на странне: то много старіє и природніє друштво цепаю: а кадъ се ово тамани, таманесе и добродѣтели — благодѣтелство, штедрота, доброта и правда: кое кои тамане, противъ самогъ божества греше: єрь одъ нѣга установлѣно друштво искореняваю. Овогъ є друштва найтешня свеза та, да мыслимо, да є выше противъ нарави, кадъ човекъ одъ човека штогодъ, збогъ свое асне, отима, него да ма каква зла, виѣшна, или тѣлесна, или душевна, коя съ неправдомъ нису скопчана, трпи. Ёрь правда є владѣтелница и кралѣица свою прочи добродѣтельй. Овде ће, може бити, когодъ рећи: а сме ли мударъ човекъ, да не бы одъ глади умро, одъ оногъ човека, лебацъ отети, кои ни зашто нїє? Никоимъ начиномъ. Ёрь животъ мой нїє ми нимало полезни, одъ оногъ расположенія духа, по комъ ни одъ когъ ништа нећу да збогъ мое асне отимама. А кадъ бы онай другїй быо Фаларисъ, свирѣпъ, и нечовечанъ тиранъ? заръ одъ нѣга поштенъ човекъ да несме аљину отети, да одъ зиме

нескапа? На ово е лако одговорити. Било онай другій іоштъ толико неполезанъ човекъ, ако я што збогъ мое асне одъ нѣга отимамаъ: то и нечовечно, и противъ закона природногъ чинимъ. Ако ли самъ пакъ я, онай, кои многу ползу, и држави, и друштву човеческомъ, животомъ моимъ, могу принети: то, ако бы што одъ другогъ збогъ тога и отео, не треба ме карати. Ако ли ніе овай случай, то е правіе, да свакій свое зло сноси, него да одъ другогъ добро какво отима. Ніе дакле веѣма противъ нарави болестъ, или сиромаштво, или подобно што, него отиманъ, или желя за туѣимъ добромъ. Али, противъ нарави е и то, оставити место, на комъ общеполезни бити можемо. Дакле овай истый законъ природный, кои общте благо за найвыше намѣреніе свію наши дѣла ставля, заповеда мудрому, добромъ и храбромъ мужу, да средства свога уживляня одъ ленюгъ и неполезногъ човека у нужди узме. Само треба да се чува, да не бы, много о себи мислеѣи, и себе врло любеѣи, овай узрокъ употребіо на неправду. Притомъ може бити уверенъ, да свагда по дужности чини, ако штогодъ збогъ общтегъ блага и изъ призренія на друштво човеческо ради. Великодушіе показуемо, кадъ ова вѣшняя добра презиремо, и сравняваюѣи са общтимъ добромъ ни зашто недржимо. А другоме што збогъ свое асне одузети, выше е противъ нарави, него смръть, него боля, и друго подобно. Сходніе е нарави, са Херкулесомъ найвеѣе тегобе на себе примити, и найвеѣу болю трпити, ако тимъ све народе заклонити и подпомоѣи можемо, него живити у самоѣи, безъ труда и тегоба, у найвеѣшимъ увеселеніама и изобилію свію добара, ако бы притомъ и особито лепи и одвеѣъ яки были. Што кои веѣій духъ и благородніе срдце има, тимъ ѣе выше онай животъ овомъ предпоставити. Отудъ

слѣдує, да човекъ, кои се нарави повинує, не може човеку шкодити. Друго, кои другомъ шкоди, да самъ какву аснѹ добіє, или мысли, да ништа противъ нарави неради, или налази истина у томъ нешто неприятно, али онъ смръть, сиромаштво, болю лишеніє свои сродника држи за веће зло, неголи што є зло, другоме шкодити. Ако мысли, да ништа противъ нарави не чини, што друге люде вређа, то незаслужує препиранія, будући да онъ човеку човечество сасвимъ одузима. Ако ли мысли друго, да неправда заслужує гнушанъ, но не онолико, као смръть, боля или сиромаштво, то погрешава, што буди какву погрешку тела или среће за веће зло држи, одъ погрешака душевны.

7.

Свию нека єдно буде намереніє, да є оно, што є целомъ друштву полезно, и свакомъ члену єдинственомъ полезно; кое кадъ бы свакій себи вукао, сва бы се свеза човеческа раздрешила. Ако то и наравъ прописує, да човекъ човеку, быо онъ ко му драго, зато управъ помаже, што є онъ човекъ: то и то мора наравъ изискивати, да благостояніє люди вообщте као нешто къ нашой собственной срећи нужно сматрамо. Ако є тако, то насъ све єданъ и онай истый законъ наравный веже; ако є овако, то намъ по нарави єданъ другогъ ніє слободно вређати. Прво є истина, дакле и последнѣ. Брѣ оно є лудо, што неки говоре, да отцу и брату ништа нећеду одузети за свою аснѹ; а да то исто другима гражданима нису дужни. Кадъ іѣ се други граждани ништа не тичу, ако ови никаквы правица одъ нѣи немаю тражити, ако они къ другима никаквы дужностіѣ немаю свршивати, то нема никаквы друштва, нити какве државе; или ради бы може быти своимъ согражданима неке правице къ себи

допустити, а страномъ никакве, то много старіє и наравніє друштво, обште рода човеческогъ тамане; тамане заєдно добродѣтели, обште благоволеніє, милость, доброту, правду: коє кои тамане, противъ самы безсмртны божества греше: єрь заведено одъ овы друштво искореняваю; кои в друштва найтешня свеза, држати, да є выше противъ нарави, кадъ човекъ човеку што збогъ своє асне одузме, него да све тегобе подносимо или внѣшне, или тѣлесне, или душевне, коє нису съ неправдомъ и порокомъ свезане. Правда є владѣтельница свію други добродѣтельй. Дакле, казаѣ тко, мударъ човекъ, кадъ оѣ одъ глади да умре, заръ не сме одъ другогъ узети, одъ човека, кои ни за што ніє? Не сме. Єрь ніє ми животъ мой полезній одъ оны расположенія духа, да никогъ збогъ наше асне неувредимо. А како, кадъ бы онай другій Фаларисъ свирѣпъ и нечовечанъ тиранъ быо? заръ овомъ добаръ човекъ да не сме альину отети, да одъ зиме не скапа? На ово є лако одговорити. Быо онай другій іошть толико неполезанъ човекъ, ако я збогъ мое асне одъ нѣга што узиамъ, то чинимъ противъ правица човечества, а противъ закона наравногъ. Ако є пакъ узрокъ она полза, кою я моимъ животомъ друштву и држави могу учинити; ако самъ я онай, одъ чієгъ содржанія обште благо зависи, то ме не треба карати, ако бы збогъ тога другомъ што и одузео. Аколи ніє овай случай, то є правіє, да свакій свою тегобу сноси, него да другомъ што одузима, чимъ бы ону одлакшао. Ніє дакле выше противъ нарави болєсть, или сиромаштво, или подобно што, него отиманъ, или желя туѣгъ добра. Него є противъ нарави оставити место, на комъ обште благостояніє подпомоѣи можемо. Овай истый законъ наравный, по комъ є обште благо найвише намереніє свію наци дела, заповеда мудрому, правичному, и

храбромъ мужу, да средства содржанія свогъ у
 нужди одъ леньогъ и неполезногъ човека узме. Са-
 мо треба да се чува, да не бы много мыслии о се-
 би, и себе врло любеѣи овай узрокъ употребіо на
 неправду. Притомъ може быти уверенъ, да свагда
 по дужности чини, ако штогодъ збогъ общегъ бла-
 га и изъ призренія на друштво човеческо ради.
 Што се особитогъ случая тиче, ако е онай другій
 фаларисъ или свирѣлъ тиранъ быо, то се разуме-
 ва, да, будуѣи да съ тираномъ никаквогъ друштва
 немамо, него смо одъ нѣга сасвимъ оделѣни, и бу-
 дуѣи да е іоштъ похвално, таковогогъ убити, неможе
 противъ нарави быти, нѣга оплѣнити: и ово без-
 божный и отровный родъ заслужуе, да се изъ дру-
 штва други людій сасвимъ искорени. Части нашегъ
 тела, у коима е кровь теѣи престала, коє су изумрле
 и другима на шкоду, даємо одсеѣи; тако и она чу-
 довишта у човеческомъ лику, треба одъ моралногъ
 тела друштва оделити.

8.

Ово е примеръ онаки испытанія, гди изъ об-
 стоятельства треба да се определи, шта е дужность.
 Оваке бы, мыслимъ, примере Панетій у овой тре-
 тьей части довео быо, да му случаєви и други по-
 слови нису намереніе изменули; премда е и за ова-
 ке сумнителне случаєве много у преѣашнимъ књи-
 гама говорено, изъ чега се може видети, шта тре-
 ба збогъ невалялства избегавати, и шта е оно, коє
 зато не треба избегавати, што нїє сасвимъ неваля-
 ло. Но будуѣи да дело започето и скоро свршено
 довршуетъ; како землѣмери не доказую све єднако
 своя предложенія, него ишту да имъ се гдишто
 као доказано допусти, да тако лакше, што бы
 тели, истолкую: тако я одъ тебе иштемъ, Цицеро-
 не, да ми допустишь, ако можешъ, ово, да ништа

осимъ што е поштено, не треба себе ради да желимо; или ако то Кратипъ не допушта, то нешъ баремъ допустити, да између своју добара највећма оно, што е поштено, треба желити. Мени е обое доволно: и часъ ми се едно чини истинито, часъ друго, али осимъ тога ништа друго. Прво дакле треба оно кривенъ съ Панетія скинути, аки бы онъ говоріо, да кадкадъ добродѣтель може съ нашомъ асномъ у неслоги бити, (еръ ніе ни смео), а онъ само оће да каже, да се добродѣтель кадкадъ съ онымъ, што се само чини да е полезно, не слаже. Онъ често посведочава, да ништа не може бити човеку полезно, што ніе добродѣтелно, а ништа добро, што му ніе полезно. Каже притомъ, да већегъ отрова за животъ човеческій ніе было одъ мнѣнія оны людій, кои внутреню доброту и ползу дела, едну одъ друге деле. Дакле ово противословіе, кое се чини да е, а не, кое заиста и естъ, ніе довео зато, да бы мы кадгодъ асну добродѣтели предпоставили, него да бы о тима безъ погрешке разсудили, ако бы се кадъ догодила. Ову ћу дакле изостављну часть безъ свачіе помоћи по мојој глави допунити. Еръ, што е годъ после Панетія о овой ствари писано, или поне што е у мое руке дошло, ништа ми се не допада.

9.

Како се што учини, да е полезно, то човекъ одма мора да зажели. Али кадъ по точніемъ испитиваню видимо, да е съ онымъ, што се чини полезно, неваљалство скопчано; то не треба само асну оставити, него разумети, да гди е неваљалство, ту асне бити не може. Ако ништа тако ніе противъ нарави, као неваљалство (еръ наравъ на право, сходно и постоянно има волю, а на противно мрзи), нити е штогодъ по нарави као полза: то заиста у

оной истой ствари не може и полза и невалялство
 быти. Притомъ ако смо на то рођени, да добродѣ-
 телни будемо; и добродѣтель є, као што Зено мы-
 сли, само една наше желѣ достойна стварь, или
 заиста све друге ствари претеже, као што Аристо-
 тель вели, то слѣдує, да, будући да є добродѣтель
 едно и найвеће добро, а добро мора быти полезно,
 и све што є право и поштено, полезно быти мора.
 Погрешка є већъ поквареногъ срца, за каквомъ
 мнимомъ ползомъ, тако заслепити, да ту безъ сва-
 когъ призренія на поштенъ, надамосе добити. Отудъ
 се тайне убійце, отрови и лажни тестаменти рађаю;
 отудъ бываю крађе, аранъ публичне кассе, плѣне-
 ня, мученія сограждана; отудъ є превелика сила
 богатштине, коя се спосити не може; отудъ се же-
 ля владаня у слободнымъ државама рађа, одъ кое
 се ништа горе и гадніє неможе измыслити. На асну
 стварій гледи оваки люди по лажливомъ свомъ
 разсудку, а не виде казни, коя є на нѣма: не ве-
 лимъ казни закона, кое често преступаю, него не-
 валялства, коя є найтежа. Ово дакле советованъ
 некъ є далеко одъ насъ, кое є по себи неслободно
 и безбожно, треба ли да то, што смо за поштено
 нашли, радимо, или да се са знанъмъ рђавымъ де-
 ломъ калямо. О томъ и двоумити єсть беззаконіє,
 ако се и недође до нѣга. Онде се дакле советова-
 нъ никада не може изискивати, гди друге сумнѣ не-
 ма, осимъ, коя заслужує казнѣ. Притомъ одъ сва-
 когъ советованя и надежду и мысао треба уклони-
 ти, да се штогодъ може претаяти, и одрицати. Ёрь,
 ако нисмо бадава философію слушали, уверени тре-
 ба да смо, да мы, ако бы наше владанъ предъ Бо-
 гомъ и предъ людма и было сакривено, опетъ зато
 ништа сребролюбиво, ништа похотливо, ништа не-
 умерено не треба да радимо.

10.

Платонъ да бы ово примеромъ болъ изяснію, наводи басну Гигесову. Овай, кадъ се земля одъ силне нише распукла, сиђе у ону пукотину, нађе у нъой шуплѣгъ тучногъ коня, са вратма са стране, ова отвори и нађе мртво тело чрезвычайне величине, на кога прсту златанъ е прстенъ стаяо. Овай свуче, метне на свой прстъ и оде у соборъ кралѣвы пастира; ерѣ е и онъ кралѣвъ пастирѣ быо. Овде е примѣтію, да, кадъ е каменъ одъ прстена къ длану окренуо, нѣга нико ніе видію, а онъ е све видію; а опетъ се видію, кадъ е прстенъ као што треба окренуо. Овомъ силомъ прстена, кою е онъ вешто употреблявао, превари онъ кралѣицу, нѣномъ помоћу краля убіе, и све кое е држао да су му на путу, съ овогъ света смакне: нити га е ткогодъ у овимъ злочинствама могао видѣти: тако е у едан-путъ благодѣяніемъ прстена, краль одъ Лидіе постао. Овай прстенъ кадъ бы мудрацъ имао, бы ли зато себи пре допустію, да греши, него кадъ га не бы имао? Не бы заиста. Ерѣ што е поштено траже добри люди, а не што е сакривено. Овде неки, не рѣави, али не врло оштроумни философи примѣчаваю то, да оно ніе истина, него е само басна одъ Платона измышлѣна: као да бы онъ потврђивао, да е оно истина, или да се могло догодити. Овай прстенъ ништа друго него само то чувствено представля, што овай вопросъ вообште изражава: Кадъ бы могуће было, да нико не дозна, и нико нема сумнѣ, какво самъ я зло учинію, да къ богатству, сили, владѣнію и похоти дођемъ, бы ли я то чинію? Они одговараю, да то не може бити. Али я пытамъ, то, што они одричу, кадъ бы могло бити, шта бы они чинили? Инатесе као простаці. Кажу, да не може бити, па одатле не мичусе: не знаю, шта та речъ значи. Ерѣ кадъ пытамо, ако

бы могли затаити, шта бы радили? не пытамо, бы ли могли затаити: него као нека мученія употребля-
вамо, да, ако бы одговорили, бы учинили, кадъ се
казни не бы бояли, што бы намъ полезно было,
признаду, да су неваляли: ако ли бы одрекли, то
да признаду, да свашта неваляло по себи треба
избегавати. Него да се къ нашой ствари вратимо.

II.

Догађајусе доста пута узроци, кои душу ви-
домъ асне узнемирываю; не, кадъ се мысли, треба
ли добродѣтель збогъ величине асне оставити: (еръ
е то безбожно и мыслити) него, бы ли могли оно,
што се чини полезно, безъ увреде дужности чини-
ти? Кадъ е Брутусъ свога друга Коллатина са свое
столице збаціо, могло се чинити, да е онъ то не-
право урадіо. Онъ е у изгнанію кралѣва другъ быо
Брутусовъ и советникъ. Но будући да су поглава-
ри државѣ наумили, да цело сродство Супербово и
име Тарквинія и тако и самъ споменъ кралѣвства
утамање; то е извршеніе овако полезногъ за држа-
ву совета, и похвално дело было тако, да га е и
самъ Коллатинъ одобрити морао. Дакле е асна ва-
жила збогъ поштѣня; безъ кога ништа не бы мо-
гло бити полезно. Али ніе тако было съ онимъ
царемъ, кой е варошь сазидао. Еръ е нѣга видъ
некій асне побудіо. Будући да е за полезніе држао,
да самъ влада, него съ другимъ, зато е брата убіо.
Заборавіо е онъ и любовь и човечество, да само
оно, што му се полезно чинило, а ніе было, полу-
чити може; зидъ е за узрокъ довео, као вентъ по-
штѣня нити вероятанъ, нити згоданъ. Дакле е по-
грѣшціо; некъ ми или Квиринъ, или Ромулъ опро-
сти, што самъ рекао. Нити треба опетъ, да за на-
ше ползе немаримо, и другима да предамо, а сами
ій требамо: него свакій нека се стара за свою

асну. само безъ туђе штете. Лепо то Хрисипъ, као и много друго, толкуе. Кои за обкладу съ другима трчи, томе е дозвољно и шта выше прописано, да све своє силе напрегне, да бы друге надтрчао: али му нїе слободно, ногу другомъ подметути, или рукомъ другогъ одтурити. Тако исто у животу човеческомъ слободно е тежити за стварма за животъ нуждыма; али нїе право, одъ другогъ отимати. Найчешће се граница дужности и недозвољны стварїй у прїательству прелази; при којима е неправо, оно своимъ прїательима одрећи, што праведно можемо учинити, и оно опетъ одобрити, што бы неправо за другогъ было. Али за све оваке случаеве може едно кратко и лако правило служити. Што намъ се чини полезно, као достоинства, богатства, увеселенїя и друга подобна никадъ нетреба да се прїательству предпоставе. Али противъ државе, противъ заклетве и дане речи неће поштенъ човекъ ни за любовь свогъ прїателя што учинити; ни онда башъ, кадъ бы прїателю своемъ судїю. Ёръ онда прїательство са себе скине, кадъ треба да суди. У толико ће прїательство показати, што ће желити, да нѣговъ прїатель право узима, и што ће му времена за доведенїе доказательства толико допустити, колико закони дозвољаваю. Кадъ пакъ после учинѣне заклетве, судъ треба да изговори, некъ помисли, да се Богомъ т. е. (као што мыслимъ) душою своєюмъ заклео, одъ кое боже-ственїе ништа Богъ човеку нїе дао. Крисанъ су обичай наши стари имали, кадъ су судїю молили, да колико му совестъ допушта буде наклонѣнъ. О кадъ бы и мы тай обичай држали! Овима се речма само толико моли, колико по нашемъ примѣчанїю судїя може своемъ прїателю допустити. Ёръ кадъ бы требало да прїатель све оно чини, што нѣговъ прїатель изискуе: то бы ово не прїательства, него

созаклетія была. Говоримъ о обичнымъ пріятельствама; єрь таково штогодъ у мудрымъ и свршенымъ мужевима быти не може. За Дамона и Финтію кажу, да су се тако пазили, да, кадъ є єдномъ одъ нѣи Діонисій тиранъ данъ смрти определію, и тай на смръть осуђеный молю, да му се неколико дана допусти, да своіой кући оде и свою фамилію пріятельима препоручи, другій ємаць за нѣговъ повратакъ буде, съ тимъ условіємъ, да, ако се онай не бы вратію, онъ главу изгуби. Кадъ се осуђеный у уреченый данъ вратію, дивію се тиранъ овой чрезвычайной верности, и молю, да и нѣга за трећегъ пріятеля приме.

12.

Кадъ се дакле оно, што се у пріятельству чини полезно, съ онимъ, што є поштено, сравни: полза некъ иде на страну, а поштенѣ некъ овлада. Ако ли бы се у пріятельству изискивало оно, што нѣе поштено: правда и верность некъ се предпоставе пріятельству. Тако ћемо изнаћи онай, кои тражимо, изборъ дужности. Доста пута и државезбогъ вида ползе поррешє; као што су у разорєнію Коринта наши чинили, а іошть горе Атиняни, што су Егинетима палцеве изодсецали, кои су мореплаваніємъ ячи были. Ово се чинило полезно; єрь є Егина была тако близу пристаништа пирейскогъ, да є флота оногъ острова Атиняне могла у свако доба узнемиривати. Али ништа нѣе полезно, што є свирѣпо; єрь є нарави людской, коіой слѣдовати морамо, свирѣпость врло противна. Зло раде и они, кои странне изъ државе исключавая, и истеривая, као што є за времена наши стары чинію Пенусъ, а Папіусъ ономадъ. Єрь право є, да онай, кои нѣе гражданинъ, несме себи правице гражданина присвоявати: кои су законъ установили

два одъ наймудріи конзула, Крассъ и Сцевола. Али страннымъ недати, ни на землю вароши ступити, нити воздуха нѣга у себе узети, естъ заиста безчовечно. Изредне су оне черте у Историі, ако е видъ ползе збогъ поштена презренъ. Наша држава има сила таки примера, особито за времена другогъ рата пуническогъ. Кадъ е ова кодъ Канне пропа-ла, веће е духове имала, неголи у срећномъ станю: не біяше никаквогъ указа стра, нити каквогъ спомееа о миру. Толика е сила поштена, да и найвеће ползе видъ потавни. Кадъ Атиняни немогавши силу Персійску никоимъ начиномъ одржати, наумише, да варошъ свою оставе, жене и децу у Трезени наместе, у лађе ступе, и тако да на мору слободу Грчке землѣ одбране: Цирсила некогъ, кои е советовао, да остану у вароши, и Ксеркса дочекаю, каменѣмъ побише. А онъ се видіо, да то советуе, што е полезно: али ово ніе было, ерѣ е поштению противно было. Темистоклъ после побѣде оногъ рата, кои е са Персіянима имао, рекне у сабору: имамъ некій за државу врло полезанъ планъ; него ніе нужно, да се зна: искао е после, да му кога народъ даде, коме бы сообштіо. Аристидъ буде данъ. Рекне му дакле Темистоклъ: Флота Лакедемоняна стои кодъ Гитеума и лако се може запалити; тимъ ће се начиномъ сила Лакедемонска морати сломити. Ко е кадъ Аристидъ саслуша, врати се у соборъ, гди е одъ свію едва дочеканъ; и каже: да е планъ Темистокловъ преполезанъ, али ни-наиманѣ ніе поштенъ. Зато Атиняни оно, што ніе поштено, нису ни за полезно држали: и целу су стваръ, кою іошть ни чули нису, по совету Аристидовомъ, одбацили. Болѣ су ови чинили одъ насъ, кои одъ морски разбойника никаквогъ данка нетражимо, а одъ союзника иштемо.

13.

Дакле то некъ стои, да, што е ружно, никада ніе полезно, ни онда, кадъ оно, што за полезно држимо, добіємо. Ёрь и мыслити, да е оно полезно, што е ружно, естъ зло. Али догодесе случаєви, као што самъ горе казао, гди се чини да се полза съ поштенѣмъ не слаже. Овде се дакле мора испитати, може ли се єдно съ другимъ союзити, или е заишта єдно другомъ противно. Ово су примери овогъ рода: Човекъ и. п. кой поштено мысли, а тако е радъ и да чини, донесе изъ Александріє у Родусъ, у време, кадъ е овде найвећа скудость, гладъ и скупоба была, много ране. Зна притомъ, да су се многи други житари изъ Александріє кренули, и видіо е даће у путу, пуне ране, кое у Родусъ иду. Треба ли, да онъ ову вѣсть Родіянима яви, или да ћутећи свою рану, што годъ скуплѣ може, распро- да? Овде представлямо себи човека мудрогъ и доброгъ; човека, кои заишта неће ништа одъ Родіяна затаити, што зна, да е неправо: него кои двоуми, е ли неправо. Такогъ смо мужа мысао и разсудакъ ради знати. На овакій вопросъ другчіє вавилонскій Діогенъ, онай великій и важный стоикъ, а другчіє Антипатерь, нѣговъ ѣакъ, мужъ врло оштроуманъ, одговара. Антипатерь мысли, да све треба одкрити, да не бы штогодъ купцу было непознато, за кое продаваць зна. А Діогенъ каже, продаваць е у толико дужанъ погрешке свотъ еспапа одкрити, у колико му право гражданско заповеда; а далѣ да безъ сѣти чини, и будући да продає, то да гледи што скуплѣ да прода. Довезао самъ, може онай трговаць рећи, изнео самъ на продаю, продаємъ мое добро не скуплѣ, него други: може бити єфтиніє, єрь яма више: коме дакле бива неправда? Ето ти Антипатра са онакимъ истимъ основаніяма. Шта? ты человекъ, кои не треба да се за друге люде ста-

рашъ, и да друштво човеческо служишъ; и кои си се подъ тимъ закономъ родію, и она основанія наравна имашъ, коима се морашъ повинувати, и коима морашъ слѣдовати, да твоя полза буде обща полза, а обща твоя: ты ћешъ дакле таити одъ други людій, шта є и колико за нѣи преправлѣно. На то бы Діогенъ може быти одговорію: Друго є таити, а друго ћутати. Што ти не кажемъ, какво є существо Божіє, и кое є найвеће добро, таямъ ли я то одъ тебе? Кое бы ти много полезніє было знати, него пошто ће быти пшеница? Али я теби нисамъ свашта дужанъ казати, што є теби полезно. Да богъ ме да си дужанъ, вели Антипатеръ, ако се јошть опоминѣшъ, да су сви люди одъ нарави у обште друштво союжени. Сећамъ се, рећи ће людій, али є ли то друштво тако, да ништа неможемо звати своє? Ако є тако, то нетреба ништа ни продавати, него поклоняти.

14.

У овой целой свађи ни єданъ не каже: то є неправо; алъ є пробитачно: и зато ћу чинити. Него єданъ вели: полезно є, али нїє неправо: други опетъ: неправо є, и чинисе само да є пробитачно. Поштенъ човекъ оће да свою кућу збогъ неки погрешака прода, за кое онъ самъ зна, а други не знаю. Да рекнемо, да є кућа нездрава, него се држи, да є здрава: да нитко незна, да у свима собама змія има, да є изъ рђаве грађе направлѣна, трошна; али то да незна нико, него само господаръ. Садъ пытамъ, ако то продаваць купцу не бы казао, и продао бы кућу много скуплѣ, него што є мыслію; бы ли неправо и ружно учинію? Да како, одговара Антипатеръ; еръ шта є друго, човеку, кои є заишао, путь непоказати, (на кое є у Атини публична клетва установлѣна), ако то нїє,

пустити купца, да падне, и изъ незнанства найвећу штету да трпи. Шта, іоштъ є выше, него путь непоказати; то є навалице друго҃го на лажный путь навести. Діогенъ бы напротивъ то҃го рекао: заръ те є натерао, да купишь, кои те ніє ни советовао? Онъ є оно дао на продаю, што му се выше не допада: а ты си купио што ти се допало. Кадъ они, кои даю публицирати, да се какво добро на добромъ месту и са добримъ зданіама продає, не држесе, да лажу, ако и нису добра ни зданія ни место; много манъ онай заслужує хулу, кои о своіой кући, кою є радъ да прода, ништа, ни зло ни добро ніє рекао. Ёрь кадъ купаць може слободно стваръ какву самъ извидити, ту како може продаваць преварити? Ако пакъ продаваць ни за оно не може добаръ стояти, што є рекао, заръ мыслишь да оно, што ніє рекао, треба да сврши? А шта є луће, него да продаваць одкрива погрешке оне ствари, кою є радъ да прода? И шта бы іоштъ тако лудо было, него кадъ бы кои свою кућу овако дао публицирати: има єдна трошна и нездрава кућа на продаю? Тако дакле у некимъ случаєвима сумнителнымъ съ єдне се стране брани поштентъ, а съ друге тако се о ползи говори, да оно, што се полезно чини, ніє само слободно радити, него є и ружно, кадъ не бы радили. Ово є она неслога, коя намъ се између ползе и поштєня чини. Кое я нисамъ зато приповедіо да само истолкуємъ, о чему є препираніє, него да кажемъ, шта я судимъ. Мени се чини, да нити є морао онай житаръ одъ Родіана, нити овай продаваць куће одъ купаца таити. Ёрь ћутати истина ніє таити, али то значи таити. кадъ ты, што знашь, то збо҃гъ твоє асне оћешъ да другій незна, ко҃га се то тиче. Овако пакъ таянъ, какво є, за ко҃гъ є човека, тко не зна? заиста не за простосердачно҃гъ, простогъ, поштєно҃гъ, праведно҃гъ,

и доброгъ мужа, него за човека лукавогъ, ѣутали-
цу, за лажу, за злобногъ, и за лисицу. Толика и
много выше имена порочны имати, е ли да е непо-
лезно?

15.

Ако оне треба хулити, кои преѣхуте, што бы
требало, да одкрию: шта треба о оныма мыслити,
кои іоштъ кажу явно, што ніе истина? К. Каній,
римскій кавалеръ, пріятанъ и доста наученъ чо-
векъ, оде у Сиракузу. да се тамо мало смири (као
што е имао обичай реѣи), а не да тргуе. Овай да
на гласъ, да е радъ башту какву купити, гди бы
могао пріятелъ свое позвати, и гди бы се могао
самъ безъ досаде увеселявати. Оно кадъ се про-
чуе, Питіусъ му некій, кои е у Сиракузи, новце ме-
няо, рекне, да онъ истина на продаю баште нема,
него да се Каній може служити съ нѣомъ, ако оѣе,
као са своіомъ: позове га притомъ другій данъ у
ту исту башчу на ручакъ. Овай се обеѣа. Питіусъ
онда, кои е као човекъ, кои новце меня, у свакомъ
реду имао свои пріятеля, да све рибаре къ себи
дозвати, и замоли іѣ, да сутра испредъ нѣгове ба-
ште лове, притомъ каже имъ, шта ѣеду чинити.
Каній у уречено време доѣе на ручакъ: наѣе часть
велику одъ Питія преправлѣну, и силне чамце на
мору. Рибари стадоше таки, што е кои уловіо, из-
носити и предъ Питія бацати. Шта е то, вели Ка-
ній: одкуда толика риба и толики чамци? Ништа е
то, одговори Питій, овде е найвеѣій риболовъ одъ
целе Сиракузе: одавде сва варошъ воду за пійѣе
носи: и не бы добро за Сиракузане было, да овогъ
добарца овде нема. Каній одма ово зажели, и зао-
купи Питія, да му прода. Овай дуго ніе дао: но
наипосле добіе онай што е тео. Купи дакле човекъ
желанъ и богатъ по то, по што е Питіусъ тео, и

купи онако, као што е затекао, начини облигацію, и учинисе пазаръ. Другій данъ позове Каній свое пріятелѣ; а онъ самъ рано изиђе на полѣ; кадъ тамо, алъ никаквы чамаца нема. Шта е то. запыта сусѣда свогъ, немаю ли може бити рибари какавъ светацъ данасъ, кадъ їй ни єдногъ невидимъ. Немаю (колико я знамъ) одговори сусѣдъ: али овде нико и не лови; и чудіо самъ се юче, шта їмъ е было. Почне се лютити Каній. Али шта бы чиніо? кадъ Аквилій, мой пріятель и другъ іоштъ ніе правила о недопуштеной превари обявіо, у којима овако ону описує: превара се недопуштена у томъ состои, кадъ се єдно претвара, а друго чини. Ово е ясно, тако, као што се одъ мужа, кои уме описати, могло очекивати. Дакле и Питій и сви, кои друго чине, а другчіе се претвараю, єсу непоштени, лажљиви и неваляли люди. Никакво дакле нѣово дело не може бити полезно, кадъ е толикимъ пороцима окаляно.

16.

Ако е Аквилієво описаніе истинито, то треба све, што е претварањ, изъ живота човеческогъ искоренити, чинило се оно или зато, да се сакріє, што заиста єсть, или да другій верує да єсть, што ніе. И тако неће се добаръ човекъ нимало преварати, да што єѣтиніє купи, или да болѣ прода. Така е превара кодъ насъ одавно или явнымъ законииа забранѣна, као н. п. неверность у тоторствама, забранѣна е 12 таблицама: конкрати са младымъ людма, кои іоштъ немаю 25 година, Лоторскимъ закономъ: или се и безъ закона судомъ казни, гди судія по совести размсує. У другимъ судовима, ове су речи найзнатніє; у суду ствари супружеске: нектъ судія како зна најболѣ и најправіє разирси: у стварма воверенима: као што се из-

међу поштены людй учинити може. Шта дакле заръ у томъ, што може найболъ и найправіе, може каква превара бити? или кадъ се каже, као што међу поштенымъ людма бива, можели се тимъ ишто лажно или неваляло чинити? Превара се пакъ зла у претварању по Аквиліевимъ речма, состои. Дакле одъ свакогъ контракта лажъ треба да е уклонѣна. И тако нити ће продавацъ лажногъ лицитанта наместити, да правогъ купца натера, нити ће купацъ дати цену ствари, коя се продае, чрезъ другогъ кога побити: обоица ће, кадъ до прекиданя дође, не выше пута, него у еданпутъ прекинути. Квинтъ е Сцевола одъ господара некогъ добра, кое е купіо, искао, да му одма последню цену каже. Овай каже: на то Сцевола одговори: я то добро выше ценимъ, и дода іоштъ 100,000 сестерція. Нема тогъ човека, кои бы казао, да ово ніе дело поштеногъ човека: него ће многи рећи, да ніе дело паметногъ човека, што е еѣтиніе, него што е могао, продао. Ово е оно ружно предразсужденіе, што друге за паметне, а друге за поштене люде држе. Збогъ чега е и Енній рекао, да мудрость мудрацу ни на какву асну ніе, ако се самъ не уме помоћи. Ово бы право было, кадъ бы се я найпре о томъ, шта е на асну, съ Енніомъ сложио. Некій Хекатонъ изъ Родуса, ѣакъ Панетіевъ, издао е кнѣиге о дужностима, кое е Кв. Туберу посветіо. У нѣима самъ ово читао: то значи, као паметанъ човекъ радити, кадъ гледимо, да наше иманѣ умножимо, али тимъ нити у гражданске правице, нити у правице обичая, нити у уставе штогодъ дирамо: нити мы оѣемо само за насъ да будемо богати, него за децу, за сроднике, за пріятелъ а найвыше за државу. Ёрь е единствены людй благо, благо државе. Овакомъ се човеку Сцеволино дело (о комъ самъ мало пре говорио) неможе, никоимъ начиномъ допасти. Ёрь толи-

ко ће само одъ оногъ, што му аснѹ доноси, одпустити, колико закони забранѹю. Овомъ нити треба велику похвалу дати, нити благодарити. Али или претваранъ было зла превара, мало є стварій, у којима не бы ове преваре было: или є поштењ човекъ онай, кои свакоме, коме може, ползує, а никомъ не шкоди: заиста такогъ доброгъ човека тежко ћемо гди наћи. Дакле никада ніє полезно погрешити, еръ є свагда ружно, и будући да є свагда поштено, добро радити, то є за насъ и полезно.

17.

При продаваню лежећи добара, у нашемъ є гражданскомъ закону заповеђено, да се погрешке кажу, кое бы познате были продавцу. Еръ по гла-су 12 таблица было є човекъ обвезанъ, за оно стати добаръ, што є єзикомъ изрекао; и ако бы се што при комъ лажно нашло, тай є двогубо было казнињъ. Слѣдуюћи пакъ учительи правица метули су казни и на прећутанъ погрешака, и установили, да се свака погрешка каквогъ добра, за кою бы предаваць знао, и по имену не бы одкрио, мора допунити. Као н. п. Аугуресь, кадъ су негда летенъ птица по обичаю на капитолинскомъ брегу хтели примѣчавати, нађу, да одъ Титієве на целскомъ брегу куће не могу гледати, и заповеде му, да кућу оданде уклони. Титій тако учини наредбу, да се та кућа съ авліомъ прода. Нађе се одма купаць Калпурній Ланарій. Овомъ се оно исто одъ Аугура яви. Калпурній се покори: али искуси, да Клаудій ніє пре свою кућу дао на продаю, докъ му нису Аугури заповедили, да є оданде уклони. Онъ га тужи, и иште одъ судіє, да му надокнади предаваць оно, што є дужанъ. Катонъ є судіо, нашегъ овогъ Катона отаць. Еръ као што се други по своимъ старима зову, тако се овай, кои є светило ово ро-

дію, мора по сыну звати. Овай є судія овако судію, будући да є Клаудій знао за погрешке, а ніє явію, то є дужанъ купцу штету наплатити. Онъ є дакле іоштъ найпре судію, да совість изискує, да свака погрешка, коя є продавцу позната, мора и купцу позната быти. Ако є праведно судію: то онай житаръ, и продаваць нездраве куће нису право имали, што су ћутали. Али такова прећутаня нису се могла сва правицама гражданскимъ заключити: но коя могу, та су добро заключена. Сродникъ нашъ, Марій Гратидіанъ, прода кућу Сергію Орати, кою є пре неколико година одъ нѣга купію. На овой є кући была нека служба. Ово Марій ніє у контрактѣ изразію. Дође стваръ до парниці. Крассъ є терао процесъ Орати, а Антоній Гратидіану. Крассъ навали да се найоштріє суди; говорећи, какву годъ погрешку ніє продаваць одкрію, а знао є, ту треба да надокнади. Антоній є говорію, да се суди, како є право: будући да та погрешка ніє могла Сергію быти непозната, кои є ону кућу пре продао, то и ніє было нужно казати: нити є онай преваренъ, кои є оно што є купію, съ онымъ правомъ примію, подъ коимъ є пре држао. На што ово? да покажемъ, како су слабо наши стари за лукаве люде марили.

18.

Али другчіє закони, а другчіє философи та лукавства искоренюю; закони оно истреблюю, коє се рукомъ може уватити; а философи забранюю све, што се разумомъ одкрити и совесћу казнити може. Разумъ и совість изискую, да ништа съ преваромъ, ништа претворно и ништа съ томъ намеромъ да нечинимо, да друге гнѣчимо. Ё ли да су сѣти, стерати прећу, ако и неће натеривати нити бунити дивлячъ? Ёрь и сама безъ свакогъ гонителя може

упасти. Заръ нїе оно штогодъ наликъ, кадъ човекъ свою кућу збогъ каквы погрешака на продаю даде, а за ове не каже? Заръ цедуля коя се збогъ тога прикуе, нїе растрта пређа, у кою бы се каква незналица уватио. Премда видимъ, да нити є обштимъ мнѣніємъ ово непоштено, нити закони забранюю, нити правице гражданске: опетъ є закономъ наравнымъ запређено. Темель є закона овогъ у томъ, што самъ већъ толико пута рекао, и никадъ довольно повторити не могу, да има обште друштво између людїй, коє се тако далеко простире као и наравъ човеческа; ово є друштво тешнѣ између членова єдногъ народа, а іоштъ тепнѣ између граждана єдне државе. Ову су разлику наши стари признавали, будући да су право гражданско, т. є. коє определява, шта гражданинѣ одъ гражданина може изискивати, одъ права народногъ, т. є. одъ кнѣиге законне, у којой стоє дужности граждана различиты држава, сасвимъ одделили, и установили: да све, што право народно страноме допушта, гражданско наравно мора гражданину допустити: но не обратно, да є све, што є правомъ гражданскимъ гражданину допуштено, или наложено, и правомъ народнымъ страноме дозвољно, или наложено. Али мы истините правице и правде правогъ образа немамо; то є кодъ насъ сенъ само. И кадъ бы Богъ дао, да и овомъ сену слѣдуємо. Ёрь є баремъ копія правы оны урнека наравны. Како су важне оне речи: да чрезъ тебе и веру, кою у теби имамъ, не страдамъ? Какве ли су знатне оне речи: некъ се стваръ, као међу поштенымъ людма, поштено сврши, безъ преваре? Него є вопросъ великій: кои су люди поштени? и шта є поштено радити? Квинтъ Сцевола, Понтифексъ найвећїй говораше: све парнице, коє є судїя морао по совести расправляти, врло се тяжело расправляю и мораю

се съ великомъ смотреносѣу расправляти. Ёрь ова речъ: совесть, много значи, и употребленіе нѣзино простиресе скоро на све содружеске послове, на титорства, друштва, аманете, налоге, на све ствари, кое се купую, продаю, подъ аренду даю, улажу. Зато се врло паметанъ судія изискуе, кои ће свагда право распознати, шта є една страна другой дужна, будући да се взаимне тужбе одъ обе стране у многимъ такимъ случаевма чую, и взаимна изискиваня судіи предлажу. Зато треба сва лукавства одбацити, и сву превару, коя є рада, да се за паметъ држи, одъ кое далеко одстои; ерь паметъ состоисе у разсудку добра и зла и у избору оногъ, што є найболѣ; а превара зло добру предпоставля, (ако є све, што є ружно) зло. Осимъ закона противъ преваре при продаваню лежећи добара, имамо у нашемъ праву гражданскомъ (кое є на нравномъ понятію правиде основано) іошть особиты предохраненія противъ преваре при тргованю са робовима. Ёрь ако є продаваць морао знати, да є нѣговъ робъ нездравъ, склонѣнъ на беганѣ, или крадльивица, то є онъ по изреченію едилскомъ, купцу штету надокнадити имао. Друго бы было, да є продаваць роба мало пређе топрвѣ каквымъ наслѣдіємъ добіо. Будући дакле да право гражданско то заповеда; а наравъ є изворъ гражданскогъ права, то мора по нарави бити, да нико туђе незнанѣ на свою аснѣ не употреблява, да се тако обогати: нема ти већегъ зла за животъ човеческій, него кадъ се невалялство претвара да є паметъ. Отудъ бѣва, да се у неброенымъ случаевма полезно поштеномъ противостави. Ёрь колико бы нѣи было, кои не бы неправо што учинили, ако бы се и надали, да се неће дознати, и да нећеду бити казнѣни?

19.

Да само пазимо, шта у таковомъ случаю бы-

ва, гди простота не држи, да є зло учинѣно. Ёрь о тайнымъ убицама, отровницима, о онима, кои тестаментъ лажный подмеѣу. о лоповима, невернымъ чуварима публичны новаца не треба овде говорити. Оваки се злочинци не могу речма, нити основаніама моралнымъ, него гвожѣмъ и тавницомъ у узди држати. Мы само да видимо, шта они раде, кое светъ држи за добре. Минуція Васи́ла подметутъ тестаментъ однесу неки изъ Грчке у Римъ: коимъ да іошть лакше свое намереніе постигну, запишу Красса и Хортензія у нутра са собомъ за наслѣднике. люде тогъ истогъ века найсилніе: ови, будући да су подозревали, да є лажанъ тестаментъ, но за ту превару нису знали, ту҃гегъ злочинства даръ нису одбацили. Шта дакле? є ли то доста за нѣово оправданіе? я мыслимъ ніе: премда самъ єдногъ любіо за живота, а на другогъ мртвогъ не мрзимъ. Право є заѣста было, што є иманѣ у руку двама великимъ мужевима пало, будући да є по желѣи Василовой, нѣговъ сестриѣ Сатрій (кои є после патронъ Сабинскогъ и Пиценскогъ добра постао: срамота за онай векъ, у комъ су оваки патрони нужди были) наслѣдникъ нѣговогого имена и иманя требало да буде. Ёрь ако онай неправо ради, кои увреде не препятствує, кои свогъ ближнѣгъ одъ тога не брани, кадъ може: каквымъ ћемо назвати оногъ поступакъ, кои не само не брани, него іошть подпомаже неправду? Мени се и права наслѣдія не ви́де да су поштена, ако су невалялымъ ласкательствама, не истиномъ, него претваранѣмъ доби́ена. И у такимъ се случаєвима чини, да є друго полезно, а друго поштено. Али то ніе истина: єрь оно є исто правило ползе кое и поштеня. Кои то не види, и о томъ ніе уверенъ, тай є на сваку превару и на свако зло склонѣнъ: єрь овако мислеѣи: оно є истина поштено, али ово пробитачно: ствари ће одъ

нарави свезане силомъ одцепити: а то є изворъ свію превара, злочинства и невалялства.

20.

Поштенъ човекъ. кадъ бы ту силу имао, да, кадъ бы годъ прстима пуцао, име нѣгово у тестаментъ каквогъ богатогъ човека стрпатисе може, опеть то не бы радіо, ако бы и уверенъ быо, да се нико на нѣга неће икада сумняти. Али подай ову силу Крассу, да пуцанѣмъ съ прстима може свое име у тестаментъ уметути, гди га онай, кои оставля добро, ніє уписао: тай бы, веруй ми, на-средъ ціяце одъ радости играо. Поштенъ пакъ човекъ, човекъ, кога мы по внутренѣмъ чувству добрымъ називамо, ништа неће одъ другогъ узети, што бы себи привукао. Кои се томе чуди, тай показує, да іошть и незна, шта є поштенъ човекъ. Само нека свакій тавно понятіє, кое о характеру овомъ у свачіой души стои, развіє, па ће се и самъ поучити моћи, да є оно поштенъ човекъ, кои є свакомъ, коме може, на асну, а никоме не шкоди, осимъ ако є увредомъ подбунѣнъ. А како онай никоме не шкоди, кои некимъ чинима име правогъ наслѣдника изъ тестаментѣ избрише, а свое умете? Ёсть, али (рећиће ко) полезно є и пробитачно; па заръ да самъ тако себи неприятель, да немаримъ за мою асну? За ту треба да маришъ, али треба да и то знашъ, да ништа ніє пробитачно, нити полезно, што право ніє. Кои то не може научити, одъ тогъ никадъ поштенъ човекъ неће бити. Слушао самъ као дете одъ могъ отца, да є Фимбрія, кои є пре-ђе конзулъ быо, Лутацію Пинтіѣ, кавалеру римскомъ, заиста поштеномъ судіо; кадъ є овай обѣтъ учи-ніо, ако се паће да є непоштенъ човекъ (т. є. онда ће ону сумму новаца платити). Не, одговори Фим-брія, я ту стваръ нећу судити, да не бы или по-

штеногъ човека свогъ имена славногъ лишю, кадъ бы га окривю: или да не бы по нѣму судеѣи явно определю, да є когодъ добаръ человекъ, кой се характеръ у неброенымъ дужностима и добродѣтелямъ состои. Овомъ дакле поштеномъ човеку, о комъ є и Фимбрія, а не само Сократъ понятіє имао, никоимъ начиномъ неможесе чинити, да є оно полезно, што нїє поштено. Отудъ овакій человекъ не само неће ништа хтети чинити, него ни мыслити, што несме явно говорити. Заръ нїє срамота, да іошть философа има, кой се о томъ сумняти могу, о чемъ се ни прости люди не сумняю? одъ кой є оно изишло, што є іошть одавна у пословицу дошло; кадъ чію верность и поштењѣ оѣду да похвале: „и слепъ се може съ нѣимъ прстію играти. Ово шта друго значи, него ништа нїє пробитачно. што нїє пристойно, ако бы и могао то безъ свакогъ противословія получить? Видишь ли дакле, да се ни Гиги оно не може допустити, нити овомъ, кога самъ пређе измыслио, да се пуцанѣмъ прстію може у тестаментъ свою увуѣи. Ёрь какогодъ што є ружно, ма се како крило, опетъ поштено быти никоимъ начиномъ не може: тако исто, што нїє поштено, никоимъ начиномъ неможесе учинити, да буде полезно, будуѣи да є то самой нарави противно.

21.

Али кадъ є велика награда, лако се може человекъ навести, да погреша. К. Марій, кадъ нїє имъ мыслио, да конзулатъ иште, и веѣ седму годину после Претуре быо забаченъ, К. Метелла, чій є посланикъ быо, єдногъ одъ найвеѣи мужева и првогъ гражданина, добывши одъ нѣга, као свогъ старешины, допуштенъ, да у Римъ иде, кодъ римскогъ народа облаже, да онъ ратъ развлочи, и ако бы нѣга конзуломъ учинили, онъ бы за кратко време

или живогъ, или мртвогъ Югурту у руке Римскомъ народу предао. Онъ постане заиста конзулъ: али є противъ совести учинію, што є заслуженогъ и поштеногъ човека, кога є посланикъ быо, и кои му є допустію, да у Римъ иде, у мрзость лажіомъ своїомъ довео. И нашъ Гратидіянъ ніе као поштень человекъ у слѣдуюћемъ случаю радіо. Измена новца тако є цену нѣову променила, у време, кадъ є Марій Преторъ быо, да нико ніе знао, шта има. Ово зло да бы истребили, сложесе народни трибуни са колегіомъ преторскомъ, и издаду неко изреченіе на то, у комъ су знаци лажногъ новца назначени были, и кое є допуштало, да се противъ подобны превара свакій сме тужити, и коимъ є нека казнь наложена. Они заключе, да ово изреченіе сви са амвона ораторскогъ заедно после подне народу објаве. Други се разиђу: Марій оде са свое столице управо на амвонъ, и објави оно самъ, што є одъ свію заедно саставлѣно: кое є (ако сте ради знати) нѣму на велику честь служило: нѣговъ си образъ могао видети на свакомъ сокаку: предъ нѣимъ се тамянъ пушію; предъ нѣимъ су свеће гореле: єдномъ речію, никогда ніе народъ већма волео. Ово є што човека узнемирує у суденю шта треба чинити, шта ли не, кадъ се съ єдне стране увреда правице мала чини, а съ друге є стра неправде великій. Тако є мыслию Марій свое другове и трибуне предварити, како бы се самъ пре народу допао, ніе велико преступленіе, а конзулатъ чрезъ то добити, на што є онда тежію, єсть врло пробитачно. Аль є само єдно правило за све случаєве, кое самъ радъ да ти се дубоко укорени: или оно, што се полезно чини, некъ ніе ружно; или, ако є ружно, некъ се нечини полезно. Шта ты мыслишь, сыне, можемо ли првогъ, или другогъ Марія за поштеногъ човека држати? Самъ твоє срце пытай, разви твоя

чувствованія, па види, кое су черте поштеногъ човека тамо сакривене. Заръ може поштенъ човекъ збогъ свое асне лагати, другогъ облагивати, отимати, варати? Ни найманъ. Има ли дакле тако важне ствари, или таковогъ виѣшнѣгъ добра, да човекъ за нѣга име и достоинство треба да изгуби? Шта могу целимъ тимъ хвалѣнимъ добромъ получитьи, што бы ми изгублѣно поштено име, изгублѣну верность и правду повратило? Заръ се не меня човекъ у животиню, кои съ човечіимъ лицемъ толико зна за правице и дужности, колико и животиня?

22.

Шта? кои за оно, што е годъ право и поштено немаре, само да власть какву добию, е ли. да оно исто раде, што и онай, кои е и таста такогъ гледао да добіе, чіомъ ће великомъ слободомъ самъ моћи силанъ быти? Полезно му се учинило, да туѣмъ злбомъ до велике власти доспе: а ніе видію, како е то неправо за отечество, како ли е за нѣга неполезно и ружно. Овай е нѣговъ тастъ све еднако два стиха изъ Еурипидовы Финикіянки у усти имао, кое ѣу я може быти ружно, али опетъ разговѣтно превести: Ако се икадъ правица сме погазити, то се само збогъ престола може учинити; у свакомъ другомъ случаю треба чинити, што дужность изискуе. То е изданіе престола, што Етеоклесь, или правіе да рекнемъ, Еурипидесь каже: да управъ онай случай треба изъ правила правде изузети, гди е преступленіе найгоре. Што дакле тражимо "примере малы превѣра, кое при наслѣдіама, у трговини и у продаваню бываю? Ето га, кои е наумію, да краль Римскогъ народа и господаръ свію народа буде, и постао е. Кои оваку желю држи за поштену, тай е лудъ. Тако бы падежъ закона и слободе, среѣно приключеніе, а насилно утѣтеніе

овы — найвеће злочинство — славно дѣло морало быти. Кои бы пакъ признао, да нїе поштено у држави, коя є была слободна, и коя бы требало да є и садъ слободна, неограничену власть тражити; али такову имати, за човека, кои дотле доћи може, єсть заиста срећа: коимъ бы каранїемъ, или каквымъ бы срамотенїемъ овакогъ човека одъ толике погрешке могао одвући? Заръ може, за Бога, икоме найгаднїе и найужаснїе убїйство отечества полезно быти: ако бы тога, кои бы оно учинїо, покорени граждани и отцемъ отечества називали? По поштеню дакле треба да се полза управля, и то тако, да се ово двоє именовъ само разликую, а у себи да су єдно. По миѣнїю простогъ народа нема веће среће, него краль и неограниченъ заповедникъ быти: а искусство насъ и исторїя учи, да не може већа несрећа за онога быти, кои дотле неправдомъ доће: єрь заръ могу стра, мучеръ, брига, и животъ сѣти пунъ икомъ быти полезна?

Многи су ненаклонїни и неверни трону, мало има добры, вели Акцій. Али о комъ кралоу то каже: кои є отчино царство као правиланъ наслѣдникъ Танталовъ и Пелопїя освоїо. Колико вище непрїателя мора онай краль имати, кои є римскимъ воинствомъ Римскїй народъ себи покорио, и државу не само слободну него и владаюћу надъ другимъ народами подъ ярамъ робства предклонїо? Какву є овай окалянѹ совесть морао имати? какве ли ране у души? Како є за нѣга и животъ могао быти полезанъ, кадъ є такїй быо, да, кои бы му га одузео, тай бы и у чести и у милости найвећой быо? Дакле кадъ ово, што се найвише чини, нїе полезно, што є пуно срамоте и невалялства: то можемо вообште уверени быти, да ништа нїе полезно, што нїе и поштено.

23.

Тако є мисліо и Римскій народъ у многимъ приликама, тако є мисліо особито Фабрицій и сенать у рату са Пирромъ. Ёрь кадъ Пирръ Римскомъ народу своевольно рать обяви, и кадъ о владѣнію са храбрымъ и силнымъ кралѣмъ борба буде; бегунаць некій оде одъ нѣга у логоръ Фабрицієвъ, и обећа му се, ако му какву награду обећа, да ће се тако исто тайно, као што є дошао, у логоръ Пирровъ вратити и нѣга отровати. Овога даде Фабрицій натрагъ къ Пирру одвести: кои поступакъ одъ сената буде похвалѣнь. Кадъ бы на видъ ползе и миѣніє обично людій гледали, єданъ бы бегунаць великій онай рать прекинуо, и якогъ противника царства искоренію было: аль бы велико безчестіє и злочинство было, да се онай, съ коимъ є за славу борба была, не храбросѣу, него невалялствомъ побѣди. Шта є было одъ овогъ двога полезніє и за Фабрицію, кои є то у овой вароши было, што є Аристидъ было у Атини, и за сенать, кои никадъ ніє асну одъ поштєня деліо, оружіємъ битисє съ непріятельмъ или отровомъ? Ако є слава намереніє, збогъ кога є држава каква рада да влада, то злочинство не сме бити међу средствама къ томе, єрь у нѣму славе нема. Ако ли се тражи сила и богатство, то и ова не могу бити пробитачна съ безчестіємъ. Ніє было советъ Филиповъ полезанъ, да оне вароши, кое є Сулла, кадъ су платилє, по изреченію сената одъ данка ослободіо, опетъ подъ плаћанъ подпадну; а да имъ се новци, кое су за слободу дале, не вратє. Сенать му є одобріо: али є ружно за владѣніє. Боля є совєсть и у пустаія него што є сената была. Али су доодци државе тимъ умножени, дакле є пробитачно. Докле ће се већъ то држати за полезно, што ніє поштєно? Може ли икомъ царству, кое на слави и любви подайника мора бити осно-

вано, мрзость и безчестіє быти на аснѹ. И я самъ се съ Катонѡмъ моимъ доста пута о овомъ препирао. И оваѣ ми се видіо врло строгъ у браненію публичне кассе и данка: арендаторима никада ніе дао, да се штогодъ одпусти, а союзницима редко. А овима треба да благодарѣнія чинимо, а съ онима тако да поступамо, као што господаръ каквогъ добра съ онима, кои му землю раде, поступа; и то тимъ выше, што є къ благостоянію државѣ добра слога различиты редова врло нужна. Зло є радіо и Куріо, кадъ є говоріо: да є исканъ вароша съ оне стране Падуса праведно: алъ є свагда додавао: преча є асна за државу. Болъ да є казао, ніе праведно, єръ є противъ државне асне: него праведно є, али ніе полезно.

24.

Шеста кнѣга Хекатонѡвогъ дѣла о дужности-ма пуна є такі вопроса. Є ли то за поштеногъ човека, при крайньої скупѡсти свою челядь нехтети ранити? доводи узроке и за то и противъ тога, а най-после оценює говорѣни, да насъ у томъ выше самолюбіє, него човеколюбіє мора управляти. Пыта далъ: кадъ на мору лађа оће да потоне, шта ће паметанъ човекъ найпре избацити? скупѡценогъ коня, или маловажногъ роба? Друго вели економія, а друго човечество. Ако є лудъ човекъ и неваляо при кораблекрушенію даску какву дочепао, сме ли одъ нѣга мударъ и поштень человекъ отети, кадъ бы могао? Не сме, вели, єръ є даска већъ — онога стваръ. Али господаръ одъ лађе? заръ онъ свою стваръ не сме отети. Никѡимъ начиномъ; као годъ што не сме оногъ, кои се на лађи вози, на средъ мора избацити, зато, што є нѣгова лађа; єръ докъ се не дође донде, докле є лађа погођена, ніе лађа господарова, него оны, кои се на нѡой возе. Да рекнемо, два

човека претрпили кораблекрушеніе — оба паметни и поштени, дочепаю само єдну даску, на кою не могу стати обоица: шта ћеду радити? Ни єданъ некъ не отме. Дакле єданъ одъ нѣи нека другомъ своевольно уступи? Єданъ треба да уступи, и то онай, кога є животъ или за нѣга, или за државу манѣ важности. Али, ако су и у овомъ єднаки? то не треба да се свађаю, него на случай и срећу нека одложе. Сынъ н. п. зна, да є отаць нѣговъ цркве поарао, и да копа исподъ землѣ путь, коимъ ће до царске кассе доћи; треба ли, да то яви власти? Не треба: сыновня дужность не допушта, него іоштъ треба, да брани отца, кадъ бы га кривили. Шта, заръ дужность къ отечеству нїе преча одъ своіо други дужностей? Тако є, али и отечество на то иде, да таке граждане има, кои почитую родителей своє. Али ако отаць гледи да тиранство у руке добїє, и отечество изда? треба ли и онда да сынъ ћути? бре заклиняће га найпре, да то не чини: ако ли то не помогне, а онъ ће му претити, да ће га тужити; наипосле кадъ се стваръ већъ къ падежу отечества стане приближавати, тужиће га, предпоставляюћи избавленіе отечества отчиномъ избавленію. Пита притомъ, тай истый философъ, ако мудраць лажанъ новаць у име доброгъ прими, па после примѣти, треба ли, да онъ другоме опетъ у име доброгъ даде? Треба, каже Діогенъ: Антипатеръ вели, не треба: я самъ мнѣнія последнѣгъ. Некій продає вино, о комъ зна, да ће се превратити, треба ли, да то каже? Нїе нужно вели Діогенъ; а Антипатеръ каже, дужность є поштеногъ човека казати. И ово су правице, о коима се Стоици препиру. Заръ при продаи каквогъ роба треба све нѣгове погрешке казати? Не говоримъ о онима, коє кадъ бы се прећутале, по праву гражданскомъ, могли бы се робови вратити, него о другима: н. п. да

е лажа, играчъ, піянчура. Еданъ вели, да треба казати, а други, да не треба. Кадъ когодъ злато држи да е тучъ, и у той лажной мысли прода ефтино, треба ли, да поштенъ човекъ то нѣму каже, или може ли овай оно за неколико грошиѣа купити, што бы неколико иляда вредило? Лако се види, шта бы и еданъ и другій одъ оны философа одговорили, шта ли бы я на то одговоріо?

25.

Мораю ли се сви уговори, сва обеѣаня испунити, коя нити су силомъ, нити преваромъ каквомъ учинѣна? Ако е кои лекъ коме дао противъ водене болести, съ тимъ условіемъ, да никада после не сме тай лекъ узети; ако одъ тога лека оздрави; а после неколико година ошетъ у ту исту болю падне, и неможе одъ оногъ, съ коимъ е уговоръ учиніо, допуштенъ добити, да онай истый лекъ може узети, шта треба да ради? Будуѣи да е овай безчовечанъ, кои неда онай лекъ узети, а тимъ се никаква неправда нѣму не чини; треба да се за свое здравлѣ и животъ стара. Шта? кадъ бы какавъ мудрацъ за наслѣдника одъ два миліона съ тимъ условіемъ учинѣнъ быо, да пре него што у наслѣдіе ступи, усредъ подне публично на піяци игра; ово е условіе примію, еръ другчіе не бы могао наслѣдити, треба ли да то учини? Волео бы, да ніе обеѣао, то бы было за зрелогъ човека. Али веѣъ кадъ е обеѣао, то ѣе съ веѣомъ чесѣу слагати, ако мысли, да е ружно на піяци играти, што ѣе наслѣдіе оставити, него да бы га примію; развѣ ако може држави у великимъ потребама съ оны новци помоѣи; у комъ случаю и игранѣ не бы было непристойно, еръ бы на добро отечества служило.

26.

И она обеѣаня не мораю се испунити, коя ни

оными, коима су учинѣна, нису полезна. Фебъ обе-
ѣа сыну свомъ (да се опеть на басне вратимъ). да
ѣе му све учинити, што годъ усхте, Овай заиште,
да се на отчины коли повоза. Попне се на ова, и
текъ што є мало на нѣма овай несмысленый мла-
диѣъ поседіо, удари у нѣга громъ и убіе га. О ко-
ляко бы болѣ за нѣга было, да є отаць одъ свое
речи ударіо натрагъ! Шта ніе Тезей претрпіо, што
є свееднако искао, да му Нептунъ свое обеѣанѣ
испуни! Троє є одъ Нептуна могао искати: и онъ
заиште несреѣу Хиполита, сына свогъ, о комъ є
мыслио да се съ маѣіомъ држи. Ова му желя буде
испунѣна; садъ падке Тезей у найвеѣу жалость.
Подобно є томе было съ Агамемнономъ. Онъ се
Діяни обеѣа, да ѣе іой, што бы му се найлешше у
држави оне године родило, жертвовати. Али се ни-
шта оне године лешше не роди одъ кѣери Агамемно-
нове. Дакле Ифигенію жертвує. Заръ ніе болѣ бы-
ло, да одъ обѣта одступя, него да тако свирѣпо
дѣло учини? Дакле и уговоре све нетреба држати,
нити се аманети мораю сви враѣати. Кадъ бы ми
кои при здоровомъ разуму мачъ свой на оставу дао,
пакъ бы онда у великой фури натрагъ искао, то є
грехъ, дати га, а дужность задржати га. Шта? кадъ
бы ти кои новце дао на оставу, и подигао бы ору-
жіє на отечество, бы л' томе новце вратіо? Не бы,
я веруємъ, ерѣ бы противъ државе учиніо, коя ти
мора наймилиа быти. Тако много коє шта, што се
по себи чини поштено, съ временомъ буде непо-
штено. Одржати речъ, уговоръ свршити, аманеть
вратити, кадъ се полза измене, буде непоштено.
То некъ буде доста о мнимымъ аснама, коє лажна
память увредомъ неправде мысли да може добити.

Будуѣи да самъ у првой кнѣйги све дужности
изъ четири классе моралны совершенства изводіо,
то ѣу се я садъ оногъ разделенія држати, тражеѣи,

да покажемъ, какавъ є непріятель добродѣтели воображеніє о великой цени мнѣмъ добара. О па-
мети и о правди досадъ самъ говорію, и посведо-
чію, да превара само видъ прве узима, а последня
т. є. правда свагда є полезна. Іошъ намъ остаю
две моралне добродѣтели, одъ кои се една у ви-
сокогъ духа величини и изредности состои, а дру-
га у уздржаваню и умерености.

27.

Улиссесъ, ако ћемо трагичечкимъ поетама ве-
ровати (єрѣ Омирова повѣсть, безъ сумнѣ єдна одъ
найвероятнѣи, не да ништа таково о нѣму подозре-
вати), судію є, да є полезно за нѣга, да се претвор-
номъ лудосѣу изъ войске извуче, на кою бы морао
иѣи. Планъ є быо ружанъ. Алъ є добро, господа-
ромъ быти одъ Итаке, мирно и слободно, кодъ
свогъ отца, кодъ свое супруге, са своіомъ децомъ
живити. Ово ће поне веѣа часть мыслити. Зарѣ
се якаква честь, повседневнымъ опасностима и нево-
ляма добієна са овимъ покоємъ може успоредити?
По моіой мысли овай покой треба презрети и од-
бацити; єрѣ кои нїє поштенъ. тай и полезанъ не-
може быти. Шта бы іошѣ Улиссесъ морао быо
слушати, да є у свомъ претвараню остао? онъ, кои
є после найвеѣи юначки дѣла опетъ ово одъ Аякса
морао слушати :

Заклетву, кою нико другій нїє установію, него онъ;

Кое сви знате, самъ є онъ и погазіо;

Учинію се да є полудію, да се не мора туѣи.

И да нїє оптроуміє Паламедово лукавство овогъ
слободняка

Надинтересирало, до века бы заклету дужность
варао.

Не само съ непріятельи, него съ ветрови и съ
таласима борити се (као што є заиста и чинію) бо-

лъ е было за нѣга, него одъ Грчке растатисе, коя се сложила, да съ варварима ратъ води. Али да оставимъ и басне и странне примере; па да се къ приключеніямъ истините и наше Исторіе вратимъ. Регулусъ буде у своѣмъ другомъ конзулату одъ Картагиняна, кое е Ксантипъ, Лакедемонянинъ, подъ врѣвнымъ владанѣмъ Хамилкаровымъ, отца Ханибаловогъ, предводію, чрезъ заоставшу войску уваженъ, па после некогъ времена у Римъ посланъ, да неке знатніе робове искупи; съ томъ обвезомъ, да ако не бы свршио, опетъ се поврати. Овай кадъ у Римъ дође, видію е неку ползу, него е ту, као што стваръ показуе, за лажну судію. Ово е была та полза: остати у отечеству своѣмъ, живити у својој кући са женомъ и децомъ, у своѣмъ страданію као у обичной измени среће воене тѣшитисе, а притомъ степенъ достоинства конзуларскогъ држати. Ко бы казао, да то ніе полезно? Ко? величина и крепость духа. Тражишь ли болъ судіе?

28.

Овакимъ добродѣтельима свойствено, ничега не боятисе, све човеческо презирати; ништа, што се човеку догодити може, за несносно не држати. И тако шта е радію? Дошао у сенатъ, заповестъ исказао: самъ свое миѣніе ніе тео одкрити, еръ е држао, да онъ сенаторъ римскій ніе, докле е годъ подъ заклетвомъ непріятельскомъ. И шта више — лудъ човекъ и самъ свой непріятель — каже іоштъ: враѣанъ робля естъ држави шкодливо; тимъ ће она Картагиняна много млады и храбры людій и добры офицера натрагъ дати, а добити неће ништа, него мене, кои самъ старъ човекъ и текъ за кои данъ іоштъ полезанъ. Нѣговъ советъ веѣа часть одобри: роблъ се не врати, а онъ се врати у Картагену: нити га е любовь къ отечеству нити къ

своима задржати могла. Онъ е добро знао, да къ неприятелю врло свирѣпомъ иде, и да га тамо страшина мученія чекаю; али ніе тео заклетву никоимъ начиномъ погазити. И тако кадъ су га неспаванѣмъ убіяли, было е у болѣмъ станю, него да е кодъ куће као заробѣный стараць и конзулскій клетвопреступникъ остао. Али опетъ то е было лудо одъ нѣга, место што бы требало да е советовао, да се робови поврате, онъ е противно советовао. Лудо? ако е тай советъ и држави полезанъ быо? заръ може оно, што е држави шкодливо икоме гражданину полезно быти?

29.

Кадъ люди ползу одъ поштена деле, основанія природе изврѣу и разораваю. Ёрѣ сви тражимо асну, и на ту идемо, нити другчіе што можемо радити. Ёрѣ тко е тай, кои бежи одъ асне? или, кои е тай, кои небы съ найвећомъ ревносту за ономъ тежіо? но будући да ту исту ползу нигди на другомъ месту, него у добродѣтели, у заслуги, и поштеню наћи можемо, а то за прва и найвећа добра држимо: асне име не држимо толико за светло, колико за нужно. Али, шта е, рећиће ко, у заклетви? Боимоли се разлюћеногъ Юпитера? У томъ су сви философи сложни, не само они, кои мысле, да Богъ никаква посла са светомъ нема, нити коме другомъ посла прави; него и они, кои веле, да Богъ свагда штогодъ ради, сложни су велимъ у томъ, да се Богъ никада нелюти, и да не шкоди. А шта бы выше и Юпитеръ разлюћенъ могао шкодити, него што е Регулусъ самъ себи шкодіо? Те силе закона ніе было коя бы онолику асну претегнути могла. Може быти, да не бы неправо учинію. Прво, између два зла манѣ треба избирати. Заръ е было толико зла у ономъ невалялству, колико у

мукама? Друго, кадъ Атрей кодъ Акція на онай преговоръ:

Ниси речъ одржао,

одговара: Я речи невернымъ нисамъ ни дао, нити ђу икадъ дати; то є истина неваляо краль, кои тако говори, алъ є одговоръ по себи правъ. Јоштъ и то додаю; како годъ што мы кажемо, да се неке ствари чине полезне, кое нису: тако они веле, да се неке ствари чине поштене, а нису: као што се и ово чини, да є поштено, изъ почитанія къ заклетви на муке вратитисе; али постане непоштено; еръ што є силомъ непријательскомъ учинѣно, то се испунити не мора. Додаю јоштъ и ово: што є годъ врло полезно, буде поштено, ако се најпре и ніє чинило.

30.

Ово є противъ Регула: садъ да єдно за другимъ извидимо. Ніє се требало Јупитера бояти, да не бы разлюћенъ шкодіо: еръ нити се онъ люти, нити коме шкоди. Овай узрокъ ніє толико противъ Регула, колико противъ сваке заклетве. Еръ не треба гледати, кои є стра у заклетви, него каква є сила. Заклетва є законно потвржденіє. А што си тако као предъ Богомъ сведокомъ обећао, то треба да држишъ, не збогъ гнѣва Божіегъ, кога нема, него збогъ правде и вредности. Лепо Ениій вели:

О блажена верносте, крили украшена,
И ты заклетво Јупитерова!

Кои дакле заклетву погази, тай верность и веру увреди, ова одъ наши стары тако поредъ Јупитера у капитоліуму намештена божества. Али, рекоше далъ, ни разлюћенъ Јупитеръ не бы Регулу выше шкодіо, него што є самъ себи шкодіо. Тако є, кадъ другогъ зла не бы было осимъ бола. Али

то не само да ніє найвеће зло, него да ніє никакво, велики философи съ увереніємъ потврђую. Немойте молимъ васъ вашимъ хуленіємъ доказателство тако яко, и управъ могу рећи, прекрасно обезсилявати! Можемо ли вероятніегъ сведока за то наћи, да боль ніє зло, него єдногъ одъ првы Римляна, кои є своевольнo на мученія ишао, само да дужность свою сврши? Ёрь што далъ веле, одъ два зла треба манъ избрати: то є толико, боль є штогодъ и безчестно урадити, него штогодъ неприятно трпити. А заръ има већегъ зла одъ невалялства? Кадъ ругоба тела има нешто у себи, што намъ се не допада, да каква мора бити ругоба душе? Зато они философи, кои силно о томъ говоре, кажу, да є оно само зло, што є непоштено: а кои смотреніє о томъ говоре, кажу, да є то найвеће одъ свію зла. Ёрь оно изреченіє поетино:

Нити самъ дао, нити ћу дати коме неверномъ мою
речь:

зато є право, ёрь Атрей говори, съ чіямъ се характеромъ ове речи слажу. Ако ли пакъ противници ово као общте основаніє сматраю, да томе не морамо речъ држати, кои є самъ не држи, нека добро гледе, да они тимъ не траже какво покриванъ клетвопреступленія. Ёрь има закона, кое и у рату треба наблюдавати, и заклетви, кое и неприятелю треба држати. Свака заклетва, при којой смо внутренъ уверени, да є правична, треба да се обдржи. Свака друга заклетва не обвезує, и ако се не испуни, ніє клетвопреступленіє. Тако н. п. ніє клетвопреступленіє ако морскимъ пуштаіама новце за избавленіє обећане не платимо — ако смо се и заклели. Ёрь пуштаія ніє народный неприятель, кодъ кога правице човечества іоштъ траю, него є неприятель целогъ рода човеческогъ, съ коимъ никакве нема свезе, дакле ни оне, коя є на уговорима и за-

клетвама основана. Ніє свакій, кои се на што закуне, па не учини, клетвопреступникъ, него в само онай, кои, премда є обећанѣ у речма заклетве стоєће разумомъ потврдіо, опетъ то не изврши. Єрь има случаєва, гди Еурипидъ има право:

Єзыкъ се заклео, алъ ніє срце съ нѣимъ.

Али овай случай ніє быо Регуловъ. Онъ ніє смео уговоре воєне съ непріятелѣмъ погазити: єрь су са праведнымъ и правильнымъ непріятелѣмъ имали посла; прама кога и наше право феціялно и многа друга имамо. Да овога ніє, никада не бы наша држава славне люде везане непріятелю преда-ла. Ветуриусъ и Постуміусъ при свомъ другомъ конзулату после несрећне битке кодъ Каудіума. гди є наша исподъ ига морала ићи, учине са Самнитима миръ, и зато буду овима предани, єрь нису то са знанѣмъ народа и сената учинили. У то су исто време Нулицій, и Мелій, кои су онда трибуни народни были, што є нѣювымъ уваженіємъ миръ учинѣнъ, предани, да бы се тако миръ покваріо. И ове є предає самъ Постулій, кои є преданъ, поводъ быо, а после много година Манцинусъ. И овай є, неимаюћи одъ сената власти, са Нумантинима миръ заключіо. Луцій Фурій и Секстъ Атилій предложе по изреченію сената народу, треба ли Манцина непріятелю предати: Манцинъ самъ ово предложеніє подкрепи, и тако нѣгова предая буде заключена. Колико є благородній быо нѣговъ поступакъ, него Помпеевъ, кои є у подобномъ случаю са Манциномъ быо, и подобно предложеніє своїомъ молбомъ уничтожіо. Кодъ овога є више вредила полза, него поштенѣ: а кодъ првы є веће уваженіє добродѣтели видъ лажне ползе превозишло. Али Регулусъ бы требало да ништа ніє за обвезу држао, на што є силомъ натеранъ. Као да бы се могао хра-

баръ мужъ на то натерати! А зашто є ишао у сенатъ, кадъ є већъ науміо, да советує, да се робаљ не поврати. Што є у нѣму найболѣ, то хулите. Прво приміо є налогъ, ерѣ нїє тео, да самъ одсуђує, него є сву стваръ разсудку сената оставіо. После, кадъ є видіо, да, ако онъ не узсоветує, робови ће се заиста вратити, чимъ бы му заиста животъ, благостояніє и пребыванъ у свомъ отечеству было осигурано: то є онъ опетъ, будући да є судіо, да то нїє за отечество полезно, држао да є поштено, да и осећа оно и трпи. Ерѣ што кажу, да што є врло полезно, то бива поштено, оно єсть, а не бива. Ерѣ ништа нїє полезно, што нїє и поштено: нити є зато полезно, што є поштено, него што є поштено, зато є полезно. Дакле између многи особиты примера неће нико лако наћи одъ овогъ болѣгъ и лепшегъ примера.

31.

Одъ целе славе Регулове оно єдно заслужує удивленіє, што є судіо, да се робови задрже. Ерѣ што є дошао натрагъ, то намъ се садъ може чудно чинити: у оно време нїє могао другчіє радити. Похвала дакле, кою овомъ поступку даємо тичесе века оногъ, а не мужа. Яче свезе, коіомъ бы се люди обвезали, да речъ свою одрже, наши стари нису имали, него заклетву. То показую закони на 12 таблица, показую закони свети, союзи, коима су и съ непріятелѣмъ у неку обвезу ступали, показую испити и казни цензорски, кои никакву стваръ нису прилѣжніє судили, него гди се заклетве тицало. Л. Манлій, сынъ Ауловъ, кадъ є службу диктаторску оставіо буде одъ народногъ трибуна Помпонія зато на судъ позванъ, што є свое диктаторство неколико дана преко определѣногъ времена задржао. Съ тимъ є іоштъ и та кривица была скопчана, што є сына

свогъ Тита, кои е после призиме Торквата добіо, изъ целогъ друштва човеческогъ исклучіо и у полю као затвореногъ држи. Кадъ сынъ, човекъ іоштъ младъ, чуе, да е отаць нѣговъ у некакву парницу уплетенъ, поити у Римъ и дође пре зоре у Помпоніеву кућу. Овай, како му се за Манлія яви, мислећи, и тай е штогодъ донео противъ отца, устане изъ кревета, да младића къ себи дозвати, а другигима заповеди, да се одатле уклоне. Али овай, како уђе, потегне таки мачъ иза пояса, и закунесе, да ће га таки убити, ако му се не закуне, да ће отца одпустити. Помпоній се одъ стра закуне. После стваръ ту яви народу, покаже, збогъ чега онъ одъ свогъ намеренія одустае, и Манлія одпусти. Толико е у оно време заклетва значила. Ово е онай Манлій, кои е после кодъ реке Аніо єдногъ Галла убіо, кои га е на борбу позвао, томе е златанъ ланаць съ врата скинуо, и отудъ призиме добіо. И чрезъ побѣду е славанъ, еръ су за нѣговогъ трећегъ конзулата Латини кодъ реке Везерисъ надвладани: великій е было мужъ, него колико е было врло милостивъ прама свогъ отца, толико се врло строгъ показивао прама свогъ сына.

32.

Колико е Регулъ похвале достоянъ, што е заклетву обдржао, толико су они 10 збогъ неверности хулу заслужили; ако е истина, да е толико нѣи одъ Ханибала къ сенату послано съ томъ заклетвомъ, да се опетъ у освоєну земљу врате, ако не добію, да се робови промену, кои се после нису вратили. О овимъ не говоре сви єднако. Еръ Полибій, историкъ, на когъ се можемо поуздати, пише, да одъ 10 најблагородниі, кои су онда были послани, деветъ су дошли натрагъ, кадъ одъ сената нису оно добыли, што су искали; єданъ е пакъ,

кои се, текъ што е изъ логора изишао, вратио, аки бы нешто заборавіо быо, остао у Риму. Ёрь тимъ, што се вратио у логоръ, ослободіо самъ се, вели, оне заклетве. Ніе право. Превара не ослобођава одъ обвезе заклетве, него већу чини кривицу, кадъ е преступимо. Дакле е было лудо лукавство, кое е наопако тело да се мудро покаже. Зато сенатъ о-предели, да се овај лукавый врагъ у гвожђу Анибалу натрагъ одведе. Али оно е найвеће: Осамъ иляда Римляна біаше у Анибаловымъ рукама, кои нису у бою зароблѣни, нити су боећисе смрти побегли, него кои су се у логору, гди су одъ конзула Павла и Варрона оставлѣни, безъ свакогъ боя предали. Ове заключи сенатъ, да не искуплюю, премда е маломъ сумомъ учинити могао: ерь е тео ту мысао римскимъ войницима уселити, да имъ ништа друго не предстои, него смръть или побѣда. Кадъ то Анибалъ чуе, казуе тай истый списатель, падне духомъ, и изгуби надежду, да ће такій народъ моћи побѣдити, кои е у найнесрећнімъ обстоятелствама толику якость и величину духа показао. Ово е примеръ мнине ползе, кою поштенъ, кадъ се съ нѣомъ сравни, превозилази. Сасвимъ другчіе то Ацилій приповеда, кои е исторію грчки писао: онъ вели, да е нѣи выше было, кои су се у логоръ вратили, да ономъ истомъ преваромъ заклетву са себе скину, кои су после одъ цензора свакояко срамоћени были. Време е, да већъ ово свршуемъ. Ясно се види, да, што годъ духомъ малымъ, плашљивымъ и подлымъ бива, као што бы дело Регулово было, да е и зароблѣ онако као што е по нѣга, а не по државу добро, советовао, или да е у Риму остао быо, то е све неполезно, ерь е злочесто, ружно и непоштено.

33.

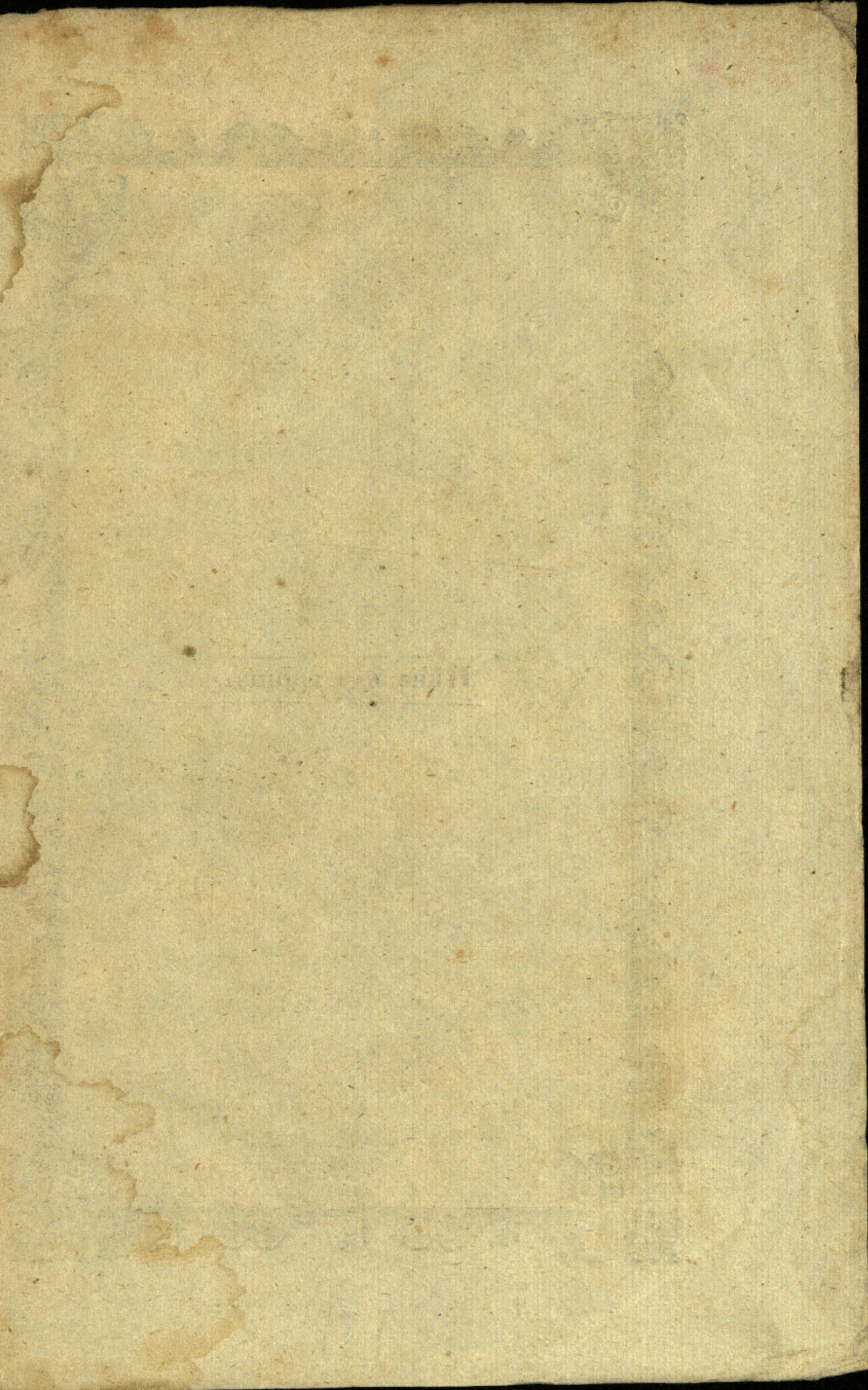
Юштъ намъ е остао четвртый родъ моралногъ добра, кои умереность, уздржаніе, редъ и благосто-

яніє у себи содржава. Може ли и шта полезно бити, што є овомъ хору добродѣтели противно? По Аристипу Циренайци и Аницеріи философи названи цело су добро у увеселенію полагали, а добродѣтель су зато држали, да є похвале достойна, што є она средство увеселенія. Ово кадъ се угаси, настане Епикуръ. тогъ истогъ миѣнія спомоћникъ и установитель. Противъ овы людій треба са целомъ своіомъ снагомъ воевати, ако мыслимо, да добродѣтель као собствено добро чувамо и бранимо. Ёръ ако по миѣнію Метродоровомъ совршено здравлѣ добро организираюгъ тела, поредъ тврде надежде, да ћемо оно свагда имати, нечини само неку часть внѣшнє среће, него читаву срећу: то наша асна и то найвећа мора доста пута са нашомъ дужносћу бити у неслоги. Ёръ прво, коє ћемо место у овомъ расположенію памети дати? Може бити то, да свію страна пріятности изражує? О како є бедна добродѣтели служба, коя мора увеселеніє да слуша! а коя є дужность памети? да увеселенія разумно бира? Да рекнемо, да одъ овогъ ништа пріятнієгъ нема: шта се може мыслити ружніє? А кои боль држи за найвеће зло, гди ће имати кодъ нѣга места храбрость. коя є бола и трудова презреніє? Епикуръ истина на многи мести доста храбро о болу говори; али се не гледи, шта онъ говори, него шта бы онай говорити морао, коме є увеселеніє само добро, а ништа друго зло ніє, него боль. Тако говори и о уздржанію и умерености. али се неможе да макне. А тако и єсть, како онай философъ, кои у чувственомъ увеселенію найвеће добро полаже, умереность као похвале достойну представити, будући да є ова непріятельца пожеланія, дакле и чувствены увеселенія, за коима она теже? Али се у овимъ трима родовима добродѣтельима Епикурейци доста лукаво умеду извући. За паметь веле, она се состои у знанію, како ћемо увеселенія прибавити, а боль одвратити? О храбрости кажу, да учи васъ, да смръть презремо, и да боль сносимо. И умереность увѣде истина не тако згодно, али опетъ како тако у свою систему: говорећи, да се величина увеселенія у умаляваню бола состои. А правда и друге добродѣтели, коє се друштва човеческогъ тичу, нѣиняюсе,

или су сасвимъ погажене. Ёрь нити доброта, нити милость, нити човеколюбіе, ни пріятельство може обстати, ако се збогъ себе сами не траже, него збогъ увеселенія и ползе. Да накратко све скупимо. Ёрь као што самъ доказао, да нема асне, коя бы поштеню противна была: тако садъ велимъ, да є свако увеселеніе поштеню противно. Зато судимъ, да Калифо и Диномахъ іоштъ већу хулу заслужую, кои су мыслили, да ћеду тимъ сву распру свршити, што ћеду найвеће добро изъ добродѣтели и увеселенія саставити; соединеніе онако исто, као између човека и скота. Тогъ соединенія поштенѣ не прима, гнушасе, и одбацує. Притомъ найвеће добро, кое є єдно, не можесе изъ выше несродны стварій состояти. Него ћу о овомъ, (єрь є важно) на другомъ месту обширніе говорити. Садъ да се вратимъ къ ствари, о којой є говоръ быо. Како дакле треба стваръ разсудити, ако кадгодъ оно што се чини, да є полза, съ поштенѣмъ не буде у слогі, доста є говорено. Ако ли и увеселеніе узима видъ ползе, оно се съ поштенѣмъ не може соединити. Ёрь да штогодъ и увеселенію дамо, оно є найвыше, ако є полза єло, кое насъ рани, зачинъ, кои єло чини пріятніе.

Ето ти дара одъ отца, Марко сыне, дара по момъ мнѣнію великогъ: а наипосле како га примишъ, онакій ће бити. Ове три књиге треба да између Кратиповы толкованія као гошће примишъ. Али како годъ, што бы ты и мене слушао быо, да самъ я у Атину отишао (кое бы было, да ме ніе съ среде пута явнымъ гласомъ отечество натрагъ позвало): тако исто на ово дѣло, кое мой устменный говоръ теби доноси, толико употреби времена, колико узможешъ: а моћићешъ, колико усхтешъ. Кадъ разумемъ, да ты у овой струци науке увеселеніе налазишъ, то ћу се я скоримъ временомъ, као што се надамъ, устмено, а докъ си годъ удалѣнь одъ мене, писмено о томъ разговарати. Здравъ ми буди любезный сыне, и буди уверенъ, да си ми ты наймилии: него ћешъ ми іоштъ много милии бити, ако у такимъ дѣлама и истинама узналазишъ увеселеніе.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р13СрII 1069.1

Цѣна є 6 гроша.